

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

58

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

58

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — *А. Д. Удадьцов*

Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

*А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов,
Л. А. Евтюхова, А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

В. И. ЦАЛКИН

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ
ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

*(Доклад, прочитанный в Секторе неолита, бронзы и раннего железа
ИИМК АН СССР 14 ноября 1953 г.)*¹

При раскопках памятников материальной культуры почти всегда обнаруживается некоторое количество костей различных животных. Нередки случаи, когда численно кости занимают первое место среди находок и, наряду с керамикой, служат основным материалом, которым располагает археолог.

Но если керамика и другие предметы материальной культуры изучаются углубленно и тщательно, то этого, к сожалению, нельзя сказать о костных остатках. Дореволюционные археологи по большей части игнорировали костный материал, не придавая значения его изучению и отбрасывая как балласт. Достаточно напомнить о раскопках Уварова, Бобринского, Веселовского, Реслера и других археологов второй половины прошлого и начала нашего столетия. Огромное количество костей, найденных ими при раскопках древних поселений, могильных полей, курганов и других памятников, осталось неисследованным. Для науки этот материал погиб безвозвратно.

В настоящее время мы имеем все основания утверждать, что материалы исследований костных остатков из археологических раскопок имеют большой и многосторонний интерес, и не только для историков материальной культуры, но и для зоологии и зоогеографии, земледелия и животноводства. Не претендуя на всестороннее освещение этой проблемы, мы остановимся лишь на некоторых основных вопросах.

Общеизвестно, что история развития общества есть, прежде всего, история развития производительных сил и производственных отношений². Изучение этих основных вопросов всегда занимает видное место в работах археологов и историков, стоящих на позициях материалистического понимания исторического процесса. Совершенно несомненно, что изучение костных остатков является одним из важнейших путей, ведущих к конкретному пониманию социально-экономической жизни в древнейшие исторические эпохи.

Даже самое элементарное изучение костей, обнаруженных при раскопках, может дать историку материальной культуры некоторое представление о характере хозяйства населения, оставившего тот или иной памятник.

¹ Печатается в сокращенном виде.

² См. История ВКП(б). Краткий курс. 1950, стр. 116.

Сравнительно легко доступное специалисту определение костных остатков устанавливает состав видов животных, с которыми была связана хозяйственная деятельность человека. Это дает возможность судить о значении охоты, рыболовства, животноводства, иметь представление о производительных силах и производственных отношениях и способствует правильному пониманию исторического процесса.

К каким грубым ошибкам, серьезным искажениям представлений об историческом процессе ведет иногда игнорирование археологами костных остатков, можно судить хотя бы по следующему характерному примеру. В русской буржуазной историографии был распространен взгляд, что основным источником существования славян, обитавших на территории Восточной Европы, была охота и что лишь с XV—XVI вв. земледелие становится у них основной отраслью производства. Подобная, чуждая исторической действительности и глубоко реакционная идея не только не могла бы существовать продолжительное время, но вообще и не возникла бы, если бы исследовались костные и зерновые остатки из славянских поселений.

В течение последних лет мы имели возможность систематически исследовать костные остатки из раскопок таких городов древней Руси, как Новгород, Псков, Старая Ладога, Москва и Старая Рязань. Общее количество материала со всех памятников исчислялось многими десятками тысяч экземпляров. Обилие исследованного материала и повторяющаяся, сходная в основных чертах картина результатов исследования исключают возможность считать их случайными и убеждают, что мы имеем дело с реальным отображением действительности.

К каким же основным выводам приводит анализ костных остатков из городов древней Руси? Кости диких животных (преимущественно лося, бобра) не составляют среди них особой редкости. Ассортимент диких животных, мясо которых использовалось в пищу населением древней Руси, был даже довольно широк. Однако общее количество костей этих видов всегда крайне ограничено и выражается лишь в немногих процентах, а иногда даже десятых долях процента общего количества определенного при исследовании материала. Основная масса неизменно принадлежит крупному рогатому скоту, овцам, козам, свиньям и лошадям. Представляется совершенно очевидным, что роль диких животных в питании населения городов древней Руси была весьма незначительной. Основу мясного питания составляло мясо домашних животных, главным образом свиней и крупного рогатого скота. Естественно, что подобное положение не могло бы существовать при низком количественном уровне животноводства. Мы должны признать, что в период VII—XVI вв. в древней Руси разводились все основные виды сельскохозяйственных животных, причем разводились в количестве, удовлетворявшем потребность населения в мясе. Интересно, что роль диких животных в питании населения в этот период не изменяется, свидетельствуя об устоявшемся хозяйственном укладе; она незначительна как в начале, так и в конце этого периода.

Можно возразить, конечно, что кухонные остатки из крупных городских поселений вообще мало пригодны для суждения о значении охоты в питании населения страны и что совершенно иную картину могут дать мелкие и тем более ранние славянские поселения. Действительно, материал из некоторых таких поселений может служить основанием для подобных предположений. Так, например, по данным В. И. Громовой¹, остатки диких животных в раннеславянских городищах вблизи г. Воронежа (Боршево I, Боршево II) гораздо многочисленнее, чем в городах. Кости лося, кабана, бобра

¹ В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городов вблизи г. Воронежа. МИА, № 8, 1948.

и других диких млекопитающих составляют около двух третей общего количества костей, собранных при раскопках этих поселений. Однако подобные городища — сравнительно редкое явление. В целой серии исследованных нами славянских поселений, относящихся ко времени от рубежа до конца I тысячелетия, роль диких животных в питании населения гораздо скромнее.

Замечательным памятником, занимающим совершенно особое место по характеру костных остатков среди других одновременных ему памятников древней Руси, является Гродно, раскопки которого в течение ряда лет производились польскими археологами и были завершены Н. Н. Ворониным. Из культурного слоя, охватывающего XII—XVI вв. н. э., нами было исследовано более 18 тыс. костей — материал настолько обширный, что выводы, сделанные на основании его изучения, вряд ли могут вызвать существенные сомнения. Оказалось, что почти 57% костей принадлежало диким копытным животным — зубру, благородному оленю, лосю, кабану и косуле, т. е. видам, мясо которых безусловно использовалось в пищу. Если учесть также, что дикие животные того времени, в противоположность домашним, отличались весьма крупными размерами, то становится очевидным, что население древнего Гродно питалось преимущественно мясом диких животных. Отражает ли, однако, этот памятник общую для древней Руси картину, свидетельствуя о слабом развитии животноводства? На этот вопрос приходится ответить отрицательно.

Чтобы понять специфические особенности хозяйства древнего Гродно, следует обратиться к истории этого интереснейшего памятника. Первоначально — это западный форпост древней Руси на границе с Литвой, позднее — охотничьи замки литовских и польских феодалов. Насколько был богат крупной дичью этот край, можно судить хотя бы уже по одному исторически вполне достоверному факту: перед походом на рыцарей Тевтонского ордена литовский князь Ягелло с многочисленным отрядом охотился в районе древнего Гродно, специально заготавливая мясо для предстоящего похода своей армии, состоявшей из ста тысяч человек. Легко себе представить, какое количество зверя могло быть добыто при подобном мероприятии. Не случайно именно в этих местах сплошных девственных лесов возник первый в Европе заповедник — Беловежская пушта, и возник он потому, что здесь еще сохранялась относительно очень богатая и ценная охотничья фауна. В состав ее входил и зубр, уже полностью исчезнувший к тому времени в других странах Северной Европы¹.

Далее, можно считать достоверно установленным, что право охоты на крупную дичь ограничивалось литовскими феодалами уже с древних времен. В литературных источниках мы находим указания, что уже с самого начала XV в. право охотиться на крупного зверя принадлежало исключительно князьям Ягелло и Витовту, а лесной устав Сигизмунда I предусматривает даже смертную казнь за недозволенную охоту на крупного зверя, вплоть до косули. В «Уставе на волоки господаря короля» великого княжества Литовского² от 1557 г. мы читаем: «вольно забити волка, лисицу, рыся, росомаху, зайца, белку и иныший зверь малый, также птахи всякие и продавати кому хочачи и не оповедаючи вреду». Таким образом, крупные звери, и прежде всего, конечно, копытные, были заповедными по всему королевству. Поэтому обилие костей диких животных в культурном слое древнего Гродно это результат реализации литовскими и польскими феодалами своих охотничьих привилегий.

Следовательно, общие итоги изучения костных остатков из различных славянских поселений показывают, что решительно нет оснований рассма-

¹ Г. Карцов. Беловежская пушта. 1903, стр. 114.

² Законодательные акты великого княжества Литовского XV—XVI вв. М., 1936, стр. 55.

тривать охоту у славян Восточной Европы как важнейший источник пищи и тем более придавать ей значение основного способа производства. Она могла играть лишь чисто подсобную роль, тогда как основная принадлежала животноводству. Оговоримся, что мы совершенно не касаемся вопроса о значении в хозяйстве славян охоты на пушного зверя, являвшейся в значительной мере источником меновых ценностей. Кухонные остатки из славянских поселений почти не дают материала для суждения об этом интересном вопросе.

Следует добавить также, что в ряде случаев изучение костных остатков дает ценные указания на характер жизненного уклада населения. Известно, например, что костные остатки из поселений кочевников и оседлых жителей существенно отличаются друг от друга. Иногда состав костей из раскопок с большой яркостью отражает некоторые исторические события. Примером могут служить, в частности, памятники древнего Хорезма. Основываясь исключительно только на исследовании костных остатков, можно совершенно свободно разграничить слои, относящиеся ко времени до завоевания страны арабами и после него. Замечательно точным показателем служат в этом случае кости свиньи, полностью исчезающие из пищевых остатков при распространении ислама¹.

Определением видового состава фауны и элементарной статистической обработкой полученных результатов чаще всего и ограничиваются при изучении найденных при раскопках костей, используя материал лишь для характеристики хозяйства. Этим, однако, не исчерпываются возможности научного использования костных остатков.

Обратимся, например, к одной из самых важных и интересных проблем, в которой объединяются научные интересы весьма различных областей, — проблеме происхождения и эволюции домашних животных.

Приручение основных видов домашних животных относится к глубокой древности. По понятным причинам мы не располагаем какими-либо письменными источниками, которые могли бы приблизить нас к пониманию обширного комплекса вопросов, возникающих в связи с этим процессом, имевшим огромное значение в развитии человеческого общества. Естественно, что основной путь к овладению проблемой происхождения, приручения и эволюции домашних животных лежит в изучении их остатков.

Хотя над вопросом о происхождении домашних животных работали довольно много и наши и зарубежные ученые, современные знания еще очень далеки от уровня, который удовлетворял бы интересам и археологии и зоотехнии. О предках домашних животных и до сих пор существуют весьма разноречивые представления, наглядно свидетельствующие о слабой изученности вопроса. Много неясного продолжает оставаться в происхождении домашних лошадей, крупного рогатого скота, овец, свиней, собак.

В связи с проблемой происхождения домашних животных хочется в нескольких словах остановиться на взглядах, высказанных в прошлом столетии известным немецким исследователем Натузиусом, одним из основоположников изучения этой проблемы. Отмечая, что «нет ни одного такого домашнего животного, происхождение которого было бы достоверно известно», Натузиус склоняется к мысли: «не создано ли было домашнее животное таковым, чтобы сделаться домашним, как водные животные пригодными для жизни в воде, лазающие и наземные для соответствующих условий существования»². Глубоко идеалистический характер подобных взглядов, находящих защитников среди некоторых буржуазных архео-

¹ В. И. Цалкин. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 243.

² Цитируется по Е. А. Богданову «Происхождение домашних животных». М., 1937, стр. 9.

логов, очевиден. В свое время эти взгляды были поддержаны Н. Я. Марром. Мы имеем в виду его статью, посвященную вопросу об одомашнивании собаки¹. В этом труде Н. Я. Марр вполне солидаризируется с взглядами зарубежных археологов, которые он называет последним словом археологической науки, полностью совпадающим с его теорией о языке. Взгляды же эти сводятся к следующему. Биология диких собак такова, что они, пользуясь хорошо развитым обонянием, постоянно следуют за более крупными хищниками и питаются остатками их пищи. Так как величайшим хищником в отношении животного мира был всегда человек, то дикие собаки следовали за грабительскими походами скитавшихся охотников, чтобы на стоянках поедать их объедки. Позднее в тех же целях дикие собаки оказались в поселениях людей, ставших уже оседлыми. Таким образом, получается, что не человек приручил собаку, а она сама себя одомашнила. Н. Я. Марр именно так и пишет: «Дикая собака снюхалась с человеком сама», «уже изначально собака оказывается с целевой установкой приручить нюхом себя»² (подчеркнуто нами. — В. Ц.).

Прежде всего следует отметить, что понятие «дикая собака» само по себе крайне неопределенно, так как может быть отнесено к любому из видов семейства псовых — группе обширной, насчитывающей много видов и в экологическом отношении несомненно довольно пестрой. Но даже если иметь в виду лишь волка и шакала — двух наиболее вероятных предков домашних собак, то степень их синантропности чрезвычайно преувеличена. Нетрудно увидеть здесь полное идейное родство взглядов Натузиуса и Н. Я. Марра, взглядов одинаково идеалистических, одинаково порочных.

Вызывают сомнение и другие положения, высказанные Н. Я. Марром в той же статье. По его мнению, «домашние животные были уже осознаны в звуковой речи, были выявлены раньше, т. е. наречены раньше, чем звери»³. Откуда же, спрашивается, произошли названия диких животных у народов, вообще не знавших одомашнивания?

Все это не помешало, однако, «теории» Н. Я. Марра довольно прочно закрепиться в зоотехнической литературе. В одном из новейших наших учебников общей зоотехнии⁴ отмечается, что «приручению способствовал и такой факт, как голод, гнавший животных к человеческому жилью, чтобы воспользоваться остатками пищи». Недостаток пищи у диких животных здесь рассматривается, следовательно, даже как фактор общего значения в процессе образования домашних животных. В книге М. О. Косвена по истории первобытной культуры, наряду с различными «теориями» одомашнивания упоминается и такой взгляд, что некоторые виды оказались одомашненными благодаря мошкам и комарам, заставлявшим животных искать убежища у разведенных человеком костров и таким путем «привязываться» к человеку⁵.

Мы привели этот пример с одомашниванием собаки только для того, чтобы показать, какие совершенно фантастические идеи возникали и возникают в проблеме происхождения домашних животных в результате отсутствия достаточно углубленных исследований, стоящих методически на уровне требований современной науки.

В области изучения происхождения домашних животных советская наука имеет большие и ценные традиции, идущие от К. Ф. Рулье,

¹ Н. Я. Марр. Одомашнивание собаки. Проблема происхождения домашних животных, вып. I. М., 1933, стр. 63—78.

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 70.

⁴ М. Ф. Томмэ и Е. А. Новиков. Общая зоотехния. М., 1950, стр. 328.

⁵ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 72.

Д. Н. Анучина и Е. А. Богданова. Энергичное развитие получили работы в этом направлении в тридцатых годах, когда под руководством С. Н. Боголюбского был выполнен цикл исследований, результаты которых частично опубликованы в сборниках, посвященных проблеме происхождения, эволюции и породообразования домашних животных¹. Эти исследования — несомненно ценный вклад в нашу науку. Тем не менее в дальнейшем работы совершенно прекратились, и за последние пятнадцать лет в нашей литературе не появилось ни одного оригинального исследования по вопросу о происхождении и эволюции домашних животных, если не считать монографии В. И. Громовой² по ископаемым лошадям, лишь косвенно связанной с этой проблемой.

От первого периода одомашнивания основных видов сельскохозяйственных животных нас отделяют уже многие тысячелетия. За это время домашние животные не остались неизменными. Под влиянием природных условий и под воздействием человека они изменялись. Их эволюция теснейшим образом связана с историей всей материальной культуры и, следовательно, с исторической сменой общественных формаций. Поскольку общественные формации древних эпох в существенной степени определялись развитием животноводства, изучение костных остатков домашних животных оказывает большую помощь при изучении истории развития общества.

Велико значение изучения эволюции домашних животных и для практики современного животноводства, особенно в деле создания новых пород. С. Н. Боголюбский³ справедливо отмечает, что здесь постоянно возникает необходимость иметь достаточно ясные представления не только о современном состоянии породы, но и об ее эволюционном пути. Это дает возможность судить о направлении подбора и тех изменениях, которые осуществлялись в породе до того, как она приняла современную форму. Особенно важно это в отношении примитивных эндемичных пород, для которых не существует племенных книг, облегчающих изучение формирования. Зоотехники, анализируя современные культурные породы, тоже очень часто сталкиваются с необходимостью разобраться в древнейших предках этих пород.

Так, например, в вопросе о происхождении тонкорунных овец широко распространен взгляд, что этот признак возник монофилетически и что единственным источником тонкорунных овец была Юго-Западная Европа. С этой точки зрения все шерстяные ткани древней Азии не могли быть тонкорунными, поскольку там не было в древности мериносов. Однако в резком противоречии с этой концепцией находится факт находки в Пазырыке (Алтай) тканей из шерсти тонкорунных овец. Изготовлены ли эти ткани из шерсти каких-то местных тонкорунных овец или овец европейского происхождения? Проблема имеет отнюдь не только чисто академический интерес, так как связана с решением вопроса о возможности создания тонкорунных овец из различных наших современных грубошерстных пород. Речь идет, таким образом, о вопросе огромного практического значения, открывающем широкие возможности в советском овцеводстве для работы по улучшению племенного состава.

Нет ясности до сих пор и в вопросе о происхождении каракульских овец.

Таким путем интересы истории материальной культуры вступают в непосредственную связь с интересами современного хозяйства нашей

¹ Проблема происхождения домашних животных, вып. I, 1933; Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М., 1940.

² Вера Громова. История лошадей в Старом Свете, ч. I и II. Труды Палеонтологического института АН СССР, т. XVII, вып. 1 и 2. М., 1949.

³ С. Н. Боголюбский. О путях к овладению эволюцией домашних животных. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М., 1940, стр. 9.

страны. Нельзя поэтому не присоединиться к мнению С. Н. Боголюбского¹, убедительно аргументировавшего необходимость создания новой отрасли научного знания — палеоктенологии, науки, изучающей закономерности в развитии животноводства в доклассовый и классовый периоды истории человечества с учетом социальных, биологических и географических особенностей.

Важность исторического подхода все отчетливее осознается зоотехниками, и с чувством удовлетворения можно отметить, что в некоторых советских руководствах по зоотехнии уже появились попытки дать очерки животноводства в последовательно сменяющих друг друга типах производственных отношений: первобытно-общинных, рабовладельческих, феодальных, капиталистических и социалистических².

К сожалению, и тот сравнительно скудный материал, который накоплен по этим вопросам современной наукой, нередко используется неполно, а иногда и преподносится в искаженном виде. Так, в учебнике по общей зоотехнии М. Ф. Томмэ и Е. А. Новикова, рекомендованном Министерством сельского хозяйства СССР и изданном тиражом 50 тыс. экземпляров, студентам сообщается, что «диким предком лошади является единственный вид — лошадь Пржевальского», что «в Средней Азии домашний крупный рогатый скот, овцы, козы и верблюды существовали за 9000 лет до нашего времени»³, что «впервые европейский дикий кабан был одомашнен на юге Европы славянскими народами около 400 лет назад»⁴. Эти примеры дают ясное представление о научном уровне раздела, посвященного происхождению домашних животных.

Может быть отмечен и еще один аспект изучения остатков домашних животных, имеющий непосредственное значение для истории материальной культуры. Существование многих видов диких животных тесно связано с определенным природным комплексом. Этим нередко пользуются для реконструкции природных условий, в которых развивалась та или иная древняя культура. Однако пригодны для этой цели не только дикие, но и домашние животные, хотя на них с этой точки зрения внимания почти не обращают.

Еще Дарвин указывал, что свойства различных домашних животных определяются не столько их происхождением от первоначальных предков, сколько природными условиями и тем воздействием, которое оказывает на них человек. Сознательный подбор, приведший к образованию современных пород сельскохозяйственных животных, начался в Европе довольно поздно, с XVII—XVIII вв. Породы сельскохозяйственных животных, с которыми мы сталкиваемся при изучении костных остатков из памятников материальной культуры, обычно принадлежат к числу примитивных, выведенных на сравнительно ранней стадии сельскохозяйственного производства. В образовании их большое значение принадлежало факторам естественного ландшафта (климата, почвы, растительности, рельефа и т. д.); развивались они под сильным воздействием естественного отбора, определившего их приспособленность к местным условиям. Изучая костные остатки домашних животных, мы можем, таким образом, составить известное представление и о характере природных условий, в которых существовала та или иная культура, и об уровне производительных сил сельского хозяйства.

И для истории материальной культуры и для зоотехнии также весьма важен вопрос об организационных и производственных формах, которые имело животноводство на ранних исторических этапах.

¹ С. Н. Боголюбский. Указ. соч., стр. 16.

² Е. Я. Борисенко. Разведение сельскохозяйственных животных. М., 1952.

³ М. Ф. Томмэ и Е. А. Новиков. Общая зоотехния. 1950, стр. 327.

⁴ Там же, стр. 335.

Не останавливаясь более на вопросах животноводства, обратимся к тем перспективам, которые открывает изучение костных остатков для зоологии и зоогеографии. Мы не говорим здесь о палеонтологии, ибо роль археологии в изучении фауны плейстоцена и в датировке раннечетвертичных отложений достаточно хорошо известна. Можно напомнить прекрасные монографии В. И. Громова¹ и Веры Громовой², которые служат ярким примером взаимосвязи этих двух наук.

Современная зоогеография, изучающая распространение животных и историческое развитие естественных фаунистических комплексов, до последнего времени еще мало уделяет внимания роли человека. Хорошо известны, конечно, случаи полного исчезновения некоторых видов или сильного сокращения численности и ареала других. Известны и случаи противоположного характера, когда под воздействием человека происходило увеличение численности видов и расширение области их географического распространения. Примеры подобного рода можно найти в любом учебнике зоогеографии.

Но тем не менее за исходное состояние голоценовой фауны обычно принимается тот облик ее, который был установлен во второй половине XVIII—начале XIX в. исследованиями Палласа, Гмелина, Георги, Мессершмидта и других основоположников изучения фауны России. Мы далеки от мысли хоть сколько-нибудь умалять эпохальное значение этих исследований, но сейчас имеются все основания считать, что фауна к тому времени уже подверглась существенному, значительно более глубокому и разностороннему воздействию человека, чем это обычно предполагается. В особенности это относится к млекопитающим, имевшим охотничье значение и привлекавшим внимание человека уже с древнейших времен. В этом смысле нужно признать, что влиянию человека на фауну столько же лет, сколько лет самому человечеству. По понятным причинам оно сильнее всего проявилось в районах существования древних культур, где к прямой, истребительной деятельности человека прибавлялось воздействие разнообразных факторов его хозяйственной жизни. Распахивая целину, вырубая и выжигая лесные массивы, выпасая скот, человек сильнейшим образом изменял природные условия страны, создавая неблагоприятную обстановку для одних видов и, наоборот, благоприятствуя расселению других. Поэтому уже с древнейших времен исконные ареалы некоторых видов животных оказались в большей или меньшей степени измененными человеком.

Исторические письменные свидетельства и произведения народного эпоса, часто привлекаемые для изучения древнего распространения животных, весьма скудны, а нередко содержат указания очень расплывчатые, дающие возможность крайне произвольного толкования. Вот почему такое важное значение приобретает костный материал из раскопок, нередко дающий объективные указания на существование в отдельных районах страны таких видов, которые сейчас в них не встречаются. Иногда анализ костных находок позволяет зоологам и зоогеографам совершенно в ином свете представить себе исконный характер фауны некоторых частей страны, реконструировать ареалы ряда видов, осознать глубину и многогранность воздействия человека на животный мир.

Можно привести ряд примеров успешного использования подобного рода данных в исследованиях советских зоологов. К числу таких работ относится, например, монография В. Н. Скалона³ о речных бобрах Северной Азии. Используя данные археологии, этнографии, истории и зоо-

¹ В. И. Громо в. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. М., 1948.

² Вера Громо ва. Указ. соч.

³ В. Н. Скало н. Речные бобры Северной Азии. М., 1951.

логии, автор весьма успешно установил прежний объем ареала бобров в Сибири, последовательность, характер и причины его сокращения, наметив важные в наше время пути и возможности реакклиматизации животных. Широко использован материал из раскопок и в монографии П. Б. Юргенсона¹ о соболях и куницах, где автор, на основе анализа ископаемых остатков, восстановил прежний ареал соболя и выяснил широкое распространение этого вида на территории Восточной Европы. Исчезновение соболя с европейской части территории распространения П. Б. Юргенсон справедливо приписывает деятельности человека. Автор отмечает, что дело заключается не только в истреблении соболя, но и в радикальных изменениях в характере лесных насаждений, вызванных лесными пожарами, обусловивших ухудшение жизненных условий для этого животного. Кости рыб из раскопок памятников материальной культуры европейской части СССР послужили для обширной монографии В. Д. Лебедева², установившего, что наша современная европейская ихтиофауна пресных водоемов не отличается существенно от плейстоценовой.

Казалось бы, что распространение такого животного, как лось, изучено очень подробно. Однако несколько лет назад Н. К. Верещагин и Н. Наниев³, занимавшиеся изучением костей из жертвенных пещер Северной Осетии, сделали замечательное открытие: ими было найдено много черепов лосей, на основании которых достоверно установлено распространение этих животных на Кавказе вплоть до середины прошлого столетия. Чтобы понять научное значение этих находок, нужно иметь в виду, что лось считается обычно типичным представителем фауны лесной полосы Северной Европы и Азии; отсутствие лося всегда считалось одной из характерных фаунистических особенностей Кавказа, занимая видное место в зоогеографических соображениях по истории его животного мира.

Интересные результаты дало нам изучение костей животных из раскопок Неаполя Скифского (в слоях античного и римского времени)⁴. Правда, количество костей диких животных здесь оказалось очень незначительным, но среди них удалось обнаружить остатки видов, не только отсутствующих ныне в фауне Крыма, но и ранее для нее не известных (например, бобр, кабан, сайга, кулан). Констатация упомянутых видов показывает, что еще к началу нашей эры фауна Крыма качественно мало отличалась от фауны сопредельных районов Украины и что ее современная дефектность представляет вторичное явление, обусловленное деятельностью человека, истребившего крупных млекопитающих, служивших объектами охоты. Находка костей бобра — животного, существование которого связано с водоемами, имеющими прибрежную лесную растительность, не только значительно расширяет наши представления о прежнем распространении этого вида, но и показывает, что гидрологический режим рек Крыма был в начале нашей эры совершенно иным. Это подтвердили и данные В. Д. Лебедева⁵, исследовавшего кости рыб древнего Крыма и также пришедшего к заключению, что реки были значительно более многоводными. Отсюда следует, что природные условия Крыма в начале нашей эры заметно отличались от современных.

¹ П. Б. Юргенсон. Опыт сравнительной экологии р. Martes. Автореферат, 1950.

² В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. Автореферат, 1952.

³ Н. К. Верещагин и Н. Наниев. Прежнее и современное распространение копытных в Северной Осетии. Зоол. журн., № 3, 1949.

⁴ В. И. Цалкин. Новые данные к истории фауны Крыма. Докл. АН СССР, т. 59, № 3, 1950.

⁵ В. Д. Лебедев. Рыбы из позднелепестчатой стоянки Мурзак-Коба в Крыму. Бюлл. МОИП, отдел биол., № 6, 1952.

Очень интересна находка в Крыму костей кулана. Сейчас это крайне редкое животное ограничено в распространении (в пределах СССР) Южной Туркменией. Основываясь на изучении распространения кулана в последние столетия, зоологи считают этот вид типичным для зоны пустынь и полупустынь, не встречавшимся к западу от Волги. Но находка остатков его в Крыму¹ и в ряде пунктов Украины вплоть до XII в. н. э.² свидетельствует, что дикий осел населял всю степную полосу Южной России. Истребленный человеком на большей части территории своего распространения, кулан сохранился лишь в наиболее отдаленных и малонаселенных районах, в частности в пустынях Средней Азии, ставших его последним убежищем. Так, археологический материал позволяет правильно понять и оценить истинный экологический облик животного.

Примером глубокого воздействия антропологических факторов на распространение животных может служить также обширная и разнообразная группа диких баранов. Изучение особенностей строения тела, образа жизни и географического распространения баранов показало, что наблюдающееся в настоящее время тяготение их к зоне высокогорий — явление вторичное, обусловленное воздействием человека³.

В материалах из раскопок крупных городских поселений древней Руси кости диких животных обычно сравнительно редки. Но и там встречаются иногда очень интересные находки. Например, среди костей животных из раскопок древнего Новгорода нами были встречены остатки дикого быка — тура. Многочисленные и разносторонние данные позволяют считать, что тур был довольно широко распространен в историческое время в Восточной Европе. В этом убеждают и прямые упоминания в летописях и в описаниях путешествий в древнюю Русь, Литву и Польшу, и некоторые произведения русского народного эпоса, нередко содержащие упоминания о турах, и обилие географических названий, происходящих от слова «тур». И тем не менее остатки тура лишь изредка встречаются в неолитических памятниках и их совершенно нет в памятниках более поздних⁴. Исключение, пока единственное в лесной полосе страны, представляет древний Новгород. Находка остатков тура при раскопках в Новгороде устанавливает распространение этого животного в лесной полосе северо-западной Руси от неолита до XIV—XV вв. н. э.

За последние десятилетия накопилось уже немало фактов, побуждающих пересмотреть прежние взгляды на распространение животных. Не случайно именно из этих фактов заимствует И. Г. Пидопличко⁵ ряд важных и острых аргументов для критики ледниковой теории. Решение вопроса о леднике относится, разумеется, к компетенции геологов. Но нельзя не признать, что критика И. Г. Пидопличкой некоторых зоогеографических положений, привлекаемых геологами в пользу этой теории, заслуживает самого серьезного внимания.

Приведенные данные показывают, как можно существенно углубить и расширить наши представления об истории фауны изучением костей из археологических раскопок. Они являются единственным материалом для изучения фауны голоцена, в особенности на ранних его этапах.

Однако научное значение материала этим не ограничивается. В ряде случаев он может быть использован и для изучения эволюции, процесса видообразования — вопроса, находящегося сейчас в центре внимания всей

¹ В. И. Цалкин. Новые данные о распространении кулана в историческое время. Докл. АН СССР, т. 81, № 2, 1951.

² И. Г. Пидопличко. О ледниковом периоде, ч. II. Киев, 1951.

³ В. И. Цалкин. Горные бараны Европы и Азии. М., 1951.

⁴ В. И. Громова. Первобытный бык или тур в СССР. «Ежегодник Зоол. музея АН СССР», т. XXXII, вып. 3, 1931.

⁵ И. Г. Пидопличко. О ледниковом периоде, ч. II. Киев, 1951.

биологической науки. Например, В. Д. Лебедев установил, что виды рыб, обнаруженные в четвертичных отложениях, по своим морфологическим признакам не отличаются от современных видов¹. Повидимому, условия существования рыб в большинстве континентальных водоемов европейской части СССР в четвертичном периоде не выходили за пределы видовых приспособительных свойств населяющих их видов. В других случаях, наоборот, обнаруживаются совершенно ясные изменения животных за относительно очень небольшие промежутки времени. Например, сравнение костей зубров, оленей и кабанов из раскопок древнего Гродно с костями современных животных из этого же района показало, что размеры современных значительно меньше, чем существовавших несколькими столетиями раньше². Измельчение зубра, в частности, оказалось в такой степени стойким, что сейчас, когда их содержат и разводят в условиях, казалось бы, вполне благоприятных, увеличить размеры до прежних еще не удалось.

Изучение костных остатков из раскопок должно иметь целью разработку трех основных проблем:

1. История охоты и животноводства как производительных сил древних обществ.

2. Происхождение и эволюция домашних животных.

3. История четвертичной фауны СССР.

С изучением этого замечательного материала дело у нас обстоит неблагоприятно: он или вовсе остается неисследованным или исследование ограничивается элементарным определением видового состава животных.

Решения XIX съезда партии обязывают советскую науку занять первое место в мире. Мы думаем, что в дальнейшем развитии археологической науки изучению костных остатков должно быть уделено серьезное внимание. Оно должно стать обязательным элементом исследований каждого памятника материальной культуры. Osteологический материал добывается археологами, исторически ими освещается, сосредоточен в руках археологов и тесно связан с задачами этой науки. Следовательно, ведущая роль в организации изучения костных остатков из раскопок в интересах всей советской науки принадлежит археологам.

Важнейшая задача в указанной области заключается, по нашему мнению, в изучении проблемы истории животноводства в широком ее понимании. Это настойчиво диктуется в равной мере интересами нашей современной животноводческой науки и истории материальной культуры. Основное внимание должно быть сосредоточено на разработке вопросов: происхождение домашних животных; центры доместикации; местные формирования и заимствования домашних животных; эволюция животных в одомашненном состоянии; породная, конституционная и возрастная остеология домашних животных в целях оценки породного состава и продуктивности древнего животноводства; значение и формы животноводства в хозяйстве различных исторических периодов и в условиях различных природных ландшафтов.

Одно из основных условий, обеспечивающих успешную работу над решением поставленных задач, — совместные усилия археологов, зоотехников и зоологов, комплексность, осуществляющаяся на всех стадиях исследования.

¹ В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. Автореферат, 1952.

² В. И. Цалкин. К истории литовского зубра. Докл. АН СССР, т. 77, № 2, 1951; е го ж е. Об аборигенном олене Западной Белоруссии. Там же, т. 77, № 3, 1951.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ
О БОСПОРСКИХ ЩИТАХ

У большинства народов античности и средневековья щит был одним из важнейших видов защитного вооружения. На Боспоре щит также широко применялся, составляя важный элемент панοπлии. Исследованию боспорских щитов не уделялось достаточного внимания, а между тем изучение наступательного и защитного вооружения позволяет не только установить формы оружия и снаряжения, но и осветить тактические приемы боя.

В ранний период истории боспорских городов, до III—II вв. до н. э., боспорцы имели на вооружении круглый щит греческого образца (ῥσπίς) и скифские фигурные щиты.

Основной формой греческого щита классической эпохи был круглый щит, прикрывавший воина от плеча до бедра¹. Изготавливался он из дерева, обтягивался одним или несколькими слоями кожи, поверх которой набились металлические пластины с различного рода изображениями. Иногда пластины покрывали всю поверхность. Цельнометаллические щиты употреблялись редко. По краю щит обивался металлической, большей частью бронзовой пластиной. В середине внешней поверхности прикреплялась выпуклая металлическая пластина (ὀμφαλός, или римский umbo), усиливавшая защитные свойства. На внутренней стороне имелась петля и одна или несколько рукояток. Руку продевали в петлю по локоть, а кистью захватывали рукоять. Этот способ держания давал возможность уверенно управлять щитом. Такой тип щита изображен на вазах², кольцах, геммах³ и на других происходящих из Керчи вещах V—IV вв. до н. э. На ножнах акинака из Чертомлыцкого кургана⁴ изображена битва между греками и скифами, причем все греки (нужно полагать, греки из городов Северного Причерноморья) с круглыми щитами.

На надгробии IV—III вв. до н. э., найденном в 1951 г. в Керчи на горе Митридат и хранящемся в Керченском музее, изображен воин в кнemiдах и панцире: с левой стороны у него подвешен меч-махайра, а за спиной круглый греческий щит и три копья. Это редкое, к сожалению плохой сохранности, изображение дает полное представление о вооружении пантикапейского воина — гоплита IV—III вв. до н. э., а также о способе ношения щита в походе⁵.

¹ Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, «Clipeus»; Reallexicon der Vorgeschichte, t. 11, «Schild».

² E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 286, рис. 207; Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase. Atlas, serie IV, pl. XXI; М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, № 19, 1951, рис. 10, 2; рис. 14, 1.

³ ДБК. Атлас, т. XV, 2, 3, 12.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, 1949, рис. 16.

⁵ Ксенофонт указывает (Хен., Анаб., II, 16), что щиты в походе находились в чехлах.

Сделанные из дерева и кожи щиты почти никогда не сохраняются в погребениях. В 1907 г. В. В. Шкорпилом на горе Митридат¹, в погребении IV—III вв. до н. э., обнаружен терракотовый игрушечный круглый щит (диаметром 3 см), повторяющий форму греческого².

На рельефе надгробия эллинистического времени (II в. до н. э.) с изображением фасада пятиколонного храма³ помещено изображение декоративных или трофейных круглых щитов, представляющих полную аналогию упомянутому нами игрушечному.

В Зеленском кургане (IV—III вв. до н. э.) на Тамани, на плите могильного ящика № 2, обнаружено несколько обломков гладкой медной пластины, повидимому служившей для обивки краев круглого щита⁴.

О знакомстве пантикапейцев III в. до н. э. с формой круглых греческих щитов свидетельствует также изображение круглого щита на монетах Гигиеонта и Перисада⁵.

Применение такого щита на Боспоре в V—III вв. до н. э. неудивительно, поскольку население городов Боспора было в основном греческим, а вооруженную силу Боспора в V—начале IV в. до н. э. составляли граждане городов — городская милиция.

В IV в. до н. э. большую роль в составе всоруженных сил Боспорского государства стали играть отряды наемников. Наличие греческих и фракийских наемников на Боспоре в конце IV в. до н. э. засвидетельствовано Диодором Сицилийским⁶ в его рассказе о битве при Фате. Естественно, что греческие наемники, сражавшиеся в фаланге в качестве гоплитов, имели круглый греческий щит фалангитов. Фракийские наемники, известные на Боспоре в конце IV в. до н. э., вероятно также имели круглый щит, так как в IV в. во Фракии под македонским влиянием эта форма щита стала широко применяться наряду с пельтой и вместо нее⁷.

В составе вооруженных сил боспорские правители использовали и скифов. Из того же описания Диодором Сицилийским битвы при Фате нам известно о скифском союзном войске, сражавшемся на стороне Сатира. Скифы, имея свое традиционное вооружение, применяли легкие щиты типа фигурной пельты⁸. О скифских щитах мы знаем из упоминаний античных писателей (например, Элиана⁹) и по изображениям воинов на горите и гребне из кургана Солоха, на ритоне из раскопок А. А. Бобринского¹⁰, на электровом сосуде из Куль-Обы¹¹, на серебряном сосуде из кургана № 3 Частых могил под Воронежем¹².

Скифские щиты, легкие и обычно небольших размеров, также были сделаны из дерева и кожи. Попытки определить различие в форме скифских щитов различием их функциональной роли нам представляются бесплодными. Дело в том, что мы знаем почти столько различных форм скифских

¹ ИАК, вып. 35, стр. 24, рис. 11, могила 49.

² Ср., например, изображения щитов на западном фронте Эгинского храма, на саркофаге Александра (В. Д. Блаватский. Греческая скульптура. М., 1939, рис. 43, 44, 45, 137, 138а).

³ Kieseritzky-Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, табл. XXVIII, рис. 407; В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. 1947, рис. 48.

⁴ ИАК, вып. 60, 1912, стр. 28.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLII, 18, 21—24.

⁶ Diod., XX, 22—24.

⁷ А. М. Иванов. Этнические и культурные связи между фракийцами и скифами в VIII—IV вв. до н. э. Диссертация.

⁸ Reallexicon der Vorgeschichte, t. 11, S. 259.

⁹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 2, 1948, стр. 223.

¹⁰ ЗООИД, т. XXX, 1912, табл. IV—V.

¹¹ ДБК, табл. XXXIII, 1; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., рис. 20.

¹² Б. Н. Граков. Скифы. Киев, 1947, рис. 26, а, б.

щитов, сколько и их изображений (лунообразный, четырехугольный с закругленными углами, квадратный с вогнутыми краями, овальный). При одинаковых функциях они имели различные формы, а это — свидетельство того, что форме не придавалось существенного значения.

Главное заключается в том, что скифский щит был небольшим и легким; он предназначался для прикрытия в рукопашной схватке верхней части корпуса и головы, а в нужных случаях и нижних частей тела легковооруженного воина. Он был приспособлен для быстрого манипулирования в бою, причем применялся главным образом легкой пехотой, но мог использоваться и конниками при спешивании. В этом отношении типична сцена боя, изображенная на гребне из кургана Солоха, где пехотинцы действуют со щитом, а у конника он висит за спиной. По форме скифский щит был менее специализированным, чем греческий круглый или поздний боспорский большой овальный. На Боспоре в V—II вв. до н. э. употребление скифских легких щитов связано главным образом с участием в бою легкой пехоты.

Скифские щиты были местного (скифского) производства и местных образцов¹. Встречались у скифов и круглые щиты, которые, возможно, являлись следствием греческого влияния², шедшего через северо-причерноморские города; применялся также чешуйчатый щит, подобный изображенному за спиной у всадника на гребне из кургана Солоха. В боспорских некрополях таких щитов не встречено, если не считать чешуйчатой пластинки от щита в одном из курганов у Елизаветовской станицы³.

Скифы и меоты, повидимому, применяли щиты скифского и отчасти греческого образца; о последнем говорит находка в Зеленском кургане и круглая пластина от щита из кургана Карагодеуашх.

Круглый щит на Боспоре был принадлежностью пехотинцев — преимущественно гоплитов. Указаний на применение его всадниками в V—II вв. до н. э. нет.

В III в. до н. э. на Боспоре появляется новый тип щита — щит овальной формы, называвшийся греками *ζυρεος*⁴. Он становится господствующим в последующее время и особенно в первые столетия нашей эры. Нам он известен по многочисленным изображениям на надгробных рельефах, терракотовых статуэтках, настенной живописи погребальных склепов и монетах, причем большинство изображений относится к I—II вв. н. э.

Наиболее ранние изображения овальных щитов, относящиеся к III в. до н. э., следующие: на аверсе монеты Левкона II⁵ (третья четверть III в. до н. э.; рис. 1—4), где щит имеет продольное ребро и продолговатое возвышение в середине, которое мы условно будем называть умбоном; на надгробии конца III в. до н. э. из Керчи⁶. Кроме того, к III в. до н. э. относится овальный бронзовый щит из могилы, открытой Ашиком в 1834 г. у Карантинного шоссе⁷.

Многочисленные надгробные рельефы из Керчи и ее окрестностей дают изображения продолговатых овальных щитов, как больших, закрывающих воина от плеча и до нижних частей ног, так и несколько меньших размеров (от плеча до бедра). Пропорции щитов приблизительно одинаковы, при соотношении длины и ширины 2:1. Встречающиеся различия в форме не принципиальны. В большинстве случаев щиты делались в форме правильного овала, иногда с параллельными боковыми краями или с закругленными боковыми и срезанными верхним и нижним краями, идущими

¹ Б. Н. Граков. Скифы. Киев, 1947, стр. 67.

² Там же.

³ ИАК, вып. 56, стр. 236.

⁴ M. Launey. Recherches sur les armées hellénistiques. Paris, 1949, t. I, стр. 533.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLII, 17.

⁶ Kieseritzky-Watzinger. Griechische Grabreliefs, № 449.

⁷ ДБК, Атлас, план С, 5.

параллельно¹. Форму последних щитов можно условно назвать четырехугольной. Они напоминают римский skutum, но более плоские.

Продолговатый овальный щит, аналогичный щиту на надгробиях, мы встречаем на многочисленных терракотовых статуэтках из Керчи², относящихся в основном к I—II вв. н. э. и даже к более раннему времени (например, терракота II в. до н. э. из раскопок 1950 г. М. М. Кобылиной в Фанагории; рис. 2—1).

Изображения на терракотах представляют воина, часто в образе Эрота или Адониса, опирающегося на щит (рис. 2—2, 3). Щиты на терракотах довольно однородны, однако резче, чем на надгробиях, различаются по размерам: большие щиты — размером от пола до плеча, малые — размером от пола до пояса.

При раскопках синдского поселения вблизи ст. Таманской в 1950 г. обнаружен фрагмент терракотовой статуетки — воина, вооруженного большим

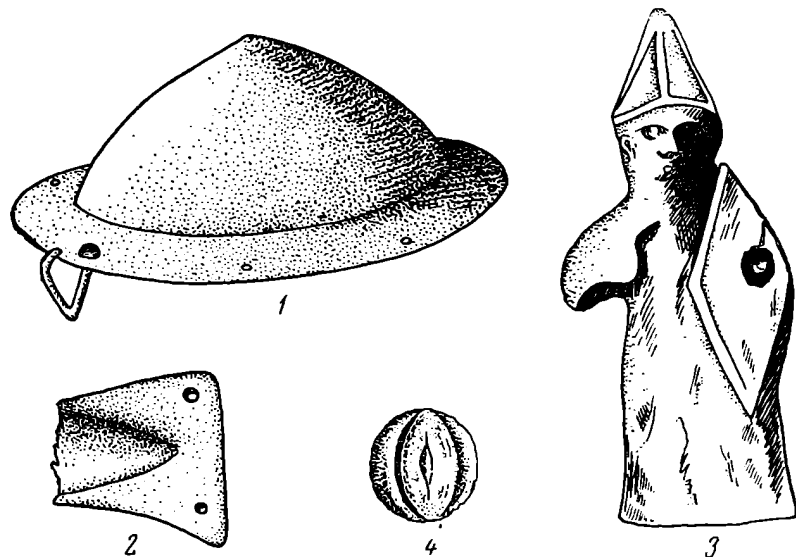

Рис. 1. Детали и изображения боспорских щитов:
1, 2 — умбон и фрагмент ручки от щита III—IV вв. из Харакса; 3 — терракота II в. н. э. из Керчи; 4 — монета Левкона II с изображением щита (III в. до н. э.).

овальным щитом (рис. 3). Изображение отличается четкостью формы; у щита сильно развитое продольное ребро, переходящее в середине в продолговатый высокий умбон, способствовавший отражению неприятельских ударов. Исходя из распространенности в первые два века нашей эры терракот с изображением подобного щита, эту статуэтку следует датировать I—II вв. н. э.

Овальными щитами вооружены пешие боспорские воины, изображенные в росписи открытого в 1872 г. склепа³, относящегося ко II в. н. э. Щиты — средних размеров, однако о деталях их судить трудно, так как нарисованы они очень суммарно, с грубым обозначением внешних контуров и контуров круглых умбонов.

Согласно рисунку Ф. И. Гросса⁴, в склепе 1872 г. на левой стороне изображена военная сцена, где воин-пехотинец вооружен щитом ромбиче-

¹ Kieseritzky-Watzinger, № 450; Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. Изв. ГАИМК, вып. 104, 1934, рис. 22.

² См. терракоты Гос. Исторического музея, а также: А. А. Деревницкий, А. А. Павловский, Э. Р. Штерн. Терракоты. Музей Одесск. об-ва истории и древностей, вып. I. Одесса, 1897, табл. XV.

³ АДЖ, Атлас, табл. LXXVIII.

⁴ ОАК за 1872 г., табл. VI.

ской формы¹. Нам известно изображение щита ромбической формы на одной группе терракотовых статуэток-гротесков из Керчи², относящихся ко II—III вв. н. э. Щит этой формы представляет собой разновидность

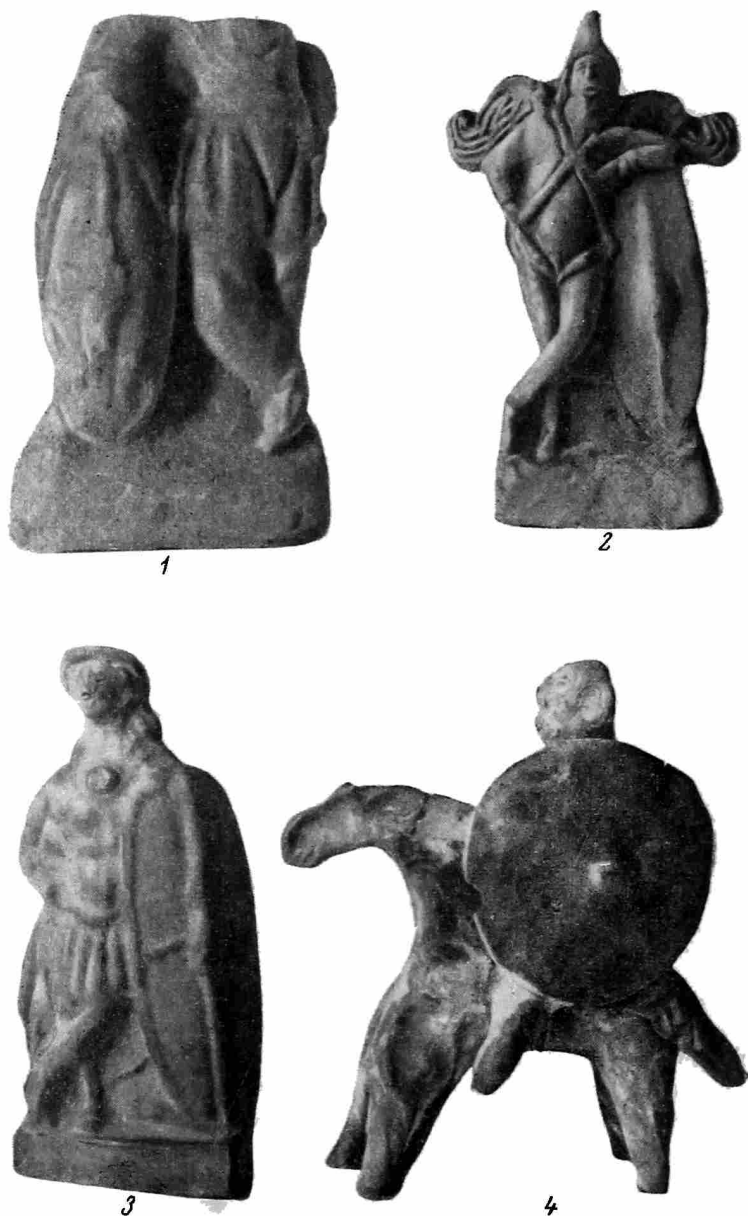

Рис. 2. Терракоты с изображением щитов:

1 — II в. до н. э. из Фанагории; раскопки 1950 г. (ГМИ И); 2 — I—II вв. н. э. из Керчи; раскопки 1903 г. (ГИМ); 3 — I—II вв. н. э. из Керчи (ГИМ); 4 — I—IV вв. н. э. из Керчи (ГИМ).

продолговатого, но разновидность редкую, так как ромбическая форма очень невыгодна для щита, ибо в этом случае он плохо закрывает плечи, грудь и бедра.

¹ E. Minns. *Scythians and Greeks*, стр. 317, рис. 227.

² ОАК за 1872 г., табл. XVII, 5; статуэтка из Гос. Эрмитажа (оп. III, № 77. 1894 г., № 7).

Картину чрезвычайно широкого распространения продолговатых овальных щитов на Боспоре от III в. до н. э. до II в. н. э. дополняют монеты Митридата III (первая половина I в. н. э.), на которых отчеканены изображения воина с овальным щитом¹.

Все овальные щиты снабжены металлическими умбонами двух форм: круглыми и продолговатыми, в виде ячменного зерна. Круглые выпуклые умбоны известны из археологических находок, например из склепа II в. н. э., открытого в Керчи в 1894 г.² (рис. 4—1). Железная основа умбона обтянута тонкой бронзовой накладкой, орнаментированной в невысоком рельефе изображением звезды (наверху), цветов, птиц и лепестков. Верхняя часть умбона представляет пологий конус, отделяющийся рельефной линией, напоминающей веревочный орнамент. Ниже идет более крутая тулья умбона, переламывающаяся в довольно широкие поля, по краю которых концентрически идет подобный же рельефный орнамент в виде жгута. Умбон очень напоминает круглую шляпу. Его высота 0,08 м, диаметр 0,21 м. По краям видны дырочки, в трех из них сохранились гвозди для прикрепления к щиту.

Имелись умбоны и в форме полушария, подобные обнаруженному в Хараксе³ (рис. 1—1, 2). Близки по форме два умбона с немного заостренной верхушкой, фрагменты которых хранятся в Керченском музее; их следует отнести к I—II вв. н. э. Подобный умбон из Керчи хранится в Гос. Эрмитаже. Продолговатые умбоны хорошо видны на монете Левкона II, на терракотах, в том числе на терракоте из раскопок 1950 г. у ст. Таманской, на надгробии Газурия из Херсонеса⁴ (II в. н. э.).

Все щиты с продолговатым умбоном обязательно имели продольное скрепляющее щит ребро. Оно состояло из деревянной основы, вероятно покрытой металлической полосой, и вместе с умбоном служило для отражения неприятельских ударов. На щитах с круглыми умбонами продольного ребра, как правило, не видно.

Овальные щиты изготовлялись, повидимому, из деревянных пластин, подобно тому как изготовлялись щиты у многих других народов⁵, или

Рис. 3. Фрагмент терракоты I—II вв. н. э. из раскопок 1950 г. синдского поселения у ст. Таманской (ГИМ).

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLVI, 2, 3.

² Л. А. Мацулевич. Кто был Каллисфен? СА, VII, 1941, стр. 61—80.

³ В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, стр. 289, могила № 11, ГИМ.

⁴ IOSPE, IV, 105; ОАК за 1892 г., стр. 26, рис. 23; E. M i n s, стр. 507, рис. 339.

⁵ См., например, изображение галльского щита на статуе из Мандрагона (Dechelette, Manuel. ..., т. IV, фиг. 493; Plin., VII, 17 — об изготовлении римского скутума из пластин фигового дерева).

из ивовых прутьев¹ и покрывались кожей. Металлические умбоны и продольные ребра прикреплялись гвоздями. Умбон соединялся с рукояткой на внутренней стороне и при этом сжимал плоскость щита, проходящую между ними. По краям щит обивался металлической полосой и гвоздями. Фрагмент такой полосы, длиной 39,6 см, хранится в Гос. Эрмитаже (ГАН—1722). Ширина ее около 5 см. Внешний край немного изогнут и имеет с обеих сторон бортики. На пластинке хорошо сохранились остатки дерева.

Продолговатый щит боспорцев был оружием пехотинцев, причем большой щит был на вооружении тяжелой пехоты, меньших размеров — на

Рис. 4. Умбоны:

1 — умбон от щита из погребения II в. н. э. Склеп Каллисфена. Керчь (Гос. Эрмитаж), раскопки 1894 г.; 2, 3 — железный умбон и рукоять от щита из погребения III в. н. э. Керчь, раскопки 1902 г. (ГИМ).

вооружении легкой пехоты. Способ держания большого продолговатого щита был не таким, как круглого греческого. Круглый щит держался так, что левая согнутая в локте рука находилась в горизонтальном положении на уровне груди; большой овальный щит держался на почти вертикально опущенной руке, причем петля и рукоять по отношению друг к другу располагались вертикально, как у римского скутума².

Большой овальный щит, в силу своей величины и громоздкости, неудобен для всадника. Это положение достаточно убедительно иллюстрируется

¹ Например, у сарматов были щиты из прутьев (Страбон, кн. VII, 3, 17); у макров, моссиников (Хен., *Anab.*, IV, 6, 26).

² См. Ch. Daremberg et E. Saglio, *Dictionnaire...* «Clipeus», fig. 1650, 1651.

рядом надгробий¹, на которых изображен всадник без щита, а рядом стоящий пехотинец, возможно оруженосец, с овальным щитом.

В живописи на стенах склепа 1872 г.² сохранились изображения вооруженных короткими копьями, мечами пехотинцев с овальными щитами; рядом же изображены в панцире и шлемах всадники с пикой, но без щитов.

Овальные щиты меньшего размера вполне применимы в кавалерии, как видно по рельефам колонны Траяна³.

В эллинистическое и римское время конница на Боспоре мало пользовалась щитами, во всяком случае на надгробиях нет ни одного изображения всадника со щитом. Боспорские конники в первые века нашей эры были стрелками из луков; всадники, изображенные на пантикапейских надгробных рельефах почти всегда имеют горит с луком и стрелами. Одновременное же употребление щита и лука затруднительно даже для пехотинца (на что указывает Вегеций⁴), тем более для всадника. Часть боспорской конницы, повидимому, не имела ни луков, ни щитов, но вместо этого у нее была усилена панцирная защита, подобно сарматским катафрактариям, изображенным на колонне Траяна⁵. У катафрактариев часто даже кони были бронированы, и щиты им не были нужны в силу хорошей защиты панцирем. Тацит говорит о западных роксоланах-катафрактариях: «...у них не в обычае защищаться щитом»⁶. Кроме того, тактика боя катафрактариев была основана на силе удара огромным копьем или пикой, соединенным со стремительным напором тяжело вооруженного всадника и коня; катафрактарии держали пику двумя руками, подобно тому как держит ее всадник на посвятительном рельефе Трифона⁷, поэтому щит они держать не могли. Но катафрактарии представляли собой только отборную часть боспорской конницы, составлявшуюся из привилегированных и богатых слоев населения.

Часть боспорской кавалерии пользовалась щитами, но круглыми. Об этом можно судить по терракотовым статуэткам-гротескам первых веков нашей эры, изображающим всадника с круглым щитом (рис. 2—4). Такие терракотовые статуэтки есть, например, в собрании ГИМ⁸. Кроме того, изображения римских инсигний в виде головы лошади, копья, меча и круглого кавалерийского щита — пармы на боспорских монетах I—II вв. н. э.⁹ — свидетельствуют о хорошем знакомстве боспорцев с круглыми кавалерийским щитом. Отсюда следует вывод, что форма круглого щита на Боспоре не исчезла с момента распространения продолговатого овального, однако круглый стал применяться реже, сделавшись принадлежностью преимущественно части конницы. Возможно, в отдельных случаях употребляли его и легко вооруженные пехотинцы. В ГИМ, например, хранится терракота — гротеск, представляющая мужчину, вооруженного круглым щитом¹⁰.

¹ Kieseritzky-Watzinger..., № 593, 594, 599, 600, 613.

² ОАК за 1872 г., стр. 235—328, табл. IX—X.

³ С. Cichorius. Die Reliefs der Traiansäule, 1896, tabl. XXVII, XXVIII.

⁴ Вегеций, критикуя отказ римских легионеров поздней Римской империи от панцирей и шлемов (Вегеций, I, 20), говорит: «В самом деле, что будет делать пеший стрелок без панциря, без шлема, если он, имея лук, не может уже держать щита».

⁵ С. Cichorius. Там же, tabl. XXIII, XL, XXVIII. О хорошем защитном вооружении алан времен поздней Римской империи говорит Вегеций (I, 20).

⁶ Tacit. Hist., I, 79.

⁷ АДЖ, 1914, табл. XIV, рис. 1; В. Д. Блаватский. О боспорской коннице. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 98.

⁸ ГИМ, № 23923, 17306.

⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLVI, 16, 17; П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям... Одесса, 1884. табл. XXVIII, XXIX.

¹⁰ ГИМ, № 17312.

В пехоте большой продолговатый овальный щит, а в коннице круглый применялись до конца существования Боспорского государства.

Известно несколько хорошо сохранившихся умбонов III—IV вв. н. э. В собрании ГИМ имеется железный умбон и рукоятка щита из раскопок В. В. Шкорпила в Керчи в 1902 г.¹ Умбон круглый, в форме крутого бугра высотой 9 см, диаметром 23,2 см; в широких полях его — отверстия с сохранившимися в них гвоздями.

К IV в. относятся два серебряных умбона из раскопок 1904 г. в Керчи². По форме один из них аналогичен умбону из раскопок 1902 г. (рис. 4—2, 3), только поля его не такие широкие; в них сохранились длинные серебряные гвозди с широкими позолоченными шляпками. Снизу сохранилась серебряная рукоять, скрепленная с полями умбона. Судя по второму умбону, оба были позолочены.

В. В. Шкорпил упоминает еще о находках умбонов с рукоятью от деревянного щита в погребениях IV в.³ В 1891 г. А. А. Бобринский приобрел в Керчи из раскопок частных лиц два железных остроконечных умбона⁴, которые, судя по форме, относятся к I—IV вв. н. э.

Форма умбонов III—IV вв. из раскопок В. В. Шкорпила соответствует изображениям круглых умбонов на больших овальных щитах боспорских надгробий I—II вв. н. э.

Итак, с III в. до н. э. по IV в. н. э. на Боспоре применялись щиты продолговатой, овальной и круглой формы. Продолговатый овальный щит был основным в боспорском пешем войске; круглый щит в этот период применялся мало, главным образом в кавалерии.

Каковы же причины широкого применения продолговатого овального щита?

Известно, что большой овальный щит, аналогичный изображенным на боспорских терракотах⁵ *θυρεός*, был отличительным элементом вооружения кельтов — галлов⁶, в частности галатов⁷. Форма кельтского оружия, в том числе и щита, оказала большое влияние на вооружение некоторых народов древности⁸. Например, римский skutum возник в результате заимствования и местной переработки формы галльского продолговатого овального щита, ибо время появления у римлян skutuma, пришедшего на смену круглому щиту (первая половина IV в. до н. э.), совпадает со временем галльского нашествия, оказавшего значительное влияние на развитие Рима⁹.

В 279 г. до н. э. кельты — галаты вторглись на Балканский полуостров и в Малую Азию; они выступили в качестве наемников в ряде эллинистических государств. Возникает предположение, не явилось ли распространение овального щита на Боспоре в III в. до н. э. результатом галатского влияния, тем более что, согласно ольвийскому декрету в честь Протогена¹⁰, галаты в начале второй половины III в. до н. э. подходили к Ольвии, а может быть и к границам Боспора. Возможно, что боспорские правители даже держали у себя на службе галатских наемников, как это позднее делал Митридат VI. Однако в эллинистическое время продолговатый овальный

¹ ИАК, вып. 9, стр. 107, склеп № 181.

² ИАК, вып. 25, стр. 35, рис. 13а и 13б.

³ ИАК, вып. 25, стр. 42, могила 154; вып. 35, стр. 33, могила № 78.

⁴ ОАК за 1891 г., стр. 55.

⁵ M. Laurey. Указ. соч., т. I, стр. 533.

⁶ J. Dechelette. Manuel d'archéologie celtique et romaine, t. I, fig. 297; t. II, fig. 493, 496, 499.

⁷ Трофейные галатские щиты изображены на рельефах пергамской архитектуры. См. «Всеобщую историю архитектуры», т. II, кн. I, 1949, рис. 281, табл. 129, 4.

⁸ M. Laurey. Указ. соч., т. I, стр. 529—534.

⁹ Н. А. Машкин. История древнего Рима. 1948, стр. 168, рис. 33.

¹⁰ IOSPE, I², 32.

щит был широко распространен у некоторых народов¹, особенно в Малой Азии. Например, изображение щита на стеле вифинца Менаса², погибшего в битве при Курупедионе в 281 г., показывает, что овальный щит был известен мисийцам (щит принадлежит поверженному мисийцу) до вторжения галатов в Малую Азию. Вполне вероятно, что с нашествием галатов распространение овального щита возросло, поскольку уже были проверены его боевые качества.

Но еще в более раннее время продолговатый щит, близкий по форме к одной из разновидностей боспорских, встречается во Фракии, о чем можно судить по стенной росписи Казанлыкского склепа, относящегося к IV в. до н. э.³ Во Фракии такой щит в IV в. до н. э. употреблялся одновременно с выходявшей из употребления пельтой и круглым греческим щитом.

В III в. до н. э. овальный щит появляется в Северной Греции, Македонии, шире распространяется во Фракии. Одна из разновидностей форм продолговатого боспорского щита, щит, напоминающий римский skutum (со срезанными верхним и нижним краями), находит полную аналогию во Фракии III в. до н. э.⁴ Плутарх сообщает, что фракийцы во II в. до н. э. в войсках македонского царя Персея вооружались длинными щитами. Возможные родственные связи боспорских и фракийских правителей⁵, присутствие фракийских наемников на Боспоре в конце IV в. до н. э.⁶, а главное наличие тесных взаимосвязей народов Северного Причерноморья с Фракией заставляют склониться к предположению, что распространение продолговатого овального щита на Боспоре — результат тесного взаимодействия Боспора с Фракией.

О сарматских щитах мы знаем очень мало. Из античных авторов только Страбон (VII, 3, 17) упоминает о плетеных из прутьев щитах роксоланов, не указывая, однако, были ли это конники или пешие, и не упоминая о форме щита. Судя по круглой медной пластине диаметром 0,50 м, обнаруженной в кургане № 10 раскопок 1909 г. сармато-меотского могильника у ст. Елизаветовской⁷, форма сарматского щита была круглой или подобной форме скифских щитов. Поэтому мы не имеем оснований связывать распространение овального щита на Боспоре с сарматским влиянием, столь еще слабым в III в. до н. э.

Нам представляется более существенным вопрос (с точки зрения истории военного искусства), не откуда появился тип продолговатого щита овальной формы, а почему он получил такое широкое применение.

Боевым строем греческой армии и в классическое время и в эллинистическое была фаланга. Ко времени Александра Македонского отрицательные свойства фаланги, т. е. невозможность успешно действовать на пересеченной местности, трудность защиты флангов от неприятельской конницы, уже резко давали себя чувствовать. С конца V в. до н. э. были сделаны некоторые попытки увеличить маневренность фаланги. Александр Македонский произвел организационное членение фаланги, которое имело тенденцию

¹ М. Лауфену. Указ. соч., т. I, стр. 282.

² Arch. Anz., 1932, стр. 5—6 (фото); 1933, стр. 751—754, статья Pfuhl о стеле.

³ Никола Мавродинов. Общая история на изкуството, ч. I. София, 1950, стр. 112; ВДИ, 1954, № 2, стр. 152 сл.

⁴ Ср. Kieseritzky-Watzinger, № 450; Kazanow, Die Dänkm. des thr. Reitergottes, pl. I, 1a — стела III в. до н. э. из Абдеры; стела Менаса дает такой же формы щит. Arch. Anz., 1932, стр. 5—6.

⁵ Plut., Vit. Aemil., 18, 3.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Л., 1949, стр. 55.

⁷ Diod., XX, 22—24.

⁸ ИАК. вып. 35, стр. 104. рис. 9, г.

превратиться в тактическое расчленение. Однако диадохи и эпигоны не продолжили начинаний Александра и македонская фаланга в армиях всех крупных эллинистических государств оставалась без изменений, нерасчлененной. Щит фалангита — гоплита оставался неизменно круглым¹. В фаланге щиты составлялись вместе, край за край, причем они особенно важны были для впереди стоящих двух первых шеренг, поскольку тактически главное действие фаланги заключалось в массированном ударе нерасчлененного строя. Кроме того, греческий гоплит был хорошо защищен панцырем, шлемом и поножами. Легкая же пехота, столь широко применявшаяся в эллинистических армиях для прикрытия фаланги спереди, с флангов, с тыла, а также для завязывания боя и преследования разбитого противника, набиралась, как правило, из не-греков и из не-македонцев, у которых преимущественно был распространен в эллинистическое время продолговатый овальный щит². Эти народности (фракийцы, критяне, мисийцы, лидийцы, ликийцы, писидийцы, галаты и др.) по традиции сражались расчлененным нерегулярным строем; продолговатый овальный щит не связан с фалангой, а более подходил для действия в несомкнутом, расчлененном строю, более соответствовал форме тела и лучше закрывал отдельного бойца. Отдельно сражающийся воин с круглым щитом, чтобы лучше прикрыть тело, должен был пригибаться, как это изображено на херсонесской монете IV в. до н. э.³

В бою круглый щит держался не вертикально перед грудью, а несколько наклонно, чтобы создавался острый угол между плоскостью щита и направлением возможного удара. Большой продолговатый щит держался также с некоторым наклоном, но меньшим, чем круглый. В ходе боя угол, определяющий вертикальное положение, а также поворот щита изменялись в соответствии с обстановкой и искусством воина. Искусству владеть щитом придавалось большое значение⁴. Греки классического времени видели недостатки круглого щита и для защиты ног широко применяли поножи, а в отдельных случаях к щитам привешивали фартуки⁵.

В классическое время полным набором панцырных доспехов могли пользоваться только богатые граждане, составлявшие основу фаланги, — гоплиты. С ростом численности эллинистических армий снабжение воинов в достаточной степени панцырями, шлемами и поножами становилось все труднее. Легкая же пехота почти совершенно перестала пользоваться этим видом защитного вооружения. Народы, жившие на периферии эллинского мира, вообще меньше пользовались панцырем, шлемами и поножами. Например, у скифов они очень редки (особенно поножи) и при археологических раскопках встречаются только в богатых погребениях⁶. В Боспорском государстве V—III вв. до н. э. мы наблюдаем почти такую же картину. Например, в могильнике у Тузлы на Таманском полуострове⁷ найдено много наступательного оружия, защитного же вооружения в погребениях у Тузлы нет. Более слабое применение защитного снаряжения способствовало распространению продолговатого щита на Боспоре и на периферии эллинистического мира.

¹ Македонский круглый щит был только несколько меньших размеров, чем классический греческий.

² Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Clipeus, p. 1256.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXV, 10.

⁴ Вегеций, I, 4; II, 14.

⁵ Ch. Daremberg et E. Saglio. Указ. соч., p. 1251—1252.

⁶ А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 32.

⁷ В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, вып. 56 и 57.

Применение пехотой круглого и продолговатого щитов обусловлено двумя различными принципами тактики — круглый связан с фалангой, продолговатый овальный — с расчлененным строем. Конница пользовалась круглым щитом из-за его портативности и удобства применения с коня.

Сведения из истории римской армии не противоречат нашему заключению. Римский легион до IV в. до н. э. представлял собой фалангу, и легионеры вооружались круглым щитом¹. Распространение продолговатого skutuma в IV в. до н. э. совпадает с превращением римского легиона в манипулярный, а позднее в когортальный, и, наоборот, в имперское время, когда римский легион потерял свою маневренность, по существу превратившись в нерасчлененную фалангу, skutum выходит из употребления и вновь применяется круглый щит — clipeus².

Конечно, манипулы в римском легионе IV—III вв. до н. э. не представляли еще самостоятельных тактических единиц, как позднее когорты, но манипулярный легион стал более маневренным; это был шаг к расчленению легиона-фаланги на тактические единицы.

В манипулярном легионе круглый щит стал неудобен. Более широкий, чем skutum, он затруднял передвижение манипул в бою, особенно в тот момент, когда манипулам второй линии необходимо было продвигаться вперед, в промежуток между манипулами первой линии, с целью предотвращения вклинивания противника и разрыва линии фронта.

Следовательно, распространение продолговатого овального щита на Боспоре в III в. до н. э. может свидетельствовать о применении расчлененных строев в боспорском войске, о том, что последнее обладало большей маневренностью, чем македонская фаланга. Превосходство манипулярного, а затем когортального легиона римлян над нерасчлененной фалангой было доказано в истории военных столкновений Рима с эллинистическими государствами Востока и Греции. Если учесть, что до III в. до н. э. боспорское тяжело вооруженное войско являлось обычной греческой фалангой, то применение расчлененного строя представляло прогресс в военном деле. Это было результатом военного опыта, полученного боспорцами из военной практики соседних народов (скифов, меотов, а позднее сарматов), которые не применяли фаланги и пользовались своими оригинальными традиционными тактическими приемами, связанными с другими видами боевых построений. Важную роль в этом заимствовании играло и то обстоятельство, что население Боспорского государства не было с самого начала однородно греческим. В начале IV в. до н. э., при Левконе I, в состав Боспора были включены синдо-меотские племена Таманского полуострова и восточной части Приазовья, а в позднейшее время стали преобладать местные скифские, меотские, сарматские и другие элементы.

¹ Дионисий Галикарнасский (IV, 6) и Диодор Сицилийский (Frag. X, III, 3) говорят, что круглый щит римляне получили от этрусков.

² См. L'Orange u. von Gerkan. Der spätantike Bildschmuck des Konstantinbogens Berlin, 1939, t. 7, 8, 9.

И. Т. КРУГЛИКОВА

К ВОПРОСУ О КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
В ПАНТИКАПЕЕ*(Два пантикапейских керамических клейма)*

Античные города Северного Причерноморья в течение длительного времени были крупными торговыми и ремесленными центрами, распространявшими свое влияние на прилегавшие территории, где обитало синдо-меотское и скифское, а позднее сарматское население. Большая роль античных городов в экономическом развитии всего Северного Причерноморья заставляет особенно тщательно изучать экономику этих городов, в частности характер их ремесленного производства. Вопрос о наличии высоко развитого керамического ремесла в городах Северного Причерноморья неоднократно поднимался в литературе. Особая заслуга в этом отношении принадлежит Т. Н. Книпович, которой удалось выделить группы местной керамики Ольвии¹ и наметить группу керамических изделий, производство которых надо связывать с мастерскими Боспорского царства и вероятнее всего с Пантикапеем² — столицей и наиболее крупным городом Боспора. Основанием для выделения местной группы сосудов послужило изучение состава глиняного теста и особенностей форм. Археологические раскопки боспорских городов, проводившиеся уже после выхода в свет работ Т. Н. Книпович, дали много нового материала, подтверждающего и дополняющего сделанные ею выводы.

Теперь исследователи, руководствуясь анализом глин и характером примесей, могут выделить несколько локальных групп местной боспорской керамики. При раскопках Фанагории в 1939 г. В. Д. Блаватский обнаружил клейменные мерные сосуды³, носившие следы производственного брака, что свидетельствует об их изготовлении в керамической мастерской Фанагории. Там же, при раскопках в 1949—1953 гг. М. М. Кобылина выявила остатки мастерской коропласта⁴, а также следы печей, где обжигалась керамика, изготавливаемая фанагорийскими ремесленниками. Эти находки дали возможность выделить группу фанагорийских глин и определять таким образом типы изготавливаемой в Фанагории керамики.

¹ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И», Ольвия I. Киев, 1940.

² Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. Изв. ГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1934, стр. 145 сл.

³ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. МИА, № 19, стр. 214, рис. 15, 3; стр. 219, рис. 16, 5; стр. 215, 218 сл.

⁴ М. М. Кобылина. Фанагорийская экспедиция. КСИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 47 сл.

При раскопках Нимфея М. М. Худяк нашел бесспорные доказательства местного керамического производства: много бракованной керамики и остатки керамических обжигательных печей. Ему удалось выделить нимфейскую глину, из которой местные ремесленники изготавливали сосуды уже начиная с VI в. до н. э.¹ Очень интересна расписная посуда VI в. до н. э., вырабатывавшаяся на территории архаического святилища в Нимфее. Она характерна по составу глины красного и светложелтого цвета и по примеси слюды в виде светлых блесков. В формах ее заметно подражание привозной ионийской керамике, но мотивы ионийской росписи несколько перефразируются².

Таким образом, в настоящее время уже нет сомнения в том, что в ряде греческих городов, основанных на берегу Боспора Киммерийского, существовало местное керамическое производство. Правда, производственные остатки керамических мастерских относятся к различному времени. Наиболее ранние керамические обжигательные печи Нимфея датируются VI в. до н. э.³ В Пантикапее, в яме, содержащей материал не позднее IV в. до н. э., был найден кусок керамического шлака⁴, а на южном склоне горы Митридат — сосуд, являющийся керамическим браком⁵. Обнаруженная в Пантикапее керамическая печь относится к IV в. н. э.⁶, а две обжигательные печи коропласта — к I в. до н. э.⁷ Керамические печи Фанагории датируются III—IV вв. н. э.⁸

Но отсутствие в Пантикапее остатков керамических мастерских VI в. до н. э. отнюдь не может ставить под сомнение существование там местного керамического ремесленного производства уже в это раннее время. О его существовании свидетельствует наличие в городских слоях VI и V вв. до н. э. керамических изделий, сделанных из местной пантикапейской глины.

При сравнении глины сосудов с глиной терракотовых фигурок, пряслиц, распространенных в Пантикапее, и акварельных пелик Т. Н. Книпович, так же как и Б. Н. Граков и В. Ф. Гайдукевич, изучавшие клейменные боспорские черепицы⁹, могли лишь наметить группу изделий, предположительно изготавливавшихся в керамических мастерских Пантикапея¹⁰. В настоящее же время, в результате находок группы клейм с надписью $\pi\alpha\nu\tau\iota$, что, повидимому, должно рассматриваться как $\pi\alpha\nu\tau\iota\chi\lambda\pi\alpha\tau\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon$, можно выделить глину бесспорно пантикапейских изделий. Сравнивая с нею глину керамических изделий, часто встречаемых в Пантикапее, но не имеющих клейм, можно определить довольно большую группу керамики — продукцию мастерских Пантикапея. Можно выделить не только керамику эпохи эллинизма, к которой относятся клейменные изделия, но и изделия более раннего и более позднего времени, изготовленные из той же глины. Учитывая, так же, что, кроме тех глинищ, с которых брали глину для выделки

¹ М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 247 сл.; стр. 256 сл., рис. 18.

² Там же, стр. 249.

³ Там же, стр. 257.

⁴ Собр. ГМИИ, инв. № М-49Э-ХIV, № 290.

⁵ Собр. ГМИИ, инв. № М-319.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные керамические печи Северного Причерноморья. Изв. ГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 33.

⁷ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 223.

⁸ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 85. Автор датирует печь IV в. н. э. Печь, раскопанная в 1953 г. М. М. Кобылиной, относится к III—IV вв. н. э.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы). Изв. ГАИМК, вып. 104, стр. 211 сл.; Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. Там же, стр. 202 сл.

¹⁰ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 153—154.

клеяменных изделий, имелись и другие, можно говорить о достаточно большом размахе керамического производства Пантикапея.

Клейма с надписью Παντ обнаружены на черепице и на горле простого тонкостенного сосуда. Обломок черепицы с клеймом в виде вдавленного прямоугольника, в котором помещены пять рельефных букв ΠΑΝΤΙ (рис. 5—1), найден при раскопках Пантикапея в 1949 г.¹; он датируется Д. Б. Шеловым приблизительно началом II в. до н. э.² Такое клеймо было известно еще Шкорпилу, но оно не привлекло к себе внимания исследователей³.

Другое клеймо (на плечике простого сосуда) совсем иной формы: круглое, по краю — ободок из выпуклых точек, в середине клейма рельефная голова бородатого сатира в профиль вправо, перед лицом выпуклые буквы надписи ΠΑΝΤΙ⁴ (рис. 5—2). Судя по шрифту надписи и по иконографии изображения сатира, находящих прямые аналогии в пантикапейских монетах, клеймо можно отнести к IV в. до н. э.

Известно еще одно круглое клеймо на ручке амфоры с надписью ΠΑΝΤ вокруг буквания, опубликованное Придиком⁵, который связывает его с личным именем.

Глина у черепицы с клеймом ΠΑΝΤΙ темнокрасная, из примесей характерны плохо размешанные частички извести и мельчайшие, едва заметные кусочки слюды. Черепок плотный, глина мелкозернистая, мало пористая. Черепица покрыта зеленовато-желтой обмазкой в противоположность черепицам с клеймами βασιλική, имеющими обычно красную поверхность. По составу глиняного теста, характеру примесей и обжигу к этой черепице очень близки другие, тоже найденные в Пантикапее, но носящие клейма другого характера, например, черепица с клеймом παρισάδου⁶, отличающаяся только более оранжевым цветом глины, а также две черепицы с двустрочными клеймами Ἄρχοντος Ὑγιήνοντος⁷, которые значительно отличаются друг от друга фактурой черепка и степенью промешанности глины. Примеси те же, что и в глине черепицы с клеймом ΠΑΝΤΙ, но в одном случае примешано больше кварцевого песка и тщательнее промешана глина, кусочки извести очень мелкие, пустот от выгорания крупных кусочков извести нет.

Можно указать еще несколько черепиц с другими клеймами, но из глины, очень близкой по качеству к пантикапейской; они, вероятно, тоже являются изделием пантикапейских ремесленников (таковы, например, черепицы с клеймами Μησ(τορος)⁸, Μο(νίμου)⁹, Αλκίμ(ου)¹⁰, Σπαρ(τόχου)¹¹, πυδο(δώρα)¹².

Глина сосуда с круглым клеймом сатира и надписью ΠΑΝΤΙ отличается от теста черепицы меньшим количеством примешанных кусочков толченой извести, которые здесь не так заметны, и характером обжига, придающим

¹ Собр. ГМИИ им. Пушкина, инв. № М-49, ВМ № 1939.

² Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре. СА, XXI, стр. 116 и сл.

³ В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Игиенонта. Сборник в честь гр. Бобринского. СПб., 1911, стр. 31 сл.

⁴ Диаметр клейма 20 мм. Обломок горла с клеймом хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № ΠΑΝ 1546 (423), где он и был обнаружен Д. Б. Шеловым.

⁵ Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и на черепицах. Пгт., 1917, стр. 114, № 304.

⁶ Собр. ГМИИ, инв. № М-49, ВМ № 1950; В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. Изв. ГАИМК, вып. 104, стр. 310—311, № 70.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 312—313, № 92—93.

⁸ Там же, стр. 306, № 56.

⁹ Там же, стр. 309, № 63.

¹⁰ Там же, стр. 300, № 4.

¹¹ Там же, стр. 313, № 81.

¹² Там же, стр. 311, № 73.

1

2

Рис. 5. Два пантикапейских керамических клейма:
1 — на черепице, 2 — на обломке сосуда.

черепку несколько сероватый оттенок. По плотности, наличию мельчайших блесков слюды и общему характеру эта глина очень близка той, из которой изготовлена пантикапейская черепица и большая часть встречаемой в Пантикапее простой керамики, т. е. сосудов различных типов, сделанных на гончарном круге, без специальной обработки и орнаментации поверхности.

Из той же глины, что и черепицы, выделялись облицовочные плитки, в большом количестве встречаемые при раскопках Пантикапея¹ в слоях первых веков до нашей эры и в I в. н. э., а также большая часть найденных здесь пирамидальных ткацких и рыболовных грузил.

Глины, из которых делались пантикапейские пирамидальные грузила, можно объединить в три группы: 1) тождественные тем, из которых изготавливались черепицы с клеймами Πλντ(χαπαίτων), παρισάδου, μης(τορος)² и наибольшая часть грузил; 2) близкие по составу глине сосуда с клеймом сатира, но иногда более красновато-оранжевого цвета, со значительно меньшим включением белого вещества и слюды, причем примеси измельчены тщательнее. Из таких глин вырабатывались грузила (второй группы), большая часть простой неорнаментированной керамики и терракотовые статуэтки, во множестве найденные поблизости от мастерской коропласта, повидимому производственный брак (выбросы)³. Грузила, вероятно, вырабатывались в тех же мастерских, где и простая керамика; глина для них отмывалась и промешивалась лучше, чем для черепиц; 3) серого цвета глины, причем оттенки их колеблются от светлосерого до серо-коричневого; характер примесей и качество черепка, т. е. его плотность и твердость, у грузил этой группы почти не отличаются от качества изделий предыдущей группы. Разный цвет глины по всей вероятности зависит от различных условий обжига изделий.

Можно выделить еще одну группу грузил; они сделаны из рыхлой, пористой глины оранжево-красного или коричневого цвета. Фактура ее резко отличается по качеству от фактуры глины первой группы. Поверхность излома черепка очень шершавая. Близкие по характеру глины известны для сосудов типа кастрюль и для толстостенных сосудов типа сковородок. Изделий из такой глиняной массы в Пантикапее найдено значительно меньше, чем из глины, сходной с употреблявшейся при производстве черепицы, носящей клеймо ΠΑΝΤΙ; возможно, что выделялись они не в мастерских Пантикапея.

Таким образом, на основании изучения глиняного теста керамических изделий с клеймами Πλντ(χαπαίτων) и сравнения его с глиной других пантикапейских черепиц, грузил и простой керамики⁴, отчетливо выделяется наиболее многочисленная группа керамических изделий, изготовленных из глины, тождественной той, из которой сделаны черепица и сосуд с клеймами ΠΑΝΤΙ.

Находка клейм позволяет выделить изделия наиболее крупных керамических мастерских Пантикапея, уточнить вопрос о развитии пантикапейского керамического ремесла и подробнее изучить его локальные особенности.

¹ Собр. ГМИИ, М-49, ЭХIV/2, № 61.

² Собр. ГМИИ, М-49, ВМIV бр. ост. 2, № 693 и 567; М-46, 35/II, № 764.

³ Сравни глину терракот из собр. ГМИИ: М-292; М-332; М-318; М-348; М-349; М-297 и мн. др.

⁴ Типам сосудов пантикапейского производства будет посвящена специальная работа, поэтому в настоящей статье этот вопрос не рассматривается

Н. В. АНФИМОВ

ГЛИНЯНЫЕ КУРИЛЬНИЦЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Среди инвентаря курганных погребений степной полосы юга СССР эпохи меди и бронзы одними из характерных являются ритуальные сосуды, известные в литературе под названием курильниц, или жаровен. Они широко распространены во всех степях Предкавказья, от Средней Кубани до Грозного, севернее встречаются в Астраханской области и на Маныче, на Донце (катакомбная культура) и в Поволжье¹. Однотипные по форме, они представляют собой неглубокие чаши на крестообразной ножке, обычно украшенные сложным орнаментом из шнуровых линий и вдавленных кружков. Орнамент покрывает все тулово сосуда, верхний срез и основание ножки. Характерный признак курильниц — это наличие у края чаши с внутренней стороны небольших полукруглых отделений, служивших, по-видимому, для помещения каких-то ароматических веществ. В чашу клались угли, которые неоднократно встречались в курильницах, найденных при раскопках. Иногда в них находились кусочки красно-бурой охры, видимо символизировавшей огонь.

Стандартный тип курильниц устанавливается около середины II тыс. до н. э.² и продолжает существовать во второй его половине. На Кубани курильницы обнаружены в курганных погребениях, содержащих могилы с подбоями («катакомбы») и относящихся к концу рассматриваемого периода. С течением времени курильницы претерпевают некоторые изменения. Например, найденная в 1904 г. в кургане у станции Келермесской, сохраняя характерную для данного типа сосудов крестообразную ножку, не имеет внутреннего отделения; наружная поверхность ее покрыта елочным орнаментом³. Еще большие изменения можно отметить в формах неорнаментированной наполненной углями курильницы из армавирского погребения (1903 г.). Крестообразная ножка ее расчленена на четыре отдельные ножки, имеющие только общее основание⁴. Раскопки Моздокского могильника и курганов показали, что данный тип ритуальных сосудов на Северном Кавказе продолжает существовать и в раннескифское время, но к этому периоду он уже деградирует. Одна из найденных здесь курильниц сохраняет еще четыре ножки, но внутреннего отделения нет; поверхность ее

¹ Неполная сводка находок курильниц дана у А. М. Tallgren. *Études sur le Caucase du Nord. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 27—31.*

² А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. *Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 42.*

³ ОАК за 1904 г., стр. 97, рис. 166.

⁴ ОАК за 1903 г., стр. 65, рис. 115.

заложена, местами черного цвета. Другая курильница из кургана у кирпичного завода в Моздоке, доставленная в 1928 г. в Пятигорский музей, представляет собой чашу на высокой полый ножке, типа поддона, снабженной снизу рядом отверстий. Внутри чаши небольшое отделение. Широкий край чаши резко отогнут наружу и по нему нанесен резной орнамент в виде заштрихованных треугольников; поверхность гладкая, лощеная¹. Аналогичная курильница на такой же полый ножке, но без внутреннего отделения в чаше найдена в Моздокском могильнике.

До последнего времени в литературе господствовало мнение, что этот тип ритуальных сосудов в более поздние времена не встречается. А. А. Иессен считал, что моздокские чаши — позднейший вариант северокавказского

Рис. 6. Глиняные курильницы:

1 — из могильника у хут. Кубанского; 2 — из могильника у ст. Владимирской.

типа курильницы, «в последующее время совершенно исчезающего»². Новые материалы, особенно с территории Прикубанья, могут служить показателем ошибочности этого взгляда. В настоящее время нам известно несколько сосудов сарматского периода, представляющих дальнейшее развитие более раннего типа курильниц или их дериваты. Наиболее характерна находка небольшой чашечки с внутренним отделением в могильнике близ хут. Кубанского. Могильник расположен на левой береговой террасе р. Кубани, напротив станицы Усть-Лабинской, и относится в основном к сарматскому времени. В 1935 г. здесь была доисследована частично обнажившаяся могила, скелет в которой лежал на спине, головою на север; конечности вытянуты. При костяке обнаружен типичный для сарматского времени инвентарь — сероглиняная миска, бусы, бронзовое зеркальце и фибула. Интересующая нас чашечка находилась в области пояса. Это — небольшая мисочка, по форме подражающая обычным сероглиняным мискам (рис. 6—1). Донце у нее слегка вогнуто, как бы имитируя низкую кольцеобразную ножку, край скошен наружу (рис. 7). Чашечка изготовлена из коричневато-серой глины, без помощи гончарного круга, поверхность сосуда, тщательно сглаженная, носит следы лощения. Внутри чашечки, у края, полукруглое отделение — характерный признак раннего типа курильниц. От последних она отличается отсутствием крестообразной ножки и гладкой поверхностью.

Погребение хорошо датируется найденным в нем инвентарем. Миска с прямым бортиком, с плоским дном, типичная для I—II вв. н. э., находит многочисленные аналогии в одновременных погребениях грунтовых могиль-

¹ А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 42, табл. XV, 2.

² Там же, стр. 43.

ников Прикубанья. Первым веком нашей эры датируется и бронзовое литое зеркальце, снабженное небольшой ручкой с отверстием для подвешивания, с ободком по краю и с конусообразным выступом в центре. К этому же времени относится и бронзовая фибула с подвижным приемником, принадлежащая к типу фибул, который, появившись на Кубани в I в. до н. э., наиболее широко распространился в I—II вв. н. э. Таким образом, весь материал позволяет датировать погребение близ хут. Кубанского I в. н. э.

Вторая чашечка типа курильницы найдена в станице Владимирской. Здесь, при добыче гравия у подножия правой высокой террасы р. Куксы (левого притока р. Лабы), в 1938 г. обнаружен могильник. Было вскрыто несколько подбойных могил и земляных склепов¹. Среди переданных ра-

бочими материалами находилась небольшая лепная плоскодонная чашечка с полукруглым отделением внутри (рис. 6—2). По словам местных жителей, чашечка была найдена в одной из подбойных могил. Она изготовлена из черно-коричневой глины, наружная поверхность хорошо залощена. По верхнему срезу самой чашечки и отделения нанесен орнамент в виде поперечных насечек. По внешнему

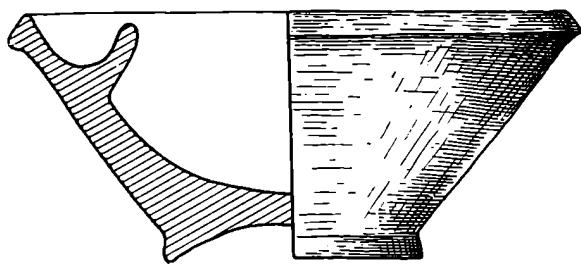

Рис. 7. Глиняная курильница из могильника у хут. Кубанского (профиль).

виду, технике изготовления, орнаменту чашечка может быть отнесена к скифскому времени, между тем весь остальной материал (глиняные кувшины, миски, двуручные чаши и др.), найденный во вскрытых погребениях, относится к сарматской эпохе и датируется временем I в. до н. э.—I в. н. э. Более ранних материалов не было, что заставляет и сосуд типа курильницы датировать сарматским временем. Техника изготовления ее противоречит этому не может, так как архаизмы в лепной керамике нам известны из целого ряда погребений сарматской эпохи Прикубанья. Примером может служить находка лепного чернолощеного кувшина в земляном склепе II в. до н. э. могильника у станицы Ладожской².

Близкие описанным курильницы позднего времени известны и из других мест Северного Кавказа. В Грозненском краеведческом музее хранится обломок глиняной чаши с внутренним отделением, являющейся типичной курильницей³. Изготовлена она из серовато-коричневой глины, поверхность лощеная, дно плоское, наружный край резко (почти горизонтально) отогнут наружу и по нему нанесен орнамент из врезанных треугольников, заштрихованных внутри. Аналогичная чашечка с подобным же орнаментом, но несколько меньшей величины, обнаружена при работах Сталинградской экспедиции в 1951 г.

При раскопках Таркинского могильника (Дагестан) в 1947 г. была найдена глиняная курильница-погремушка в форме глубокой, с высоким отогнутым наружу краем чаши на поддоне. Поддон полый и внутри него два маленьких круглых глиняных шарика, шумящих при встряхивании. В дне проделаны четыре круглых отверстия. По краю курильница украшена нарезным геометрическим орнаментом (типа треугольников). Е. И. Крупнов,

¹ Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 149.

² Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 154.

³ Указано Л. Г. Нечаевой.

производивший раскопки могильника, относит находку к сарматской культуре¹.

Дериватами ранних курильниц являются также сероглиняные мисочки на ножках, датируемые сарматским временем. На Кубани они известны из Усть-Лабинского могильника, где их найдено три экземпляра², и из раскопок Н. И. Веселовского в ауле Хатажукаевском³. Обломок такой же мисочки найден К. Е. Горбом на Урупском первом городище (станция Советская). Мисочки небольших размеров, довольно плоские, на трех цилиндрических ножках. У некоторых из них выделен довольно широкий край, по которому нанесен орнамент или в виде прямых линий (Усть-Лабинская чашечка), или из вдавленных концентрических кружков с отходящими от них пучками линий (Хатажукаевский аул). Внутреннего отделения эти сосуды не имеют. Датируются они I—II вв. н. э.

Приведенный материал позволяет в какой-то степени проследить типологическое развитие курильниц на протяжении полутора тысяч лет. Для раннего времени типичны сплошь покрытые сложным орнаментом курильницы на крестообразной ножке, с внутренним полукруглым отделением. В дальнейшем происходит ряд изменений: крестообразная ножка превращается в поддон (моздокские чаши), стенки становятся гладкими, иногда лощеными; в сарматский период ножка (поддон) совершенно исчезает, дно становится плоским, орнамент если и сохраняется, то только по краю и он совершенно иного характера. Неизменно сохраняется лишь характерный признак курильниц — внутреннее, расположенное у края полукруглое отделение. Анализируя материал, можно проследить и несколько иную линию развития, когда внутреннее отделение исчезает, но сохраняется ножка. Это мы видим уже у курильницы позднебронзового века из кургана у станции Келермесской⁴: ножка имеет еще типичную крестообразную форму и сплошь покрыта орнаментом. Затем ножка расчленяется (армавирская курильница⁵), превращаясь в четыре цилиндрические ножки (моздокская чаша). Повидимому, дальнейшим развитием их являются описанные сероглиняные мисочки на трех ножках, относящиеся к первым векам нашей эры.

Таким образом, курильницы сарматского времени несомненно восходят к раннему типу курильниц второй половины II тыс. до н. э., будучи генетически с ними связаны. Как ритуальные сосуды они отражают и определенные религиозные представления, существовавшие в продолжение длительного времени у определенной группы племен. Это дает возможность в какой-то степени проследить и генетические связи населения Северного Кавказа сарматской эпохи с племенами раннежелезного и позднебронзового веков.

¹ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 221, рис. 3, 4 и 9.

² Н. В. Анфилов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 194, рис. 17.

³ ОАК за 1899 г., стр. 51, рис. 99.

⁴ ОАК за 1904 г., стр. 97, рис. 166.

⁵ ОАК за 1903 г., стр. 65, рис. 115.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Х. И. КРИС

РАСКОПКИ РАННЕТАВРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
В ИНКЕРМАНЕ

Исследование поселений кизилкобинской культуры, связанное с изучением эпохи бронзы в Крыму, начато сравнительно недавно. Стоянка с лощеной орнаментированной керамикой впервые обнаружена в 1914 г. С. И. Забниным в верхней пещере Кизил-Коба, которая находится на отрогах Долгоруковской яйлы.

Поселения с аналогичной керамикой и зольными ямами были открыты в последующие годы в районе селения Красногорское (Нейзац), вблизи Симферополя, в Альминской долине, в окрестностях Бахчисарая, в Куйбышевском районе, в округе Инкермана, на Гераклеяском полуострове. Выяснение характера поселений и их датировка зависели от накопления материала разведок и раскопок, масштабы которых до последнего времени были крайне ограниченными.

Остатки поселения с керамикой кизилкобинского типа, расположенные близ Инкермана, на южном склоне балки, у впадения реки Черной в море, частично исследованы еще в 1940 г.¹

С. Ф. Стржелецкий называет это поселение таврским, высказывая мысль о его существовании еще до греческой колонизации юго-западного Крыма; на основании сходства находок с кизилкобинской керамикой и инвентарем каменных ящиков он относит его к началу или первой половине 1 тыс. до н. э.

Работами Инкерманской археологической экспедиции 1948 и 1950 гг., проводившейся под руководством Е. В. Веймарна, исследована значительная площадь этого поселения. В 1948 г. было вскрыто около 500 м², причем обнаружено 15 ям с керамикой кизилкобинского типа и погребение со скорченным костяком. Раскопки 1950 г. явились продолжением работ. На участках к северу и юго-востоку от исследованной в 1948 г. площади вскрыто 330 м². Раскопки 1950 г. дали дополнительный материал, позволяющий точнее датировать поселение и отнести его к ранним таврам. Находкой, до известной степени датирующей поселение, является обломок ионийского сосуда VI в. до н. э. Обнаруженная в культурном слое поселения бронзовая «восьмеркообразная» бляшка находит аналогии в материалах из каменных ящиков Крыма. Датировка самих каменных ящиков крайне затруднена из-за длительности их использования и разновремен-

¹ С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, IX, 1947.

ности находимого инвентаря, однако в них имеются вещи, датируемые и VII—V вв. до н. э., что позволяет связывать эти памятники с таврами.

В задачи раскопок 1950 г. входило: 1) выявление дневной поверхности поселения. Работами прошлых лет она не была обнаружена и лишь условно определялась по границе почвенного слоя и подстилающей его делювиальной глины, так как на границе этих двух слоев прослеживались верхние контуры хозяйственных ям; 2) поиски жилища (землянка с обвалившимся потолком, обнаруженная в обресе в 1940 г., не исследована из-за недостатка времени и условий работы); 3) уточнение вопроса о назначении ям на поселениях; 4) уточнение датировки погребения со скорченным костяком, открытого в 1948 г. В погребении не оказалось никакого инвентаря, и лишь условно и предварительно оно было отнесено к комплексу поселения с керамикой кизилкобинского типа на том основании, что на данном участке поселения не обнаружено памятников других эпох, а скорченное положение костяка характерно и для эпохи поздней бронзы; 5) уточнение датировки поселения с керамикой кизилкобинского типа. На основании комплекса керамики, обнаруженного в 1940 г., дата поселения была определена А. А. Иессеном VI в. до н. э. Материал раскопок 1948 г. несколько отличался от собранного ранее. Для выяснения вопроса об одновременности или разновременности участков поселения, вскрытых в 1940 и 1948 гг., был нужен дополнительный датирующий материал.

Раскопки в 1950 г. производились на двух участках.

Участок I, несмотря на значительную потревоженность слоев, представлял интерес для наших исследований, так как примыкал к месту, где в 1948 г. было вскрыто погребение. На участке обнаружены два погребения и пять ям, заполненных золой, обломками лепных сосудов и костями животных. Дневная поверхность поселения не выявлена, однако нахождение в нижней части почвенного слоя потревоженного захоронения (погребение № 3), относящегося к более раннему времени, свидетельствует о том, что древняя дневная поверхность находилась в толще современного почвенного слоя.

На участке II обнаружено пять ям, заполненных золой, обломками лепных сосудов, костями животных (рис. 8); в одной из ям находилось захоронение человека, в другой, соседней с ней, скелет собаки. Как и на участке I, дневная поверхность древнего поселения не сохранилась, однако удалось определить ее уровень на основании реконструкции ям.

Таким образом, на территории раннетаврского поселения в Инкермане вскрыты две группы памятников — погребения и хозяйственные ямы.

Погребения делятся на две подгруппы: в грунтовых могилах и в хозяйственных ямах.

К первой подгруппе относятся погребения № 1, 2 и 3¹. Контуров и формы могильных сооружений выявить не удалось. Погребения № 1 и 2, в которых не найдено никакого инвентаря, находились в нижней части делювиального слоя; костяки лежали на подстилающем его каменистом грунте. Погребение № 3 находилось в верхней части мягкого делювия, остатки черепа — в нижней части почвенного слоя, лежащего над ним.

Погребение № 2. Костяк (подростка)² сохранился частично; расположение костей ног вероятнее всего свидетельствует о скорченном положении скелета, а остатки красной охры и обломки черепа — о том, что погребенный был ориентирован головой на восток. Обычай посыпания охрой широко

¹ Погребение № 1 обнаружено в 1948 г. Форму могильного сооружения установить не удалось. Костяк лежал на спине, головой на восток, лицом на юг, ноги сильно согнуты в коленях, кисть левой руки под головой, правая согнута в локте, кисть в области таза; вещей не было.

² Определение антропологических материалов производилось научным сотрудником Крымского филиала АН СССР К. Ф. Соколовой.

распространен в захоронениях эпохи бронзы в Восточной Европе. В Крыму также известны погребения с окрашенными костяками; они сопровождаются предметами, одновременными катакомбной культуре. К числу этих памят-

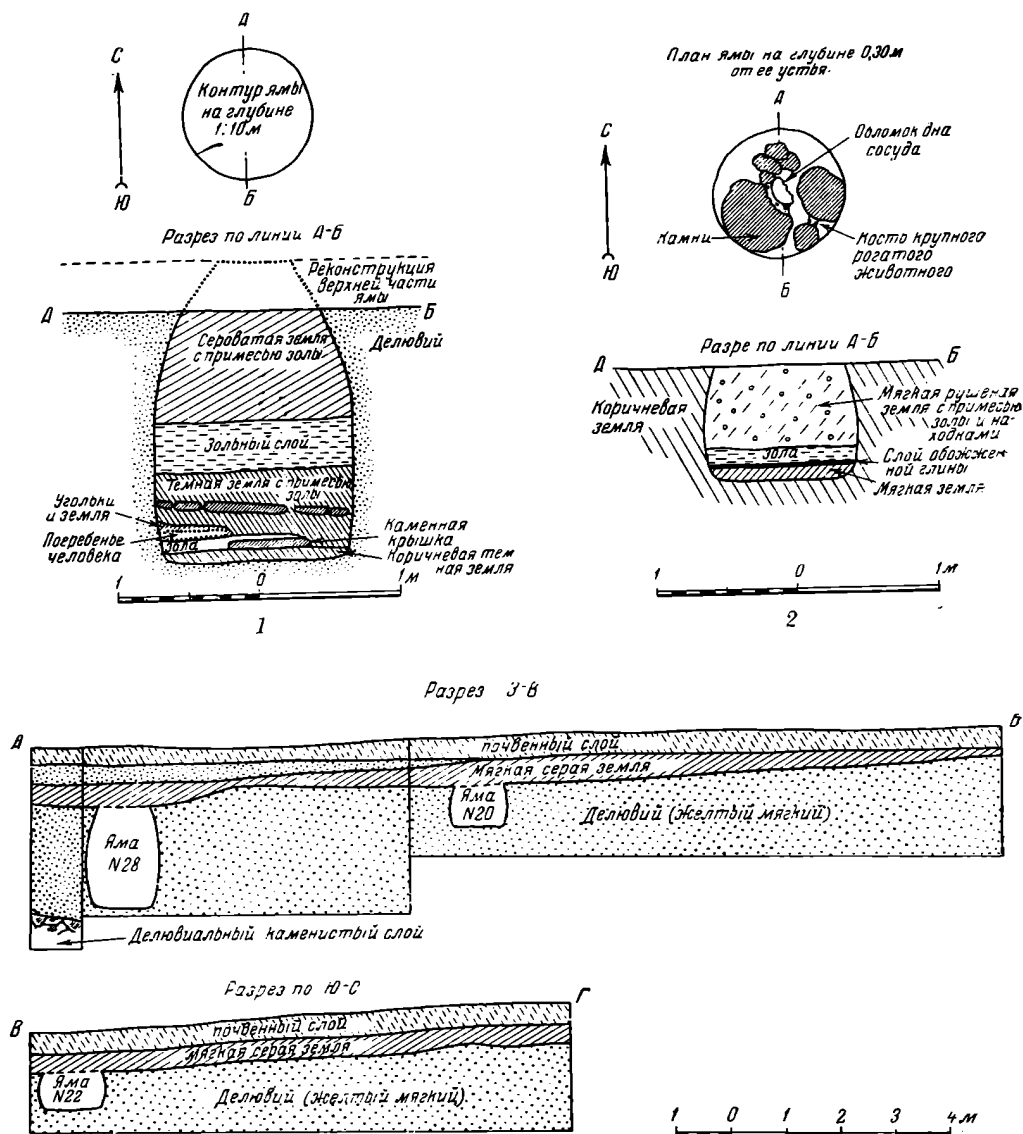

Рис. 8. Разрезы раскопа и хозяйственные ямы на участке II (поселение близ Инкермана):

1 — яма № 26; 2 — яма № 20; 3 — разрезы раскопа.

ников относятся курганы у Красной Горки близ Симферополя (раскопки 1925 г.)¹ и при въезде в деревню Родниковая (б. Скеля) в Байдарской долине (раскопки 1907 г.)².

Погребение № 3. Костяк (мужской) сохранился плохо, найдены обломки черепа и плечевой кости. Расположение лицевых костей свидетель-

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. «Крым», 1926, № 2, стр. 78.

² Н. И. Репников. Разведки и раскопки в Крыму в 1907 г. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 121.

ствуем о том, что погребенный был обращен лицом на юг. К юго-востоку от плечевой кости, параллельно ей, лежал кремневый наконечник копья, направленный острием кверху (рис. 9—1), а на расстоянии 1,25 м к юго-западу от остатков черепа, повидимому в ногах погребенного, находился лепной сосуд (рис. 9—2). Расположение костей и погребального инвентаря указывает на ориентировку погребения на северо-восток. Следов охры не обнаружено. По форме кремневого наконечника копья и характеру его обработки можно судить о высоком уровне развития кремневой техники, характерной для эпохи развитой бронзы. Форма сосуда — с намекающей гранью по тулову; бугристая поверхность без следов лощения и отсутствие орнамента отличают его от керамики раннетаврского поселения в Инкермане и других поселений так называемой кизилкобинской культуры.

Грунтовые погребения № 1, 2 и 3, вероятно, представляют собой остатки могильника II тыс. до н. э., расположенного на склоне балки, где впоследствии возникло поселение с керамикой кизилкобинского типа.

Ко второй подгруппе относится захоронение в хозяйственной яме (вторичное ее использование).

Погребение № 4. Костяк мужчины в возрасте около 30 лет (рис. 10—3) лежал на глубине 1,6 м от устья ямы № 26, вдоль северной стенки, и был согнут в соответствии с ее изгибом. Головой ориентирован на востоко-востоко-север, лицо обращено на юг. Костяк лежал на зольной подсыпке, в слое земли над ним встречены мелкие обломки лепных сосудов, раковины съедобных моллюсков, рыба чешуя, много угольков и мелкие обломки сильно пережженных костей животных. В нижней части этого слоя найден предмет из известняка, по форме напоминающий обушковую часть мотыги с проухом (рис. 10—2). В зольной подсыпке над правым коленом погребенного обнаружен плоский круглый предмет из известняка со следами грубой обивки на поверхности и цилиндрическим отверстием в центре, напоминающий по форме большое грузило. Над погребением была вымостка из крупных и мелких уплощенных камней, а на одном уровне с захоронением в центре ямы обнаружена круглая, тщательно обработанная с двух сторон (видимо металлическим орудием) крышка из известняка, прикрывавшая яму (рис. 10—1). Положение скелета и наличие зольной подсыпки под ним сближают это погребение с известными по раскопкам таврского некрополя Херсонеса¹. Одновременность погребения № 4 с раннетаврским поселением несомненна: под костяком, как и в засыпи земли над ним, обнаружены однотипные обломки лепной лощеной и грубой керамики, не отличающиеся от керамики, собранной на поселении. Захоронение в яме (зерновой) известно на Варваровском поселении², а часть скелета ребенка — в одной из небольших ям на поселении с кизилкобинской керамикой близ сел. Красногорское (быв. Нейзац)³.

Захоронение собаки. В хозяйственной яме № 27 найден скелет собаки. Он ориентирован с востока на запад, лапы обращены к северу, передние сильно поджаты. Выше скелета и под ним была вымостка из крупных и мелких уплощенных камней. Скелет собаки не впервые встречается в ямах на поселениях кизилкобинской культуры; так, близ сел. Красногорское в 1927 г. в одной из ям обнаружен скелет собаки⁴. Аналогичный

¹ С. Ф. Стрелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году. Херсонесский сборник, вып. IV. Симферополь, 1948, стр. 94.

² П. Н. Шульц. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 73.

³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 93.

⁴ Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, стр. 42.

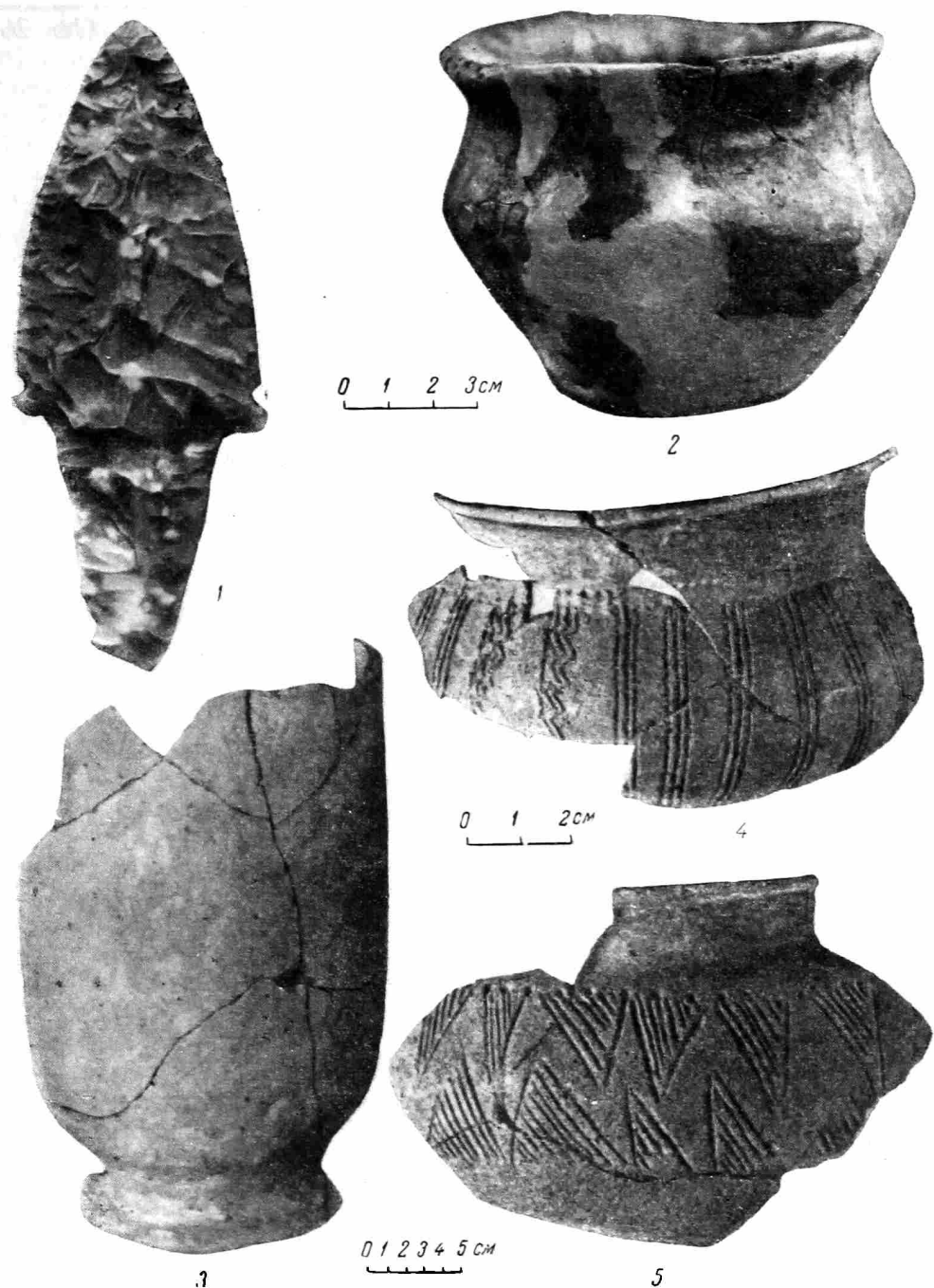
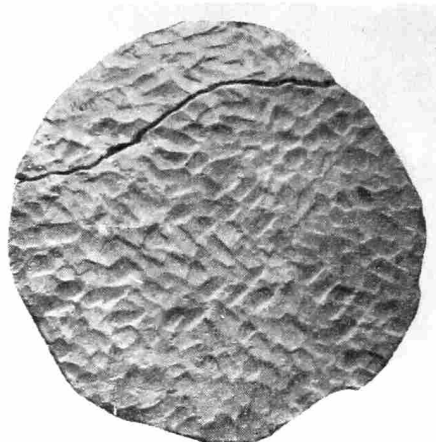

Рис. 9. Находки в погребениях и на поселении близ Инкермана:
 1 — кремневый наконечник копья из погребения № 3; 2 — сосуд из того же погребения;
 3 — сосуд из ямы № 17; 4, 5 — фрагменты сосудов с поселения.

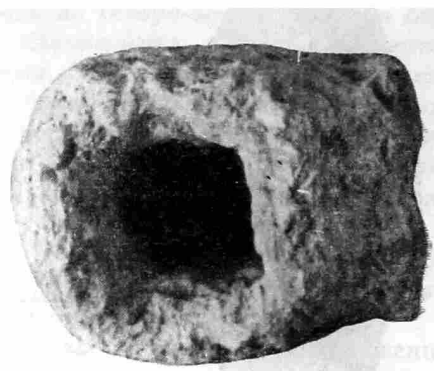
случай известен и за пределами Крыма — в одной из куполовидных ям на поселении у Джемикента (Северный Кавказ)¹.

¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. (тезисы кандидатской диссертации). КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130—134.

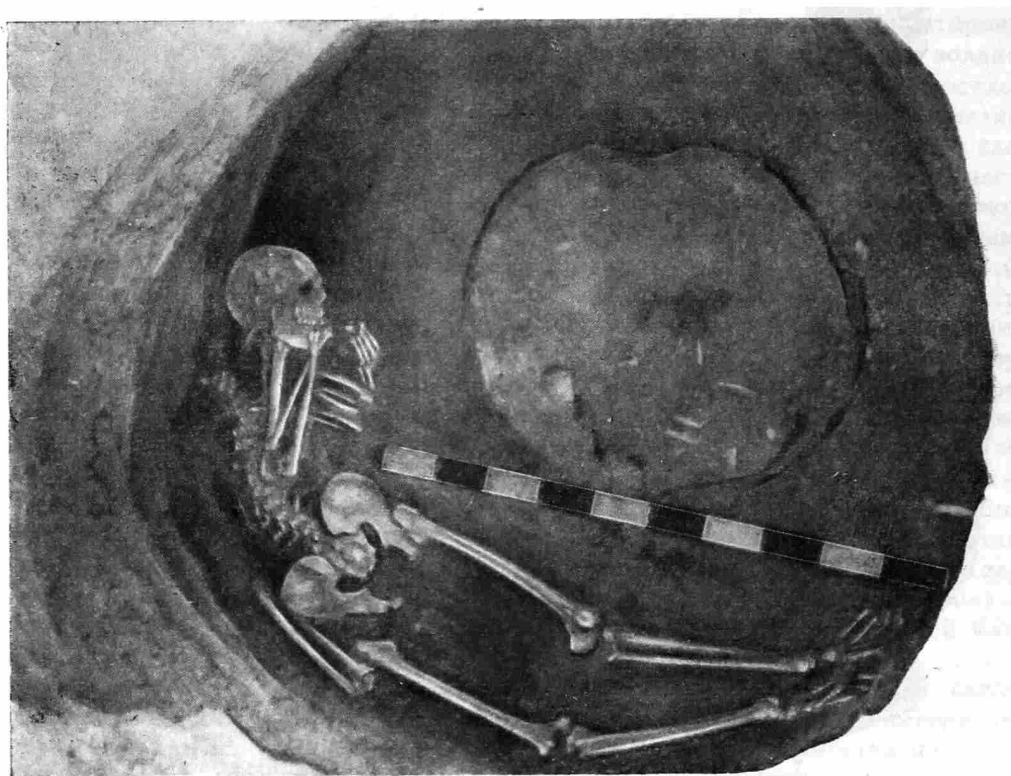
Условия находки скелета собаки в яме № 27 свидетельствуют о преднамеренности захоронения, а расположение ямы вблизи другой (№ 26)

1

2

3

Рис. 10. Захоронение в зерновой яме (погребение № 4):

1 — крышка зерновой ямы; 2 — обломок мотыги из известняка; 3 — погребение № 4 (общий вид).

с погребением человека позволяет усматривать в этом проявление определенного погребального обычая.

Ко второй группе памятников, открытых на поселении, относятся хозяйственные ямы; в 1950 г. их обнаружено 12 (нумерация ям ведется с 1948 г.).

Хозяйственные ямы имеют бочкообразную форму. По размерам их можно разделить на две подгруппы: к первой относятся ямы (№ 20, 23 и 28) с наибольшим диаметром 0,90—1,10 м, диаметр дна 0,80—0,95 м, глубина сохранившейся части 0,35—0,80 м, ко второй — ямы (№ 17, 19, 22, 26 и 27) с наибольшим диаметром 1,35—1,65 м, диаметр дна 1,20—1,55 м, глубина сохранившейся части 0,70—1,85 м. Сохранность остальных ям плохая.

По характеру заполнения ямы мало отличались друг от друга, за исключением ям № 26 и 27, где обнаружены погребение человека и скелет собаки. На дне каждой ямы находился слой земли без примеси золы, с незначительным количеством культурных остатков, вероятно представлявший собой обрушившуюся часть устья. Над этим слоем ямы доверху были заполнены прослойками золы, слабо обожженной глины, земли с примесью золы, угольками, обломками керамики и костями животных. Число прослоек различно (2—6); наличие их свидетельствует о постепенном заполнении и многократном использовании ям.

Над устьем ям № 22, 26 и 27 находился слой глины со значительной примесью золы и большим количеством обломков лепных сосудов. Этот слой, толщиной 0,35—0,40 м, насыщенный культурными остатками, видимо представлял собой нарушенную верхнюю часть хозяйственных ям. Это предположение находит подтверждение в размерах каменных круглых крышек, предназначавшихся для ям. Диаметр крышек 0,60—0,65 м, диаметр же сохранившегося устья ям превышал диаметр крышек, так как верхняя часть ям нарушена позднейшей запашкой, срезавшей устье на глубине 0,35—0,40 м. Первоначальная глубина ям, на основании реконструкции, достигала 2,2 м. Размеры и форма этих ям, напоминающих зерновые ямы Неаполя Скифского и Нимфея, а также находки круглых каменных крышек позволяют предполагать, что ямы на поселениях кизилкобинской культуры, повидимому, сооружались для хранения зерна и других продовольственных запасов. Вероятно они были использованы для очагов (яма № 7 из раскопок на Инкерманском поселении в 1948 г.), о чем свидетельствуют прослойки обожженной глины, зола, угольки и множество раковин съедобных моллюсков. Ямы, не пригодные больше для хозяйственного использования, служили для ссыпания мусора.

Реконструкция первоначальной формы и размеров хозяйственных ям (№ 22, 26 и 27) позволяет определить уровень древней дневной поверхности поселения на участке II, который оказался выше фактически обнаруженного устья ям на 0,35—0,40 м. Дневная поверхность была нарушенной на всем участке на одинаковую глубину, вероятно в результате запашки.

Находки. Основная масса находок извлечена из хозяйственных ям и частично из слоя над ними. Находки состоят из большого количества керамики, характерной для поселений кизилкобинской культуры, костей животных, раковин съедобных моллюсков, изделий из камня-известняка и незначительного количества кремневых отщепов.

Сосуды — лепные; они представлены двумя типами:

1. Грубая лепная посуда с шероховатой поверхностью, почти не орнаментированная. Сосуды чаще всего крупных размеров; это горшки с отогнутым наружу венчиком, с довольно высокой шейкой, выпуклыми боками, покатыми плечиками и плоским дном. Несмотря на то, что глиняное тесто грубое, с большим количеством крупных частиц примеси и плохо промешанное, сосуды этой группы бывают и толстостенными и тонкостенными.

От описанной группы посуды с шероховатой поверхностью резко отличается по форме часть лепного сосуда, найденного в яме № 17 (рис. 9 — 3). Тулово его цилиндрической формы, венчик не сохранился; нижняя часть рюмковидная: тулово резко сужается и переходит в дисковидный поддон;

в верхней — сохранилась часть бокового отверстия, которое, вероятно, было круглой формы; края отверстия сглажены и в нижней части слегка загнуты внутрь. Форма своеобразна и не находит аналогий в керамике поселений кизилкобинской культуры.

2. Лепные сосуды с лощеной поверхностью. По размерам и форме они крайне разнообразны. По типам их можно разделить на горшки и чаши или миски с широким открытым устьем. Горшки крупных размеров плоскодонны, имеют плавную линию профиля, слабо выраженное плечико, слабо или сильно выраженную шейку и отогнутый наружу венчик. В отличие от крупных, горшки малых и средних размеров делались с короткой шейкой и более четким, чем у крупных сосудов, плечиком; дно уплощенно-округлое, иногда с вдавлением в центре (рис. 9—4, 5). Чаши и малых и крупных размеров имеют слегка загнутый внутрь край, венчик скруглен или срезан прямо. Лощенные сосуды чаще всего формовались из хорошо промытой глины с мелкими частицами примеси. Наиболее тщательное лощение (черного, бурого и розовато-желтого цвета) наносилось на внешней поверхности сосудов, менее тщательное — на внутренней.

Все лепные сосуды из раннетаврского поселения в Инкермане найдены в фрагментарном состоянии, что крайне затрудняет реконструкцию форм и размеров. Основные типы представлены горшками и мисками или чашами с открытым устьем. Миски чаще всего крупных размеров, размеры горшков различны. Обилие фрагментов лощеной посуды, украшенной резным орнаментом, свидетельствует о широком использовании этого приема в керамике раннетаврского поселения в Инкермане (рис. 11). Орнамент состоит обычно из неглубоких врезных линий, образующих заштрихованные треугольники с направленными книзу вершинами. Поясок из заштрихованных треугольников располагается по плечу сосуда, иногда его дополняет одинарный, двойной или тройной поясок ямочных отпечатков, нанесенных острой палочкой. Иногда орнамент переходит и на нижнюю часть тулова сосуда, в виде вертикальных полос из параллельных врезных линий или заштрихованных треугольников. В большинстве случаев орнамент наносился зубчатым штампиком. В керамике поселения почти отсутствует рельефный орнамент (горизонтальный валик по плечу), что отличает ее от керамики других поселений кизилкобинской культуры.

К керамическим изделиям относятся также пряслица полусферической и биконической формы, на которых встречается орнамент из неглубоких конических ямок.

Следует отметить бедность поселения кремневыми находками, которые представлены лишь плоскими и массивными отщепами неопределенной формы, почти без следов обработки.

Кроме описанных находок из хозяйственных ям, интересны и некоторые находки из культурного слоя, характеризующегося керамикой кизилкобинского типа. К ним относятся:

1. Бронзовая «восьмеркообразная» пластинка, состоящая из двух соприкасающихся округлых слегка выпуклых щитков. Размер пластинки $2,5 \times 1,2 \times 0,1$ см. Найдена на глубине 0,6—0,7 м от современной поверхности. Аналогичные бляшки неоднократно находили при раскопках погребений в каменных ящиках¹.

2. Обломок тонкостенного красноглиняного сосуда в виде плоской таблички со скругленными углами, размером $1 \times 1 \times 0,3$ см. На поверхности черепка имеются процарапанные в строчку три буквы НИК, высота букв 0,2 см. Черепок с надписью найден на глубине 0,7 м от современной поверхности.

¹ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 149.

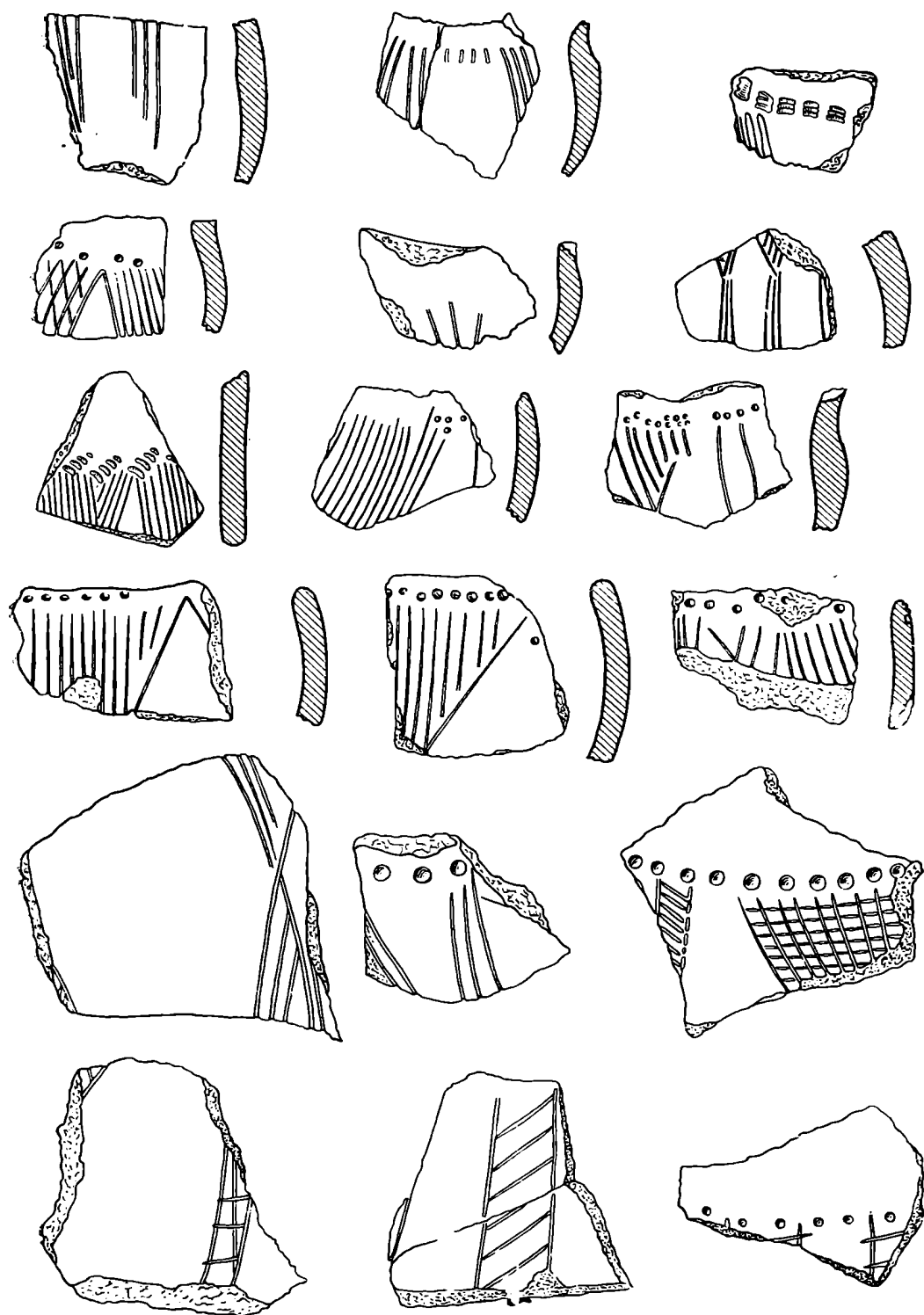

Рис. 11. Обломки орнаментированных сосудов с поселения близ Инкермана.

3. Обломок тонкостенного сероглиняного сосуда с горизонтальными полосками коричневого цвета — фрагмент ионийского сосуда, датируемый VI в. до н. э.¹ Обломок найден на глубине 1,1—1,2 м от современной поверхности.

4. Обломок ручки килика, покрытой черным лаком. По мнению Т. Н. Книпович, он мало выразителен и самостоятельно не может служить основанием для датировки, но не противоречит дате, определяемой на основании ионийского черепка, т. е. VI в. до н. э. Обломок найден на глубине 0,7 м от современной поверхности.

5. Обломок придонной части амфоры; плавная линия перехода дна к стенкам свидетельствует о том, что амфора относится не к VI в. до н. э., а к более позднему времени. Это позволяет ставить вопрос о том, что поселение тавров в Инкермане продолжало существовать вплоть до эпохи эллинизма.

В результате проведенной работы можно прийти к следующим выводам:

1) Часть грунтового могильника с погребениями № 1, 2 и 3 относится к эпохе развитой бронзы. Возможно, могильник с грунтовыми захоронениями предшествовал раннетаврскому поселению. Стратиграфически одновременность могильника и поселения не прослежена из-за сильной нарушенности культурного слоя запашкой.

2) Хозяйственные ямы, открытые на поселении ранних тавров в Инкермане, служили для хранения запасов; некоторые из них использовались для хранения зерна. Зерновые ямы и их размеры свидетельствуют о большом значении земледелия в хозяйстве тавров.

3) Кости животных (в том числе крупного и мелкого рогатого скота), рыба чешуя и раковины съедобных моллюсков свидетельствуют о наличии скотоводства, охоты и морского промысла.

4) Множество керамических изделий, хорошее качество глины, степень обжига сосудов служат показателем высокого уровня развития гончарного ремесла, а керамические пряслица — развития прядения и ткачества.

5) Находки из культурного слоя с керамикой кизилкобинского типа дают основание для датировки поселения временем от VI в. до н. э. до эпохи эллинизма и подтверждают принадлежность поселения таврам.

6) Череп из погребения № 4 в хозяйственной яме по ряду признаков имеет близкое сходство с мужскими черепами из каменных ящиков близ сел. Крепкое.

7) Среди находок раннетаврского поселения в Инкермане обращает внимание малое количество кремневых стщепоов со слабыми следами обработки и полное отсутствие законченных кремневых орудий. Упадок кремневой техники, повидимому, связан с началом массового применения металлических орудий (по всей вероятности, железных).

¹ Фрагменты греческой керамики любезно определены Т. Н. Книпович.

И. М. ЛОСЕВА

РАСКОПКИ ЦИТАДЕЛИ УРАРТСКОГО ГОРОДА ИРПУНИ

Холм Арин-берд (рис. 12), находящийся на юго-восточной окраине Еревана, издавна привлекал внимание ученых. Еще в 1879 г. у его подножия при полевых работах был обнаружен камень с клинообразной над-

Рис. 12. Холм Арин-берд (северная сторона).

писью, сообщающей о возведении постройки урартским царем Аргишти. Камень этот был приобретен в 1894 г. А. А. Ивановским¹, которым в ходе обследования обнаружены на вершине холма остатки крепости первой половины VIII в. до н. э.²

В 1950 г. на холме Арин-берд были начаты консервационные работы по укреплению в различных местах древних стен и произведена геодези-

¹ Издан В. М. Никольским в 1896 г. См. МАК, вып. V.

² МАК, вып. VI, стр. 59—61.

ческая съемка территории крепости с нанесением всех древних сооружений¹.

Огромное значение имело открытие во время этих работ двух клинообразных надписей на базальтовых камнях в юго-западной части холма.

На первом из них был высечен следующий текст: «Бога Халди величием Аргишти, сын Менуа, эту крепость мощную постройкой закончил, городом Ирпуни назвал, для могущества страны Биайны и на устрашение вражеских стран. Аргишти говорит... совершил я дела великие (точно — могучие) здесь. Бог Халд великий, Аргишти, сын Менуа, царь могучий, царь страны Биайна, правитель города Тушпы»².

Эта надпись дала возможность с полной достоверностью отождествить холм Арин-берд с цитаделью города Ирпуни, о котором упоминает летопись Аргишти I, сообщающая о постройке мощного города Ирпуни, который должен был возвеличить страну Урарту и устроить вражеские страны. Особое значение имели строки летописи, сообщающие о переселении в Ирпуни 6600 пленных из страны Хате и Цупани (северная Сирия и Софенна древних авторов).

Таким образом, текст ванской летописи, кроме указания на большое значение города, дает еще одно чрезвычайно важное свидетельство из истории города Ирпуни, а именно, что там, возле цитадели, жили переселенцы из отдаленных областей.

Разведочные работы 1950—1951 гг. показали, что не только на вершине Арин-берда, но и у его подножия есть остатки древних сооружений.

В территорию древнего города, вероятно, следует включить также два небольших холма, находящихся около Арин-берда, один на северо-запад от него, другой на северо-восток. На этих холмах, как и в самой крепости, обнаружено много урартской красноошенной керамики. В развалинах древних строений у подошвы холма, кроме обломков керамики, найдены зернотерки, каменные чаши.

Таким образом, сопоставляя все сказанное, можно утверждать наличие города, раскинувшегося у подножия холма, и считать сооружения верхней его части, возвышающиеся на холме и доминирующие над местностью, дворцом. Планировка Кармир-блур и Тушпы может служить дополнительным подтверждением этого предположения.

Работами 1951 г.³ было установлено, что цитадель Ирпуни на вершине Арин-берда занимала площадь около 6 га. Крепостные стены опоясывали вершину холма по его контуру. В юго-западной части крепости обнаружены остатки этих стен протяжением около 50 м. До высоты 2—3 м они сложены из камней (базальта и туфа) чистой тески, поверх которых возводилась стена из сырцового кирпича. Линии стен прорезаны контрфорсами, выступающими на 1,05—1,10 м (те же характерные выступы и уступы, которые мы встречаем во всех памятниках переднеазиатской архитектуры).

Кроме того, были вскрыты внутренние стороны стен, очерчивающих прямоугольник, размером 20 × 33 м, который, согласно предположению К. Л. Оганесяна, представляет собой внутренний «двор».

В западной стене «двора» сохранился проем (шириной 1,08 м), ведущий в разрушенное помещение, длиной более 40 м, некогда примыкавшее

¹ Работа производилась по поручению Комитета культурно-просветительных учреждений при Совете Министров АрмССР архитектором К. Л. Оганесяном при консультации Б. Б. Пиотровского. В 1951 г. она была продолжена отрядом Кармир-блурской экспедиции. Итоги работ см. К. Л. Оганесян. Изв. АН АрмССР, Отд. обществ. наук, № 8, 1952.

² Перевод Б. Б. Пиотровского, см. К. Л. Оганесян. Указ. соч., стр. 76; ср. Г. А. Мелликишвили. Урартские клинообразные надписи. ВДИ, 1953, № 3, стр. 269.

³ Работы производились Кармир-блурской экспедицией, отрядом под руководством К. Л. Оганесяна.

к наружной крепостной стене. Северная и западная стены совершенно разрушены.

Помещение, несмотря на его очень плохую сохранность, представило исключительный интерес благодаря найденным здесь росписям, фрагменты которых были извлечены и из-под груды обвалившихся стен.

Фрагменты позволили частично реконструировать роспись. Верхний ряд был заполнен розетками со вписанными в них девятиконечными звездочками, следующий ряд — пальметками; под ними были нанесены изображения, имитирующие зубчатое завершение стен. Еще ниже — полосы с изображением вереницы идущих коз. Следующий ряд был занят изображениями священного дерева и стоящих по его сторонам гениев, близкими к изображению на шлеме Сардура, найденном на Кармир-блуре. Фигуры, выполненные красной краской, резко выделялись на синем фоне. Фриз заканчивался линией орнамента из свисающих вниз цветочных бутонов.

Особый интерес представляла часть росписи (высотой около 0,5 м), сохранившаяся, к сожалению, лишь в отпечатке и изображающая бога, стоящего на льве.

Росписи на Арин-берде позволяют высказать предположение о назначении здания. Религиозная тематика росписей дает основание видеть в нем храмовое помещение, тем более что многочисленные ассирийские храмы, являющиеся одной из самых близких аналогий, украшались во многих случаях только росписью.

По находкам росписи и на Кармир-блуре (правда, в значительно меньшем количестве) можно заключить, что традиция росписей широко была развита в урартском зодчестве, о чем до сих пор не было известно.

На основании данных эпизодических работ 1950—1951 гг. говорить о планировке крепости было еще очень трудно. По выявленным следам стен и главным образом по тексту второй клинообразной надписи можно было сделать лишь некоторые предварительные заключения.

Вторая из обнаруженных в 1950 г. надписей дает текст: «(Сардур, сын Аргишти эту) (постройку) соорудил в (5200 капи) здесь. Сардур, сын Аргишти, царь могучий, царь великий, царь страны Биайна (царь царей), правитель города Тушпы»¹.

Следовательно, были все основания для предположения о существовании на Арин-берде отдельных построек, так же как это имело место и на Топрак-кале. Именно этим крепость Ирпуни по своей плановой композиции должна была резко отличаться от цитадели Тейшебаини, представляющей одно большое здание.

В 1952 г. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина совместно с Институтом истории АН АрмССР предпринял дальнейшие исследования Арин-берда². Основной задачей их было выяснение контура открытого в предыдущие годы строения, исследование комнат № 1 и 2 и подготовка участка для дальнейших работ.

Раскопы были заложены на трех участках (рис. 13).

Северная, внутренняя стена «двора» имела резко отличную по характеру кладку, делившую ее как бы на две части: одну из крупных каменных блоков, поверх которых шла кладка из сырца, и другую, имеющую у основания кладку из базальтовых блоков прекрасной чистой тески. Такое различие кладки в пределах одной стены, естественно, вызывало недоумение и требовало разъяснения.

¹ К. Оганесян. Указ. соч., стр. 76.

² В. экспедиции приняли участие архитектор К. Л. Оганесян, ст. научн. сотр. ГМИИ И. М. Лосева (нач. отряда ГМИИ), ст. научн. сотр. ГМИИ С. И. Ходжаш, ст. научн. сотр. Ин-та истории АН АрмССР М. А. Израелян, реставратор ГМИИ Е. А. Болотникова и А. К. Кочоян. Работы велись под общим научным руководством Б. Б. Пиотровского.

Выявление контура внешней стороны этой стены было основной целью работ на раскопе II. Наружная часть стены имела два контрфорса, выступающих на 0,50—0,55 м. Протяжение каждого из них около 4 м. Хорошо сохранился контрфорс, завершающий здание с восточной стороны (рис. 14). У противоположного конца стены сохранился только фундамент контрфорса. Дальнейшая линия стены в западном направлении не могла быть прослежена ввиду полного разрушения этой части холма.

Здание стояло непосредственно на скале и, в отличие от ассирийских построек, не имело искусственно возведенной террасы.

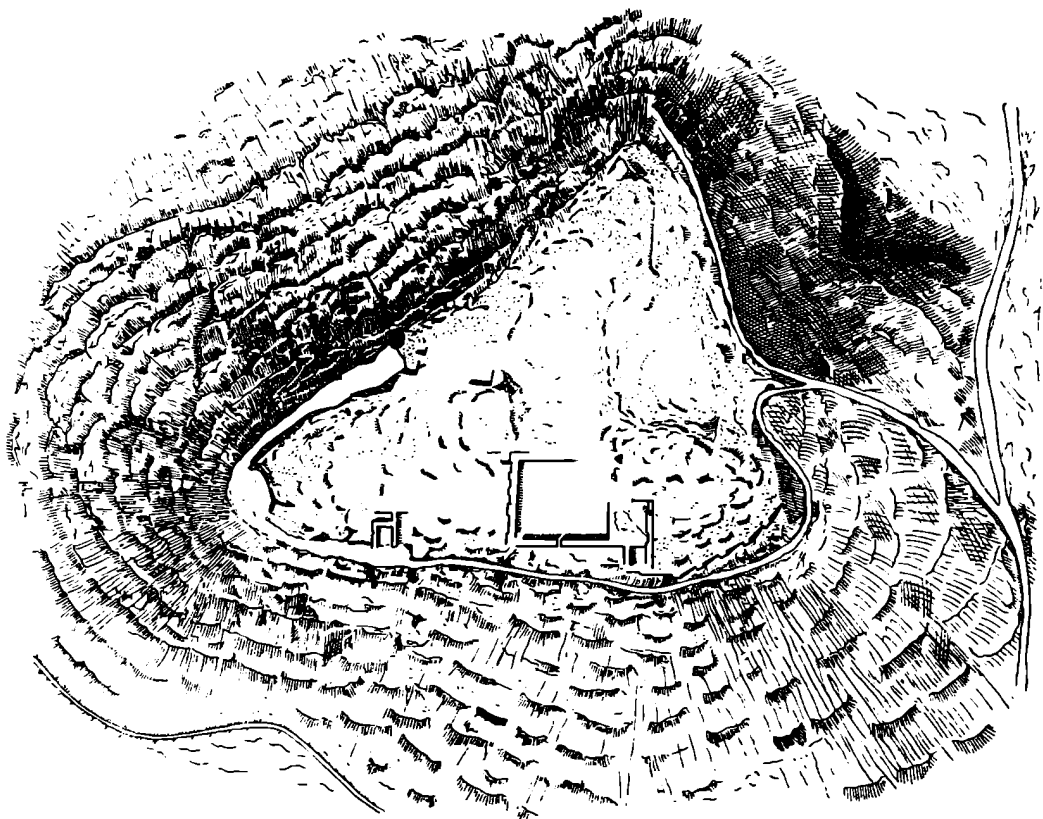

Рис. 13. План открытых строений на вершине холма Арин-берд.

Общая длина выявленной части стены, ограждающей северную сторону здания I, равна 15,32 м; высота ее 1,7 м при ширине 2,5 м.

У второго, хорошо сохранившегося контрфорса обнаружена ступенчатая платформа, назначение которой пока неясно (рис. 14).

В конце платформы встречены куски горелых камней и кладка временной стены из больших каменных глыб, частично обгорелых.

За контрфорсом шла стена, с внешней стороны повторяющая уже знакомую нам систему кладки, т. е. в цокольной части шла линия базальтовых плит прекрасной чистой тески, а сверх них — сырцовая кладка. Эта стена, длиной 17,63 м, имела с внешней стороны три контрфорса, но значительно меньших размеров, чем у первого здания (средняя длина контрфорсов здесь 2,7 м).

Третий контрфорс (в западной части) ограничивал помещение, образуя угол, за которым стена продолжалась в южном направлении, обрисовывая

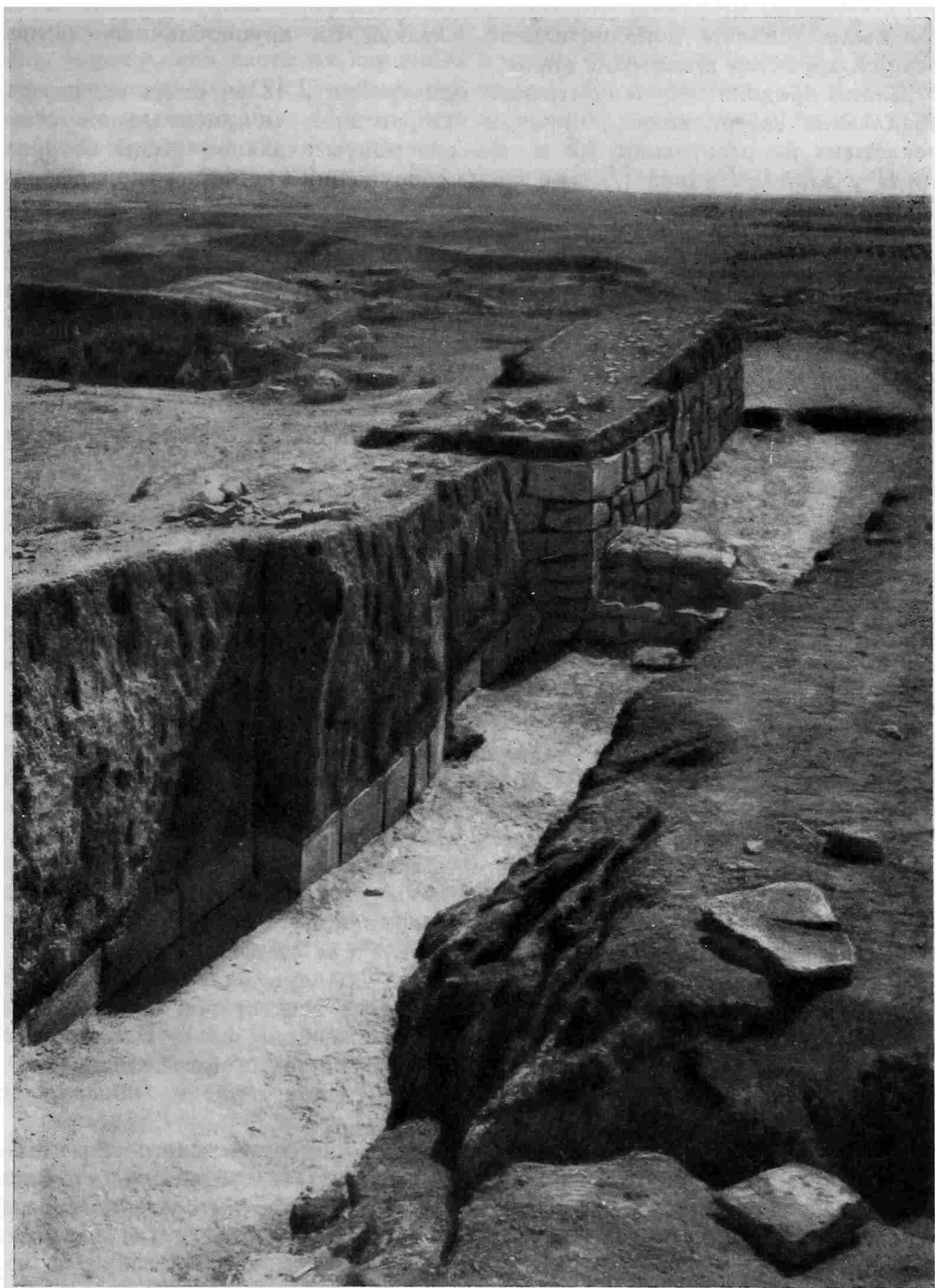

Рис. 14. Стены, ограничивающие «двор». Внешняя сторона.
Стены здания I из крупноблоковых камней в цокольной части и стена здания II с линией базальтовых плит у основания и сырцовою кладкой в верхней части.

границу сооружения (II); возможно, что это новая часть «двора», прирезанная к старому «двору» и обнесенная самостоятельной стеной.

Разный характер кладки стен сооружений I и II и различная трактовка их позволяют предположить и разновременность их возведения.

Необходимо отметить, что последний контрфорс сооружения II и его угол были усилены дополнительной кладкой из крупноблочных камней, носящей характер временной стены.

Длина продолжающей контрфорс пристройки 2,42 м, стена ее, идущая параллельно завернувшей в южном направлении монументальной стене, прослежена на расстоянии 7,2 м. Высота монументальной стены сооружения II у здания I равна 1,7 м, в конце сооружения (у третьего контрфорса) 2,7 м, ширина 2,5 м.

Находки на этом участке были наиболее многочисленными. В обвале сырцовых частей стены обнаружены бронзовые стрелы скифского типа, с притупившимся от удара кончиком (рис. 15). Открыто много фрагментов керамики (мелких сосудов, светильников, карасов), зернотерка, вмурованный в остаток стены временной кладки, закопченный и с частицами угольков на дне тондыр (очаг), пряслище и другие предметы домашнего обихода.

Во временной кладке найден наконечник железного дротика, к сожалению, сильно деформированный.

Таким образом, находки 1952 г., и в особенности стрелы скифского типа, дают возможность с достаточной вероятностью предполагать существование жизни в Ирпуни и ее крепости вплоть до VI в. до н. э.

Отметим, что здесь же обнаружена прекрасной работы и сохранности костяная печать-цилиндр с изображением охоты.

В западной стене «двора», отделяющей его от большого помещения с росписями, обратили на себя внимание части деревянных бревен, выступающие из разрушенной здесь кладки. Расчистка обнаружила водосток и далее колодец, перекрытый сперва массивными каменными плитами, а затем

деревянным перекрытием из восьми балок полной сохранности. Над ними была возведена каменная кладка цокольной части стены.

Дальнейшая расчистка показала, что из колодца идет подземный ход к наружной крепостной стене. Ход выложен со всех сторон базальтовыми плитами прекрасной тески. Длина хода прослежена на 3,3 м. Восстановить его истинные размеры из-за сильного разрушения холма невозможно.

Бревна обработаны небольшим топором, следов пилы не обнаружено. Длина бревен 1,75 м, диаметр 0,55 и 0,75 м.

В водостоке найдена бронзовая бляшка обычного урартского типа; такие часто встречаются и среди находок в Тейшебаини. Надо отметить, что близкие ей бляшки были обнаружены также А. А. Ивановским среди погребального инвентаря «каменных ящиков» в Кировабадском районе (б. Елизаветпольский).

Над выходом водостока в помещении I был вскрыт пол, состоящий из трех слоев сырцовых плит. У восточной стены этого же помещения над верхним слоем сырцовых плит шел деревянный настил из мелких досочек.

Раскоп I включил помещения № 1 и 2.

Основной целью работ здесь было исследование помещения № 2 — небольшой комнаты, прилегающей к обширному помещению № 1 (где были найдены основные фрагменты росписей), и выявление дальнейшей планировки юго-западной части здания.

Помещение № 2, значительно пострадавшее от разрушения, было отделено от первого стеной, остатки которой уцелели на 2,95 м. Длина целой,

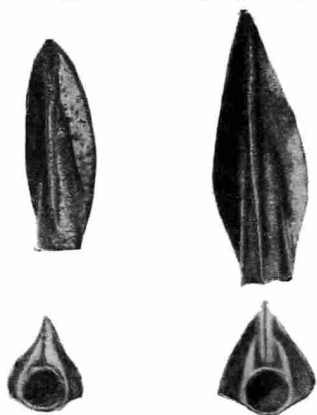

Рис. 15. Наконечники бронзовых стрел скифского типа.

восточной стены 5,55 м, сохранившейся части южной 2,83 м, западная не сохранилась. Стены помещения, как и вообще стены всего здания I, выложены в цокольной части из каменных блоков, связанных глиной, и продолжены сырцовой кладкой; сохранились они на общую высоту 2,37 м. Высота каменного цоколя 1,55 м. Поверхность цокольной части была покрыта слоем обмазки, уцелевшей только местами.

По северной стене комнаты № 2 открыты остатки обмазки (до высоты 58,5 см), покрытой голубой краской. В ее нижней части обнаружены следы красной росписи, идущей в виде бордюра, 0,25—0,30 м шириной, на уровне пола. Поверхность над бордюром была голубого цвета.

Около этой же стены был вскрыт грунт на площади $1,35 \times 1,12$ м и обнаружены сырцовые кирпичные плиты $47 \times 37 \times 12$ см, покрывавшие пол. Они лежали на слое красной глиняной обмазки. На некоторых из них сохранились следы голубой краски, видимо от упавших росписей. В грунте обнаружено много маленьких кусочков обмазки с росписью яркосинего цвета со следами рисунка черной краской по синему и красному фону.

В северо-восточном углу помещения № 2 найдены маленькие цилиндрические бронзовые бусины и по всей площади фрагменты керамики, в основном краснолощеной, среди которой наибольший интерес представляет ручка, напоминающая стилизованную голову оленя.

При выявлении контура южной поперечной стены оказалось, что помещение № 2 было последним и что с внешней стороны параллельно его стене, на расстоянии 2,05 м, идет сырцовая кладка стены другого сооружения, обозначенного нами как здание III.

В процессе раскрытия южной внешней стены здания I выявлены два контрфорса, почти точно соответствующие описанным выше, сохранившимся у северной стены этого же здания. Общая длина уцелевшей части южной стены 18,5 м; длина контрфорсов около 4 м, выступ их 0,50—0,55 м; высота стены у начала раскопа 2,70 м, у конца 4 м.

Проход между зданиями I и III был трижды прегражден завалами, в первых случаях, возможно, рухнувшей стеной второго этажа, в последнем — земляной насыпью, смешанной в нижней части со щебнем и покрытой тремя слоями обмазки, окрашенной в серовато-голубой цвет.

Таким образом, с раскрытием этого участка со всей очевидностью выявились два строения, совершенно различные и по своим конструктивным приемам и по характеру зодчества. Здание I возведено на каменном цоколе, имеет контрфорсы. Здание III отличается ровной линией стены, возведенной из сырца непосредственно на поверхности скалы. В его западной части обнаружено окно. Говорить об общем характере этого здания преждевременно.

Западная стена здания I после ее поворота открыта на расстоянии 5,05 м. Она завершается, видимо, дверным проемом. Здесь начинается стена, идущая перпендикулярно к западной. Обе они покрыты голубовато-серой обмазкой на высоту около 2 м.

Среди находок в этом раскопе надо отметить большое количество фрагментов краснолощеной керамики, меньшее — грубых сосудов серой глины. Краснолощенные сосуды здесь ближе найденным в центре Урарту.

В грунте обнаружено довольно значительное число деревянных балок, немного древесного угля.

Костные остатки тоже многочисленны. Они определены зоологом С. К. Далем. Здесь были найдены кости мелкого домашнего скота — баранов, коз, свиней, крупного рогатого скота и копытных, а также диких животных — дикого козла и зайца. Обнаружены кости собаки (небольшого размера).

Наиболее интересна находка костей одногорбого верблюда (*Camelus dromedarius* Exos), которая подтверждает сообщения клинописных источников

об угоне верблюдов из Закавказья среди захваченной добычи (тексты Аргишти и Сардура). Погребение с двумя верблюдами было обнаружено у сел. Кара-Булак Кировабадского района¹.

Раскоп № 3 был разбит в южной части «двора». Задача работ здесь — исследование и выявление контура «двора» с южной стороны.

Обнаружилось, что раскрытая стена очерчивала не только южную часть «двора», но и какое-то помещение, условно названное № 3. Длина данной стены 13,1 м. Она завершается поворотным камнем в цокольной части, после чего заворачивает и идет на юг, по направлению к «двери» в западной стене здания I.

Таким образом, совершенно ясно очерчиваются контуры еще одного помещения.

Несмотря на то, что работы по выявлению всего архитектурного комплекса еще не закончены, общие размеры и контур здания уже в основном намечаются. Здание поражает величием и монументальностью; его площадь около 1715 м², в том числе площадь «двора» около 925 м².

Выявлены следы перестроек, произведенных в течение длительной, не менее чем двухвековой жизни цитадели (VIII—VI вв. до н. э.).

Таким образом, работами на холме Арин-берд, в цитадели города, может быть установлено, что постройки на вершине холма представляют собой громадное сооружение дворцового ансамбля, напоминающее ассирийские и митаннийские дворцы. Постройки на холме Арин-берд приобретают еще больший интерес благодаря тому, что надписи, обнаруженные в 1950 г., позволяют отождествить их с развалинами города Ирпуни (Еребуни, согласно новому чтению одной из надписей, обнаруженной на щите из находок Кармир-блур 1952 г.), крупного урартского административного центра в Закавказье.

¹ Материалы по археологии Кавказа, вып. VI, 1911, стр. 162 сл.

Н. М. ЕГОРОВ

МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ БЛИЗ
г. МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ

Могильник в глиняном карьере, находящемся в 5 км к северо-западу от Минеральных Вод, был открыт летом 1952 г.¹ Найденный инвентарь из древних погребений был передан местному краеведу А. П. Руничу. В составе инвентаря:

1. Глиняная чаша ручной работы, формы — обычной для культуры Кабардино-Пятигорья раннего железного века². Диаметр чаши по венчику

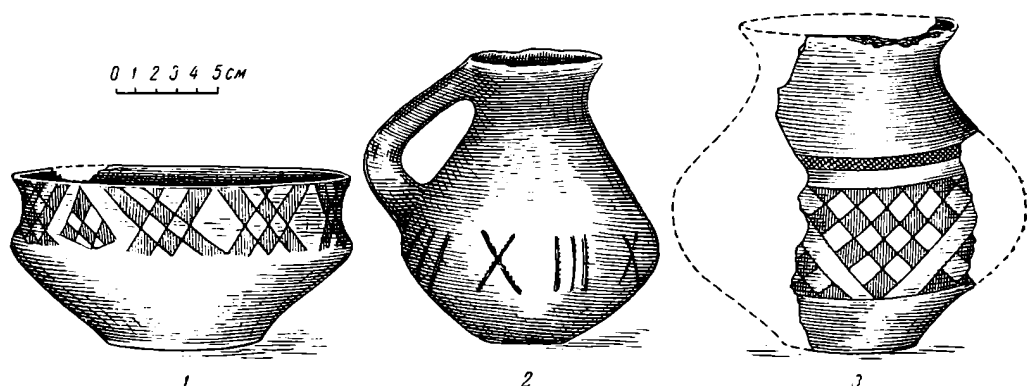

Рис. 16. Сосуды из Минераловодского могильника.

19,5 см, высота 9—9,5 см; поверхность черного цвета, носит следы лощения; по вогнутому борту нанесен геометрический косошахматный орнамент со следами затирки белой пастой (рис. 16 — 1).

2. Железный наконечник копья, общей длиной около 26 см, сильно прожавленный и сломанный в месте соединения втулки с острием.

3. Два (сохранился один) изогнутых железных крючка (рис. 17 — 14), которые, по словам Г. П. Чунченко, лежали возле наконечника.

4. Восемь бронзовых наконечников стрел скифского типа, из них два двугранных втульчатых и шесть трехгранных.

¹ Могильник был обнаружен Г. П. Чунченко.

² Изв. ГАИМК, вып. 109, 1925, стр. 225; Уч. зап. Кабард. научно-иссл. ин-та, т. V. Нальчик, 1950, стр. 247—254; МИА, № 23, 1953, стр. 130.

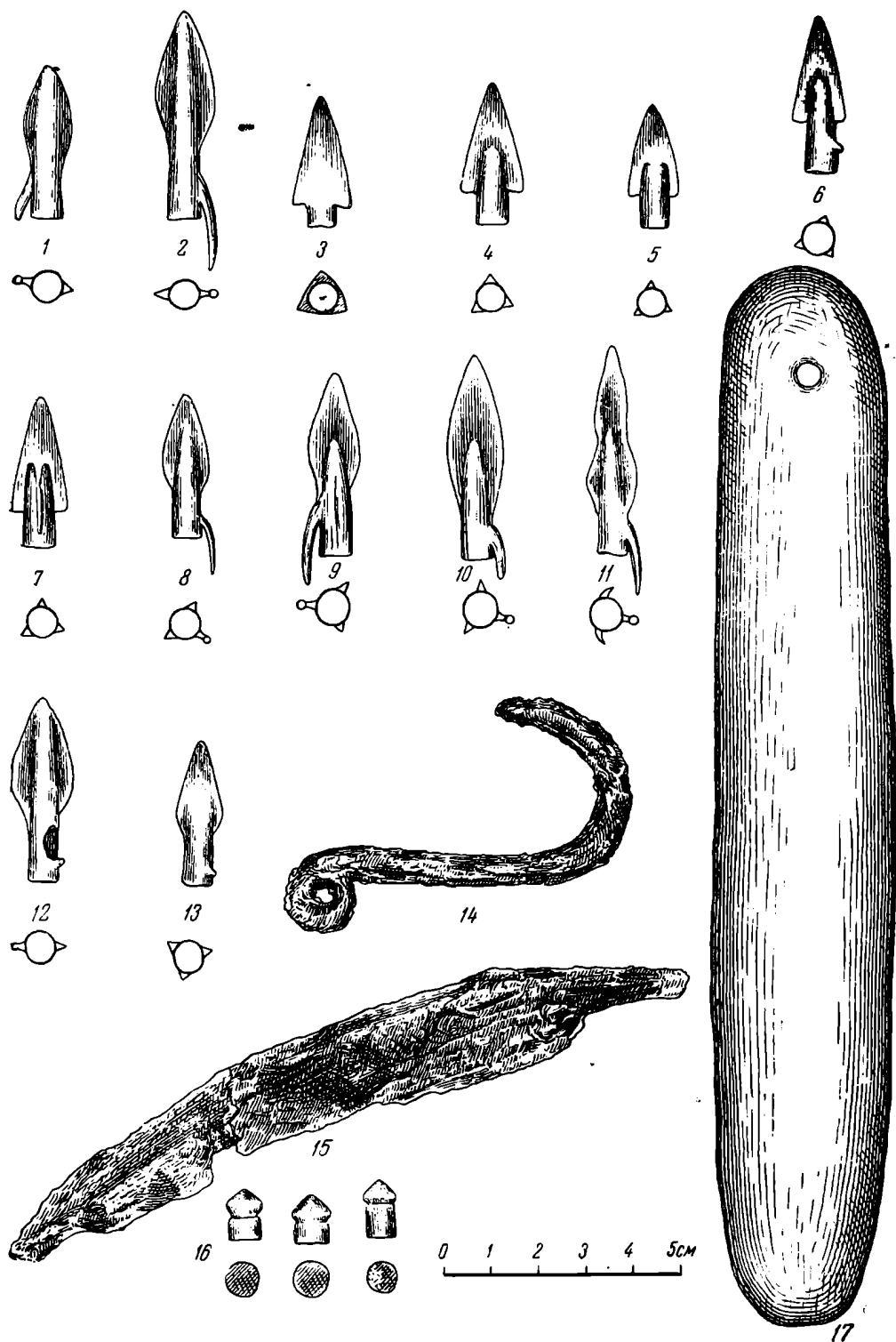

Рис. 17. Находки из Минераловодского могильника:

1-13 — бронзовые наконечники стрел (среди находок: 1 — один экземпляр, 2 — шесть, 3 — два, 4 — три, 5 — четыре, 6 и 7 — по одному, 8 — пять, 9 — четыре, 10 — три, 11, 12, 13 — по одному); 14 — железный крючок; 15 — железный нож; 16 — костяные поделки; 17 — каменный брусок.

5. Более полусотни мелких предметов из кости (рис. 17 — 16), по форме подобных фарфоровым роликам высотой 1 см, но без сквозного отверстия, которые будто бы были расположены в могиле полукругом (сохранилось только четыре предмета).

6. Обломки небольшого, несколько изогнутого железного ножа длиной 10 см, без стержня для рукоятки (не сохранились).

В том же году А. П. Рунич, осмотрев карьер, установил, что могильник расположен на северном его участке; могилы находятся на расстоянии 4—5 м друг от друга; одни имеют вид каменных ящиков, другие просто грунтовые. Часть могил уже разрушена при добыче глины. Судя по фрагментам посуды, найденным в погребениях, могильник относится к скифскому времени и может иметь большое значение для определения взаимоот-

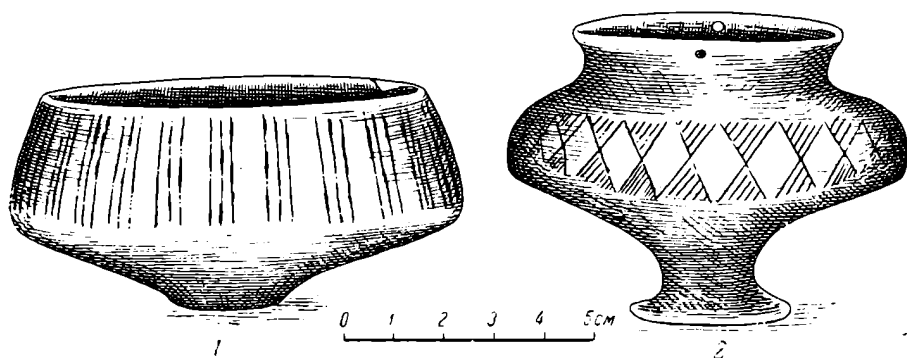

Рис. 18. Туалетные сосудики из Минераловодского (1) и Перкальского (2) могильников.

ношений скифов с местным населением. Могильников этого периода в Пятигорье известно немного, и они почти не исследованы. Эти могильники: Быкогорский, у Провальского поселения в г. Пятигорске, на проспекте им. Калинина в г. Пятигорске, у Перкальской скалы за Машуком (разграблен в древности). Минераловодский могильник, таким образом, — новый интересный памятник.

Несколько позже А. П. Руничем и мною обнаружено и зачищено почти нетронутое погребение. Это был каменный ящик длиной 1,1 м, шириной 0,8 м, высотой около 0,6 м. Стенки сложены из грубых плит бештаунита и песчаника; покровные плиты небольшие, поэтому они провалились внутрь ящика и одна из них раздавила череп. Глубина могильной ямы 1,5 м. Женский костяк лежал на левом боку, головой на запад; ноги подогнуты. У спины стояла большая чаша того же типа, что и обнаруженная в первом погребении (рис. 16 — 1). Размеры ее: высота 12 см, диаметр по венчику 23,5 см, дна — 10 см. Несколько далее к северо-востоку находилась небольшая чашечка туалетного типа. Размеры ее: высота 3,8 см, верхний диаметр 7,5 см, наибольшей ширины тулова (бортик несколько наклонен внутрь) 8,5 см. Диаметр вогнутого (конусообразного внутри) доньшка 2,5 см. По бортику нанесен орнамент из вертикально врезанных линий, расположенных группами по три на расстоянии 4—7 мм друг от друга (рис. 18 — 1). Цвет чашечки серо-желтый, сохранность плохая. В чашечке вместе с мелкими пастовыми бусами лежали три обломка тонкой (около 1 мм толщины) бронзовой булавки (?). К югу от большой чашки кости свиньи — ребра и лопатка; тут же железный нож.

Возле правой ключицы скелета обнаружена тонкая, перебитая в верхней половине, со спиральным завитком на верхнем конце бронзовая булавка,

длиной 15 см (рис. 19—2), и такая же булавка слева, под нижней челюстью. Очевидно, ими была сколота на плечах одежда. У черепных костей лежала выпуклая бронзовая круглая пластинка, диаметром 5 см, с двумя диаметрально расположенными по краям отверстиями, очевидно составная часть головного убора (рис. 19—5).

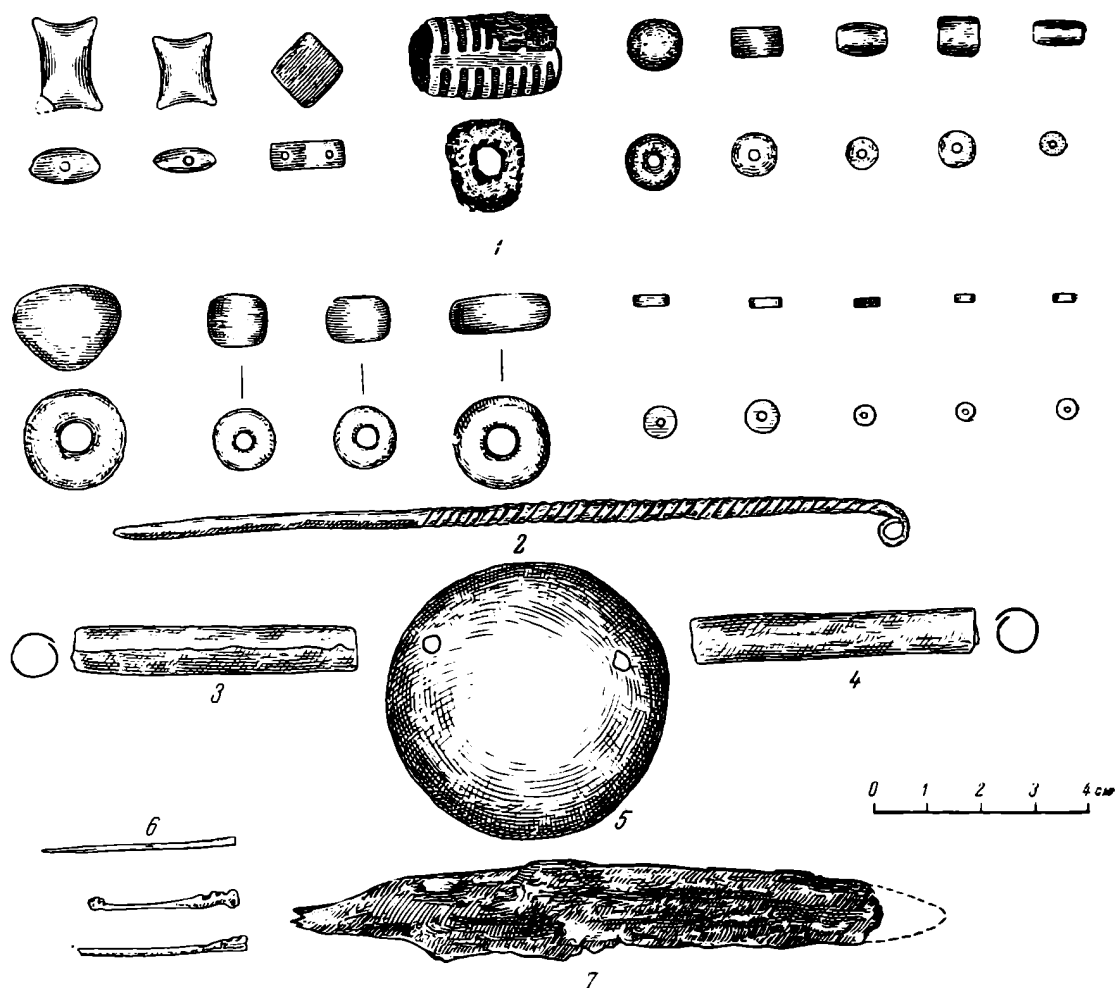

Рис. 19. Находки из Минераловодского могильника:

1 — бусы; 2 — булавка; 3, 4 — трубочки; 5 — нашивная пластинка; 6 — обломки металлического предмета; 7 — нож (2-6 — бронза; 7 — железо).

В области шейных позвонков найдены три бронзовые трубочки (рис. 19—3, 4) и много бус от ожерелья. В их числе: десять сердоликовых, разной величины и формы (пять круглых, одна плоская, три цилиндрических светлого цвета и одна маленькая биконическая); три из гагата — все разной величины, но однотипные, в форме подушечки; много стеклянных, но, за исключением одной, все потрескавшиеся и распадавшиеся; две пастовые с полосками и много мелких пастовых (рис. 19—1).

Удалось зачистить и еще одно погребение, мужское, наполовину уже разрушенное; на месте остались только кости подогнутых ног. Ориенти-

ровка та же, что и в предыдущем захоронении; костяк лежал на левом боку. Из могильного инвентаря сохранилась часть железного ножа, в области таза бронзовый наконечник стрелы; против колен у северной стенки ящика лежали кучкой 24 таких же наконечника стрел, остриями на восток; за ними точило из песчаника, плохой сохранности. Под наклонной северной плитой в самом углу, приблизительно против головы погребенного, лежали остатки железного наконечника копья; сзади таза, но выше него, примерно в области пояса, — железный крючок того же типа и размера, что и в первом погребении.

Вторичное посещение в 1952 г. этого могильника привело к открытию на той же глубине еще одной могилы, но уже грунтовой, без каменного ящика. Костяк лежал на левом боку, ноги подогнуты. Ориентировка та же, т. е. на запад. Череп совершенно раздроблен, так же как и два глиняных сосуда, стоявших перед головой. Один из них — небольшая глиняная чаша обычного для Кабардино-Пятигорья типа, другой — кувшин с ручкой. Главный интерес этого погребения в том, что на скелете лежал железный меч длиной 55 см, шириной у рукояти 5 см, острие которого на 2 см входило в резной из рога наконечник (рис. 20, а, б); рукоять меча была на костях таза, а острый конец — на кости протянутой левой руки. Других предметов не было.

В конце 1952 г. А. П. Руничу удалось найти при выборке глины поврежденное погребение в северо-восточном углу карьера. Это было тоже грунтовое захоронение на глубине 1,5 м. На высоте 1 м над погребенным был небольшой (около 10 см толщины) навал из мелких камней. Ориентировано погребение на запад. Положение костяка скорченное, на правом боку. Череп снесен при выемке глины. Над коленными костями найдены три круглые, слегка приплюснутые, плохо сохранившиеся стеклянные бусины и два обломка бус из пасты (?). В юго-западном углу могилы, перед головой, находился в наклонном положении хорошо сохранившийся целый глиняный сосуд (рис. 16 — 2). Высота его 16,5 см, диаметр горла 8 см, шейки 7 см, тулова (на высоте 5 см от дна) 15 см, диаметр дна 5 см; от венчика до верхней части тулова идет толстая (2—3 см) ручка. По наиболее выпуклой части тулова нанесен орнамент из неглубоких вдавленных полос (каждая шириной около 0,5 см), представляющий чередование трех параллельных линий с двумя перекрещивающимися в виде буквы Х. Лощение черного цвета, плохо сохранилось. С одной стороны сосуда обнаружены кости барана или козы, с другой — сравнительно хорошо сохранившийся нож; длина его 10,5 см, средняя ширина 1,7 см, толщина 0,5 см; длина черенка 2,2 см.

При осмотре территории карьера в его разных местах были еще найдены:

1. Небольшая обычного местного типа чаша, высотой 6,2 см, диаметр верхнего края 11 см; орнаментирована по вогнутому борту косыми перекрещивающимися параллельными линиями, в местах перекрещивания заштрихованными в шахматном порядке; черного цвета, слегка лощеная; небольшое дно (диаметр 4,8 см) слегка вогнуто внутрь.

2. Деформированный острореберный горшочек с высокой сильно вогнутой шейкой. Сосуд черного цвета, лощеный, не орнаментирован.

3. Обломок бортика чаши того же типа и размера, что и описанный выше, украшенный косошахматным орнаментом.

4. Другой обломок бортика того же типа, того же диаметра; сохранность плохая, орнамент тот же.

5. Обломки чашки-миски (возможно, круглодонной), с небольшой вогнутостью у венчика и выпуклым бортом, по которому нанесен орнамент в виде зигзагообразно идущих двойных параллельных линий и горизонтальной линии из крупных точек.

6. Обломки сосуда (рис. 16 — 3) с выпуклым туловом, на котором расположена широкая полоса шахматного орнамента, шириной в 7 см, выше которого идет поясок в 1 см ширины из перекрещивающихся линий-черто-

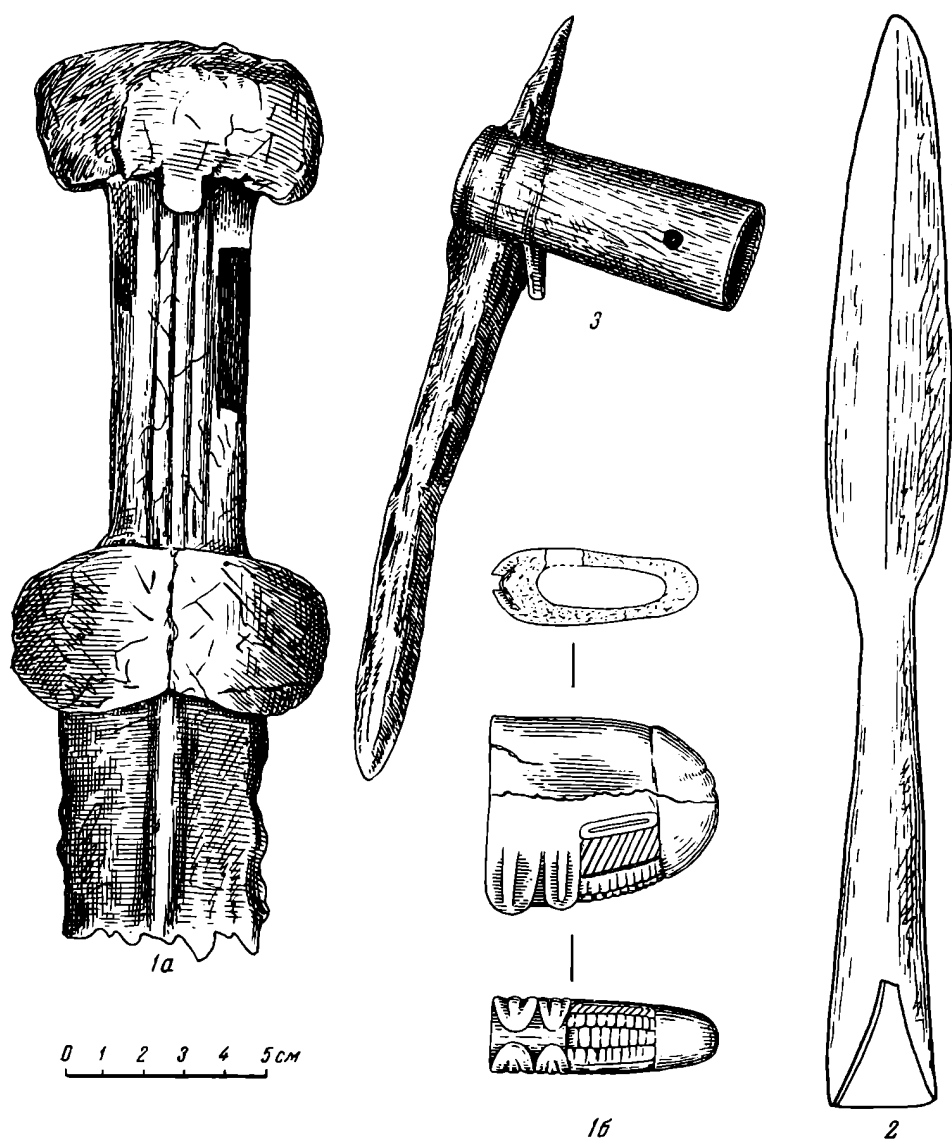

Рис. 20. Оружие:

1 — меч железный (а) с костяным наконечником (б) из Минераловодского могильника; 2 — железный наконечник копья; 3 — клевет из Перкальского могильника.

чек. Размеры: высота 19 см, диаметр венчика 12,5 см, наибольший диаметр тулова (на высоте 8,5 см) 20,5 см, дна 7,5 см.

В связи с открытием этого могильника считаю нужным сообщить известные мне данные о двух других могильниках этого времени в Пятигорье.

Первый из них был обнаружен в начале 1941 г. в Пятигорске по проспекту им. Калинина во дворе дома № 57. Частично собранный инвентарь из разрушенных могил, поступивший в Пятигорский музей краеведения, и полученные более подробные данные об одном погребении с полной

очевидностью свидетельствуют, что этот могильник должен быть отнесен к скифскому времени. Скелет был в скорченном положении и лежал на левому боку, ориентирован с запада на восток. Около головы обнаружена каменная булава из темного мрамора (?), диаметром 68 мм, весом 408 г. Сквозное круглое отверстие просверлено на конус 18 и 14 мм. Перед лицом погребенного лежал оселок, длиной 168 мм, из желтоватого мелкозернистого песчаника, с отверстием у толстого конца. К северу от костяка на расстоянии полуметра найдены четыре бронзовых наконечника стрел скифского типа — два двугранных с шипами и два трехгранных. Кроме перечисленного, обнаружены черепки от чашки и остатки железного ножа.

Второй могильник — Перкальский. К северу от горы Машук, несколько восточнее места дуэли М. Ю. Лермонтова, расположена Перкальская скала. Весь склон от этой возвышенности к востоку изобилует ямами и впадинами от старых горных разработок. В отвалах земли и сейчас еще можно найти обломки глиняной посуды, свидетельствующей о бывшем здесь в эпоху бронзы крупном поселении. Между прочим, здесь найден большой обломок от бортовой части крупного сосуда, идентичного сосуду Пятигорского музея краеведения из коллекции В. Р. Апухтина, точное происхождение которого неизвестно. Далее к востоку склон переходит в обширную поляну, где встречается много черепков глиняной посуды, относящейся к эпохе бронзы. С юго-востока на расстоянии около четверти километра к территории древнего поселения примыкает мощное отложение глин, в котором и оказался могильник. Систематических раскопок на этом бугре производить не пришлось, так как обнаружилось, что почти весь могильник ограблен в древности. Но мне еще в 1933 г. все же удалось найти два погребения. От первого уцелела только часть скелета: череп, ключица и кости правой руки, согнутые так, что кисть руки находилась на уровне рта. Левее локтя лежала раздавленная чаша обычного для нашего района типа, довольно крупная, черного цвета. Среди ее обломков найден кусок кости какого-то животного (барана?) и короткий, небольшого размера сильно проржавевший нож. Между костями руки разбитый на мелкие черепки кувшинчик с ручкой черного цвета, типа «быкогорского». Высота его 10,5 см, диаметр венчика 8 см, горла 6 см, наибольший диаметр (на высоте 2,5—4 см) 12 см, дна 4,5 см. Около затылочной части черепа лежали 17 мелких янтарных бусин и одна крупная в виде пластинки (11 × 14 × 4 мм), одна стеклянная зеленоватого цвета (диаметр 6 мм) и одна пронизь-розетка из пасты. На линии черепа были найдены: крупный продолговатый, овальный в сечении точильный камень (длина 18 см, ширина 5 см) с начатой, но незаконченной сверлиной в одном конце и возле него железный наконечник копья, довольно хорошо сохранившийся (длина общая 26,5 см, втулка — 10,5 см, наибольшая ширина острия 2,5 см; рис. 20 — 2).

Форму могильной ямы, наполовину разрушенной, установить не удалось.

Ориентировка погребенного была запад—восток. Судя по инвентарю, погребение мужское.

В обресе глинища, 2,5 м вправо от первого, на глубине 0,74 м, было замечено и второе, детское, погребение, но оно было еще сильнее разрушено. Уцелел лишь череп и несколько мелких костей. Слева от черепа лежал обломок нижнего камня от зернотерки (из бештаунита). Камень тонкий, размером 19 × 25 см.

В другом месте обнаружен глиняный горшок грубой ручной работы. Он стоял на глубине 38 см, а выше него, на глубине 18—34 см, находился слой камней. Высота горшка 12,5 см, наибольшая окружность (на высоте

5 см) 40 см, диаметр верхнего отверстия (по краю венчика) 11 см, толщина стенок 1,75 см. Почти под венчиком (ниже него на 2 см) была прикреплена толстая ручка, идущая к верхней части тулова.

От третьего погребения, вероятно женского, остались туалетная чашечка на подставке, судя по технике и орнаменту, тоже типичная для скифского времени (рис. 18—2), и обломки крупного чернолощеного орнаментированного сосуда, по технике и орнаменту относящегося всё к тому же комплексу глиняной посуды, типичной для раннескифского времени.

Сосуд узкогорлый (диаметр 10,4 см) при почти вдвое большем диаметре дна (18,2 см). Края венчика широко отогнуты под углом в 45° и возвышаются над горловиной на 3 см. Непосредственно под раструбом идет резной орнаментальный пояс, ниже которого опускаются резные же фестоны в виде заштрихованных удлинённых равнобедренных треугольников. Судя по одному хорошо сохранившемуся черепку, такими же треугольниками была заполнена и наиболее выпуклая часть сосуда. Здесь налицо сходство с орнаментировкой сосуда из Келермеса (?) и обломков несомненно келермесского сосуда¹.

Целое погребение удалось вскрыть в 1934 г. при участии А. П. Рунича и А. М. Кошелева. Под дерном на глубине 0,30—0,35 м обнаружен небольшой овальной формы круг из камней. Погребение в грунте находилось на глубине 1,5 м. Захороненный лежал на правом боку; ноги подогнуты. Ориентировка западная. Перед лицом стояла «туалетная» чашечка «скифского» типа, в ней бусы: 140 мелких янтарных, пять крупных янтарных угловатых, пять пастовых глазчатых, одна круглая стеклянная, слегка иризированная, и одна по виду стеклянная, но без следов иризации; длина ее 1,5 см, наибольший поперечник 1 см (горный хрусталь?). Чашечка с бусами плохой сохранности; высота ее 2,4 см, диаметр по венчику 3,3 см, дна 2 см, причем оно вогнутое внутрь конусом; цвет светлокоричневый; по бортику идет нарезной орнамент в виде сходящихся вершинами заштрихованных треугольников, между которыми расположены сходящиеся углами незаштрихованные квадратики; нарезные линии затерты белой пастой.

В области пояса найдены четыре круглые тонкие золотые пластинки, общим весом 0,8 г, из них пара красноватого оттенка (диаметр 39 мм) и с одинаковым рисунком; другая пара (диаметр 35 мм) желтого цвета и иначе орнаментирована. Вероятно, они служили украшением пояса.

В ногах погребенного стоял (в наклонном положении) довольно хорошо сохранившийся большой глиняный сосуд типа моздокских корчаг², высотой 35 см, наибольший диаметр (на высоте 15 см) 30,5 см, диаметр дна 11,5 см, горловины (внутри) 10—11 см. В этом же погребении найден скифский бронзовый трехгранный наконечник стрелы. Он отличается совершенно плоскими гранями, не доходящими до втулки, диаметр которой равен 6 мм; общая длина наконечника 22 мм, т. е. совершенно тот же тип наконечника, только укороченный, что и найденный в Минераловодском могильнике (рис. 17—3) тип, аналогичный келермесскому.

При осмотре глинища попадались обломки глиняной посуды и отдельные предметы, как, например, клевец с бронзовой втулкой и железными острием и обушной частью (рис. 20—3). Подобные клевцы характерны для ананьинской культуры Прикамья и Сибири³. Приходилось наблюдать случайно сохранившиеся следы ритуальных сооружений, например овальные

¹ См. А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 37 и 44 и табл. XIV.

² А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., табл. III.

³ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 104, табл. XXII.

круги из камней на поверхности грунтовых могил или облицовку наподобие каменных ящиков. В 1950 г. удалось найти и каменный ящик, крупный, массивный, но тоже ограбленный. Ящик обнаружен в той части могильника, которая находилась в низине и была занята проселочной дорогой; грунт здесь был разъезжен колеями почти до обнажения костяков, благодаря чему стало возможным установить относительное размещение могил. Они располагались рядами, в 2—3 м друг от друга; расстояние между рядами 3—4 м. Могилы в этой части могильника по инвентарю были гораздо беднее расположенных на бугре. Кроме простых неорнаментированных глиняных чашек и остатков каких-то железных предметов (вероятно, ножей), при погребенных ничего не было. По сохранившимся костям скелетов можно установить, что умершие хоронились на боку, обычно с подогнутыми ногами.

Что же дают немногочисленные данные, полученные от знакомства с этими могильниками?

В районе Пятигорья известен ряд мест поселений (систематических раскопок ни на одном не было произведено), подъемная керамика с которых определенно свидетельствует о том, что они относятся еще к бронзовому веку. Можно полагать, что жизнь на них прекратилась с приходом скифов, что никакого превращения местного населения в «скифов» не было, что скифы откуда-то пришли и приход их сопровождался массовой гибелью местного населения. Несомненно, однако, что местное население частично сохранилось, особенно в предгорной и горной областях.

В степной части края, возможно, возникли и самостоятельные скифские поселения, о чем, например, свидетельствует керамика старого Зольского карьера. Во всяком случае между остатками старого населения и новыми пришельцами в конце концов должны были возникнуть и какие-то отношения, в частности культурно-хозяйственные. И вот о них-то мы и можем судить по инвентарю Минераловодского и Перкальского могильников.

Кроме того, важна общность обряда погребения с обрядом предшествующего времени: то же положение покойников на боку и с подогнутыми ногами, с тем, однако, отличием от обрядов более ранней эпохи бронзового века, что точно уже не соблюдается положение женщин на правом боку, мужчин на левом. Для погребений позднего периода сооружение каменного ящика не обязательно. В некоторых случаях мы видим еще частичную обкладку могилы каменными плитами, но явно преобладает простая могильная яма. Попрежнему в могилы ставят сосуды с пищей и питьем.

Керамика, наиболее показательный материал, носит определенно двойственный характер. Мы попрежнему находим чаши с вогнутым в верхней части и орнаментированным бортом, т. е. тот тип посуды, который бытовал раньше. Но орнамент уже изменился: во всех случаях заштрихованные и свободные квадраты, чередующиеся в шахматном порядке, заменили прежние треугольники; орнамент большей частью осложнен характерными для старого узора зигзагообразными линиями; цвет чашек стал темным. Другой род посуды — «скифский». В женских погребениях мы встречаем мелкие чашечки, так называемые «туалетные». Между прочим, это назначение сосудов подтверждается тем, что в Перкальском погребении № 4 все бусы были сложены в такой чашечке. К этой же группе относится и чашечка на ножке, обнаруженная в погребении № 4. Несомненно, новый для местной керамики тип посуды — это небольшие кувшинчики-кружки¹ со значительным расширением в нижней половине тулова и с большой ручкой, прикрепленной верхним концом к верхней части горла, а нижней — к тулову в месте наибольшего диаметра.

¹ Их называют так потому, что один экземпляр такого сосуда из Моздокского могильника в Пятигорском музее краеведения достигает всего 8,5 см высоты.

В названных нами могильниках встречено три целых и обломки нескольких других таких сосудов. Сюда же надо отнести и быкогорский экземпляр, и ставропольский¹, и ряд находок из Моздокского могильника, поступивших в Гос. Эрмитаж и имеющихся и в Пятигорском музее. Подобная посуда появилась в местном быту вместе с приходом в край новых обитателей. Всю группу этих сосудов приходится разбить на две подгруппы. Первая — чернолощенные изящные кувшинчики (ставропольский, перкальский, быкогорский) со своеобразным сложным орнаментом по наиболее выпуклой части, сработанные не местными, а пришлыми мастерами. Вторая — сосуды, как бы подражающие первым, несомненно местной выделки, преимущественно ручной работы; форма более грубая и орнамент упрощенный — обычно широкие вдавленные вертикальные линии. Сюда относятся оба минераловодских сосуда и несколько сосудов из Моздока, поступивших в Эрмитаж и в Пятигорский музей.

Найденные в могильниках украшения немногочисленны, но тоже характерны для времени пребывания скифов на Северном Кавказе. Бронзы очень мало: две булавки, длиной около 15 см, витые в верхней половине, со спиральными завитками на конце; три обломка какого-то тонкого предмета (длина около 4—5 см, толщина 1 мм) и выпуклая тонкая круглая (диаметр 5 см) пластинка с двумя диаметрально расположенными по краям дырочками — какая-то часть головного убора. Все это характерно и для значительно более ранних захоронений позднебронзового века на Северном Кавказе. Отсутствуют браслеты, запястья, шейные обручи.

Другая группа украшений — бусы — более характерна. Правда, есть некоторое количество сердоликовых бус, но это, вероятно, остатки, сохранившиеся от предшествующего времени. Преобладают мелко рубленые пастовые бусы, затем идут пастовые же конусные розетки-пронизи и гагатовые бусы в виде подушечек (их мало), и уже определенно указывают на принадлежность к новому времени бусы стеклянные и янтарные; последних довольно много. Янтарь, конечно, не балтийского происхождения, а западноукраинского, что вполне понятно, так как в это время на всем степном пространстве от берегов Днепра до предгорий Кавказа культурные связи осуществлялись при посредстве скифов.

Оружие представлено железными втульчатыми наконечниками копий, бронзовыми наконечниками стрел и железным обоюдоострым мечом. В Перкальском погребении № 1 найдены еще два небольших (по 2 см длиной) обломка железных прутиков, вероятно от наконечников железных стрел. Два наконечника копий из Минераловодского могильника однотипны, лишь немного различны по размерам (длина 22 и 25,5 см). Железный меч сохранился плохо. Аналогий ему среди кавказских находок нам неизвестно. Клевец из разграбленной могилы тоже, без сомнения, может быть отнесен к скифскому времени.

Что касается бронзовых наконечников стрел, то среди них наряду с поздними типами встречаются и архаические. Повидимому, весь комплекс надо все же отнести к VI в. до н. э., т. е. к тому времени, которым датируется и остальной материал Минераловодского и Перкальского могильников.

¹ А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 34, табл. XIII, 2.

М. А. НАЛИВКИНА

РАСКОПКИ В ЕВПАТОРИИ

(Предварительные итоги)

В течение августа—октября 1952 г. в Евпатории велись археологические исследования центральной части античного городища Керкинитиды¹. В результате раскопок изучены остатки жилых кварталов (несколько периодов жизни города) на основном раскопе (II)², в районе строительства здания санатория и положено начало исследованию архитектурных комплексов разновременных зданий Керкинитиды на раскопе III, находящемся в 40 м к северо-востоку от второго.

Одновременно с исследованием двух указанных участков производилось эпизодическое наблюдение за земляными работами по всем строительным траншеям, доходившим до 3 м глубины и пересекавшим всю центральную часть городища. В траншеях были встречены древние кладки стен, колодцы, а также обломки амфор и пифосов, фрагменты разного рода керамики и монеты разного времени.

Наиболее интересным из встреченных в южной (по отношению к основному раскопу II) траншее памятников оказался колодец (?)³ из известняковых плит, положенных насухо и весьма тщательно отесанных. Сводчатое перекрытие завершалось верхним камнем, служившим крышей. Интересна деталь — вырубki в камнях, очевидно для более удобного спуска в колодец. Находки керамики в засыпи колодца единичны и маловыразительны.

При дальнейших наблюдениях за строительными работами в котловане, вырытом в 22 м к западу от основного раскопа, на глубине 3 м от современной поверхности обнаружено другое, аналогичное южному колодцеобразное сооружение, но меньших размеров⁴.

¹ Раскопки в этом пункте городища велись впервые. В 1917—1918 гг. Л. А. Моисеев производил разведочные раскопки внутри города, но западнее места работ 1952 г. (раскопы VII, XIII и XLII 1917—1918 гг.). Эти раскопки выявили остатки жилых кварталов древнего города и направление улицы (ИТУАК, вып. 54, 1918, стр. 241 сл.). В состав Евпаторийского отряда в 1952 г. входили М. А. Наливкина, Е. Г. Кастанаян, Э. Д. Рабинович и С. К. Себекин.

² Раскопки на I участке городища, находящемся в южной его части, производились в 1950 г. См. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 114 сл.

³ Траншея, захватившая было этот колодец, по нашему настоянию отведена, так что колодец и в настоящее время доступен обозрению и дальнейшему изучению.

⁴ Среди содержимого этого колодца оказался человеческий костяк, лежавший вниз головой; череп — позднего монгольского типа (по определению антрополога Крымского филиала АН СССР К. Ф. Соколовой). При костяке найдена костяная рукоятка меча (?).

Выбор места для раскопа II обусловлен рытьем здесь котлована для строительства. На глубине 2 м были обнаружены древние архитектурные остатки; строительные работы приостановлены, и участок предоставлен для исследования. Раскоп (площадь $14 \times 7,5$ м при глубине 5,5 м) дал очень много нового и интересного материала не только для изучения центральной части Керкинитиды, уточнения времени основания и выяснения последовательности этапов развития города, но и для истории древнейших периодов жизни, предшествующих его основанию.

Особо следует отметить то, что на глубине 5,5 м от современной поверхности, ниже пола здания, открытого в слое конца VI в. до н. э. в западной части раскопа, да и в других его частях, обнаружены обломки лепных черно- и сероглиняных лощеных сосудов, относящихся ко времени, предшествующему основанию города (рис. 21). Находки этой керамики, близкой керамике из поздних слоев пещеры Кизил-Коба, непосредственно под полом здания рубежа VI—V вв. до н. э. дают, как мне кажется, возможность наметить VI век как позднюю дату для всей подобной керамики. За последнее время она все чаще и чаще встречается в ранних слоях многих античных городов Крыма (Херсонес, Пантикапей, Нимфей, Мирмекий и др.). Вопрос о том, какой этнической группе принадлежала эта керамика, пока еще не решен. Одни склонны считать ее скифской, другие приписывают таврам. Дальнейшие, более широкие исследования нижних слоев указанных городов позволят найти ответ и на этот вопрос. Факт наличия следов более ранней жизни на местах античных городов Крыма все более и более подтверждается.

Открытое на глубине 5,35 м от современной поверхности здание с очагом из сырца, судя по находкам керамики, относится к рубежу VI—V вв. до н. э. Это обстоятельство не только точно определяет время основания города, но и дает возможность говорить о более раннем, чем предполагали, включении одного из городов северо-западного Крыма в систему античной колонизации, т. е. дает материал для более широких исторических выводов.

Открытие раннего слоя конца VI в. до н. э. позволит пересмотреть также вопрос о ранних литературных источниках, упоминающих о Керкинитиде, и поможет разобраться в возникшем еще в конце прошлого века вопросе о двух Керкинитиде, раннюю из которых (упоминаемую Гекатеем и Геродотом) до сих пор некоторые исследователи склонны были относить к территории, находящейся вне Крыма (западнее Перекопского перешейка).

На раскопе II (рис. 22—1) обнаружены остатки дома с подвальным помещением и с лестницей из девяти ступенек, выстроенного частично на разрушенных, но сильно выровненных остатках стен здания рубежа VI—V вв. до н. э. (рис. 23). Судя по множеству находок здесь керамики IV и III вв. до н. э., дом датируется именно этим временем. Преобладают находки III в. до н. э. Надо полагать, что тогда центральная часть города была густо заселена, застроена хорошими жилыми зданиями. К этому же времени относятся найденные при исследовании домов монеты Керкинитиды и Херсонеса IV—III вв. до н. э.¹, амфоры херсонесского, синопского и гераклейского производства и черепицы с клеймами Херсонеса и Синоп. Это был период наивысшего расцвета города.

Над разрушенным домом IV—III вв. до н. э., к востоку от него, повидимому тоже в III в., был выстроен дом с рустованной кладкой фасада, выходявшего на улицу, вымощенную плитами и примыкавшую к дому с севера. Пол в помещении также был выложен каменными плитами. В восточной части вскрытого участка пола находился круглый очаг. На полу обнаружено много битой кровельной черепицы III—II вв. до н. э. Повидимому, дом

¹ Монеты из находок 1952 г. в Керкинитиде определены Л. Н. Беловой. Среди монет одна оказалась пафлагонской (Кромны).

просуществовал весь III век и был разрушен во II в. до н. э. К западу от этого дома проходил водосток, соединявшийся с колодцем, выложенным камнем. Открытые в восточной части раскопа остатки помещений еще одного здания датируются на основании собранных внутри помещений находок IV—III вв. до н. э.

Рис. 21. Керамические изделия:

- 1 — черепок лепного сосуда, найденного ниже пола здания рубежа VI—V вв. до н. э.;
2 — горло хиосской амфоры. 3 — терракотовая статуэтка из слоя рубежа VI—V вв. до н. э.

Остатки круглых ограждений из камня, частично обнаруженные в северо-восточном углу раскопа и имеющие аналогии в раскопках Л. А. Моисеева в 1917 г. (раскоп XIII 1917 г.), до полного их исследования объяснены быть не могут.

Стратиграфия культурных слоев на раскопе II характеризуется следующими данными. Общая глубина, как уже указывалось выше, равна 5,5 м. Верхний, сильно перекопанный слой, идущий от уровня современной поверхности до глубины 1—1,2 м, содержал в восточной части основание стен позднего здания. Ярко выраженных культурных слоев ни средневекового времени, ни времени первых веков нашей эры, т. е. позднеантичного периода, не прослежено, хотя единичные находки керамики этого времени и попадались до глубины 1 м от современной поверхности. В западной части раскопа на глубине 1,2 м встречены две сильно разрушенные стенки; возле одной из них открыто погребение в амфоре (кости ребенка без следов сожжения). Судя по форме амфоры, ее можно отнести к рубежу I в. до н. э.—

I в. н. э.¹ Никаких других датирующих вещей не обнаружено. Объяснить это погребение можно двумя причинами: либо здесь в указанное время был некрополь, что мало вероятно², либо, что более правильно, в Керкинитиде разрешалось хоронить грудных младенцев в черте города³.

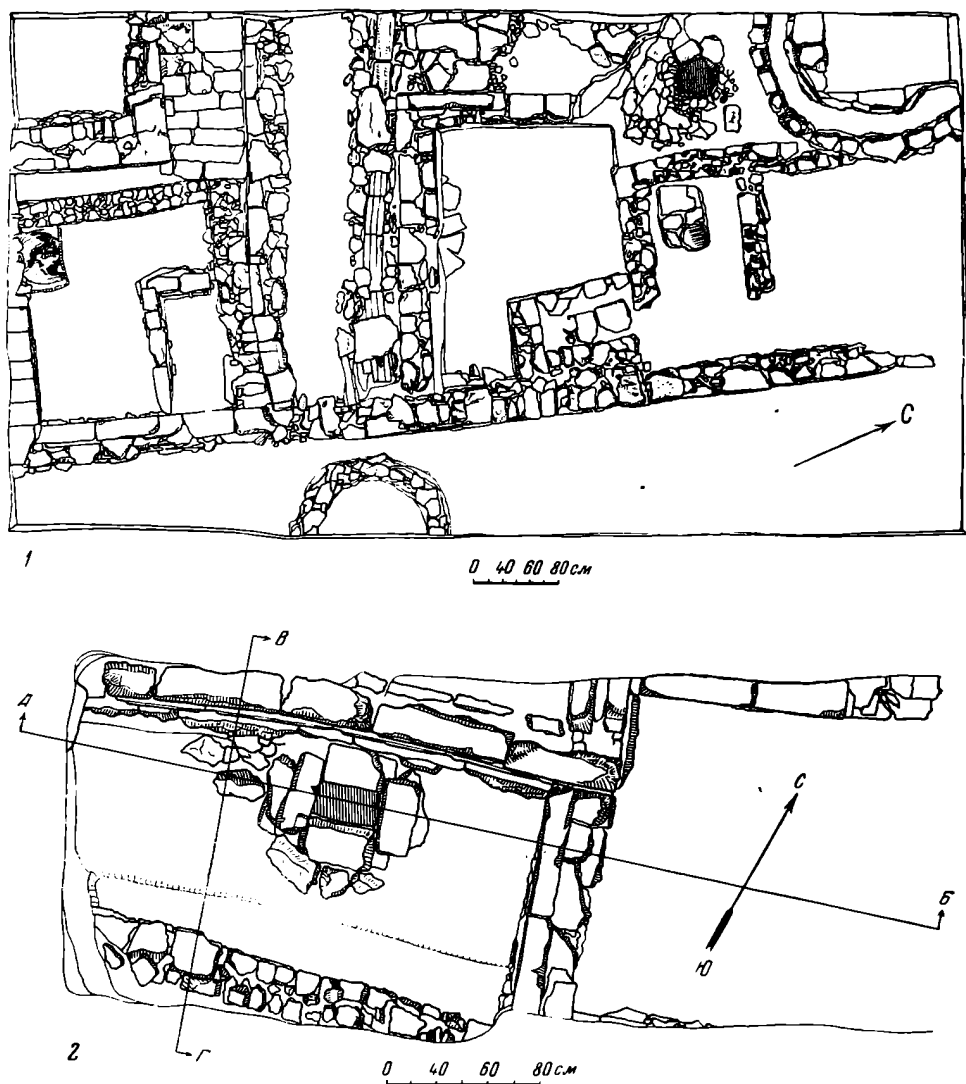

Рис. 22. Планы раскопок 1952 г.:

1 — план раскопа II; 2 — план раскопа III.

Самым мощным слоем (3—3,2 м), в верхних горизонтах которого прослежены сильные разрушения, оказался слой, датируемый IV—началом II в. до н. э. К нему относятся все основные строительные остатки. Ниже остат-

¹ ВДИ, № 2, 1951, стр. 115, рис. 7.

² Некрополь Керкинитиды VI—II вв. до н. э. (сейчас полностью застроенный) находился, как известно по раскопкам Н. Ф. Романченко в 1895—1897 гг., к северо-западу от городища, на месте нынешних Советской улицы и улицы Гоголя, до здания городского театра в Евпатории.

³ У древних историков Плутарха, Полибия, Павсания, Псевдо-Платона сообщается о том, что в древности в Афинах умерших, особенно детей, хоронили в домах. Плиний (Nat. Hist., VII, 42) сообщает, что грудных детей хоронили без сожжения, в амфорах.

Рис. 23. Остатки южного помещения дома рубежа VI—V вв. до н. э. с очагом из сырца. Над ними — подвальное помещение дома IV—III вв. до н. э. с лестницей. Вид с юга части раскопа II.

ков дома с каменным полом и с круглым очагом, ниже водостока с колодезем и ниже подвального помещения с лестницей из девяти ступенек впервые для Керкинитиды открыт ранний слой (толщина 0,7 м) рубежа VI—V вв. до н. э. Слой глинистый, темнокоричневого цвета. В нем сохранились остатки самого раннего здания с очагом из сырца. Встреченные на полу обломки пухлогорлых амфор VI—V вв. до н. э. и ранних терракот свидетельствуют о постройке здания на рубеже VI—V вв. до н. э.

Ниже, непосредственно под полом этого здания, залегал слой песка, толщиной 0,5—0,6 м, с остатками догреческой лощенной лепной керамики. Однако на ограниченном участке трудно было проследить какие-либо остатки построек этого времени.

Остатки самого раннего для Керкинитиды здания рубежа VI—V вв. до н. э. представлены основаниями стен дома с двумя помещениями, северным и южным, разделенными перегородкой.

Окончательную форму и размеры раннего здания определить не удалось, так как две стены его уходят под стену и под лестницу лежащего выше строения. Можно предполагать, что ранняя постройка была вытянута с севера на юг.

В 1952 г. исследовано южное помещение. В северо-западном углу его был очаг. Основания стен залегают на глубине 5,35 м от современной поверхности. Сохранились лишь нижние один-два ряда камней высотой 0,4 м. Ширина южной и восточной стен 0,40—0,45 м; ширина перегородки 0,35 м. Основные стены сложены из камней, размером в среднем 0,50 × 0,20 м и 0,95 × 0,20 м, отесанных по фасадам (южному и восточному) и скрепленных глиняным раствором. Перегородка сложена из плоских плиток-галеk, также скрепленных глиной. Южная и восточная стены лежат на камнях основания, выступающих из-под стен на 0,10—0,15 м снаружи и изнутри. Под перегородкой таких камней нет. Плоские плитки-гальки уложены прямо на песчаном грунте с остатками, как уже говорилось, лепной керамики. Пол был глинобитный (глина с золой и углем), толщиной 0,04—0,05 м. На полу в северо-восточном углу помещения, под разбитой на мелкие куски амфорой (по глине фасосской), обнаружено пятно, размером 0,80 × 0,60 × 0,05 м, состоящее из порошковидной, окрашенной в интенсивный охристый цвет массы, смешанной с грунтом. Этого красного порошка собрано до 14 кг. В результате произведенного химического анализа выяснилось, что это — краска¹.

Очаг, открытый в северо-западном углу, занимал площадь 0,70 × 0,55 м; высота его 0,20 м. Он был сложен из сырцово́й глины без заметных примесей соломы и имел форму открытой жаровни с поднятыми краями. Высота стенок очага 0,12 м, высота среднего столбика, делящего очаг на две части, 0,11 м; толщина его 0,07 м, боковых стенок 0,06 м. Под очага состоял из площадки, покрытой золой темносерого и почти черного цвета, очень влажной. Оба отделения топки были заполнены золой, перемешанной с влажной глиной со следами огня. Ниже пода оказался песчаный слой толщиной 0,50—0,60 м.

В правой стенке сверху и пониже сбоку обнаружены два отверстия дымохода (размером 0,05 и 0,10 м). Проследить ходы от этих отверстий не удалось, так как очаг во многих местах поврежден.

При зачистке западной стены обнаружены беспорядочно разваленные большие камни, очевидно служившие закладом входа в здание. Интересно отметить, что они приходились под заложенным входом в лежащее выше здание IV—III вв. до н. э., выстроенное на развалинах раннего дома. На полу помещения обнаружены пухлогорлые, очевидно хиосские, амфоры с полосами и кружками красной краски под венчиком, обломки простой ионийской чернофигурной и чернолаковой керамики рубежа VI—V вв. до н. э. Эти находки убедительно подтверждают датировку раннего здания Керкинитиды именно этим временем.

Построенное над разрушенным зданием помещение дома IV—III вв. до н. э. предназначалось, по всей вероятности, для каких-то других целей и лишь потом, после заклада двух входов в западной стене, использовалось как подвальное. Оно имеет пять стен (две выступают углом внутрь поме-

¹ Определение В. Н. Кононова (Государственный Эрмитаж).

щения); к одной из них примыкают девять ступенек лестницы. Размеры помещения $6,65 \times 3,35$ м. Стены сохранились на высоту от 1,80 до 2,35 м (восточная). Восточная стена сложена из больших камней размером $0,15 \times 0,30 \times 0,65$ м и $0,56 \times 0,90 \times 0,50$ м, положенных на-сухо чередующимися рядами на ребро и плашмя. По технике кладки эта стена напоминает стену так называемого монетного двора в Херсонесе¹. Как и остальные стены, она возведена на камнях основания, выступающих на 0,10—0,12 м. На ступеньках лестницы лежало несколько рустованных камней от стен. И в засыпи подвального помещения, и на полу, и особенно внутри каменной загородки (размером $1,75 \times 1,50$ м), обнаруженной в восточном углу, найдено много керамики. В загородке собраны обломки восьми амфор (впоследствии почти полностью склеенных). Некоторые из них оказались с клеймами (Херсонес, Синопа и др.). Особенный интерес представляет одна, почти полностью сохранившаяся херсонесская амфора (при склейке дополнена часть горла и одна ручка) с клеймом $\Sigma\text{KY}\Theta\text{IKON}$ ($\Sigma\chi\upsilon\theta\iota\chi\acute{o}\nu$) (рис. 24 — 1, 2)².

В. Грейс, издавая подобную амфору, но с другим херсонесским астиномым клеймом, найденную на месте древнего акрополя Византия и хранящуюся в музее Истамбула, определяет ее как херсонесскую, причем отмечает, что ей известен лишь один экземпляр такой амфоры³. В результате раскопок Керкинитиды 1952 г. в музее Евпатории теперь имеется второй целый экземпляр такой же амфоры, совпадающей с истамбульской не только по форме, но и по размерам. Клеймо на амфоре из Керкинитиды интересно еще и потому, что оно позволяет предположить, не является ли прилагательное $\Sigma\chi\upsilon\theta\ \chi\alpha\text{N}$ ($\Sigma\chi\upsilon\theta\iota\chi\acute{o}\nu$) этниконом, а не производным от имени астинома ($\Sigma\chi\upsilon\theta\alpha\varsigma$), встреченным уже и ранее среди находок клейм на амфорах херсонесского производства.

Кроме амфор херсонесских и синопских, в загородке подвала обнаружен целый красноглиняный сосуд с узким горлышком. В засыпи и на полу помещения находились обломки черепиц с клеймами Херсонеса и Синопы. Одна из найденных здесь черепиц — круглый калиптер, повидимому гераклейского производства, имеет вдавленное клеймо из четырех букв⁴ (рис. 24 — 3).

Встреченные в подвальном помещении дома остатки чернолаковой и росписной керамики, а также монеты датируются либо концом IV, либо (что преобладает) III в. до н. э.

Интересно отметить довольно частые находки костяных изделий, дающих повод предполагать в городе производство изделий из кости домашних животных, преимущественно крупных⁵.

Таким образом, находки в засыпи и на полу подвального помещения подтверждают датировку этого здания IV—III вв. до н. э. и свидетельствуют о расцвете экономической и культурной жизни города в это время. Клейма на амфорах и на черепицах могут служить указанием на торговые связи Керкинитиды того времени, в первую очередь с Херсонесом, Синопой, Гераклеей и другими центрами античного мира.

В восточной части раскопа II открыты остатки стен, домов и колодезь; получен вещественный материал, совпадающий по времени с находками в подвальном помещении дома, исследованном в западной части раскопа.

¹ ОАК за 1904 г., стр. 56, рис. 77 и 78.

² Повидимому, прилагательное от имени астинома $\Sigma\chi\upsilon\theta\alpha\varsigma$. И. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов. ИТУАК, вып. 48, стр. 177, № 83; стр. 179, № 91 ($\Sigma\chi\upsilon\theta\alpha\varsigma$): Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 4, № 857.

³ *Hesperia*. Supplement, VIII, 1949, стр. 175—188, табл. 19, 4 и 20, 12 (клеймо).

⁴ Керк 52/230. На той же глубине встречено такое же клеймо, но на керамиде.

⁵ Заготовки для этих изделий встречались и при раскопках на южном участке (1) оборонительной стены города в 1950 г. и при исследовании круглой башни в дачном районе Евпатории в 1951 г. См. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 128 сл.

Самыми поздними памятниками античного времени на раскопе II, относящимися к концу III в. и, может быть, к самому началу II в. до н. э., являются остатки дома и водостока с колодцем, открытые в центральной части раскопа. Сохранилось по одному, в лучшем случае по два ряда камней северной и западной стен дома. Фасад его, сложенный из больших рустованных плит известняка, выходил на улицу, вымощенную камнем и уходящую под северный борт раскопа. Пол дома, сохранившийся в виде небольшой площадки в западной части, был выложен каменными плитами¹.

Рис. 24. Находки из дома IV—III вв. до н. э.:

1 — херсонесская амфора; 2 — клеймо на ручке той же амфоры; 3 — обломок круглого калптера с клеймом.

В полу обнаружен круглый очаг с золой и углями и много глиняной черепицы — керамида и калптеры, некоторые из них клейменные. При зачистке плит пола найдены монеты Херсонеса и Пантикапея IV—III вв. до н. э.

Водосток, открытый к западу от постройки, пересекал весь раскоп с севера на юг, где соединялся с каменным резервуаром — колодцем для хранения дождевых вод.

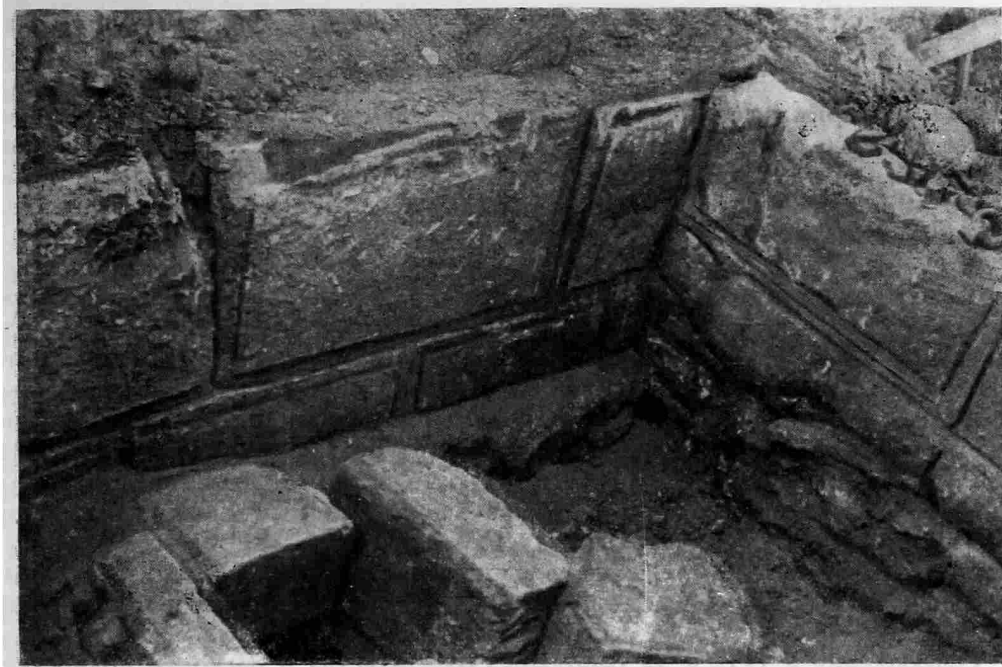
Открытая вдоль южного борта раскопа линия стен принадлежала нескольким домам, один из которых, с двумя помещениями, открыт в восточной части раскопа.

Исследование этого дома, относящегося, судя по сопровождающему материалу, к IV—III вв. до н. э., показало, что он стоял на 1 м выше уровня подвального помещения того же времени, открытого в западной части раскопа. Это показывает, что рельеф местности повышался к востоку; позиди-мому, город в данном месте строился террасообразно, повышаясь с запада на восток. У основания южной стены восточного здания встречены обломки

¹ После фиксации плиты пола были удалены для углубления раскопа до материка.

1

2

Рис. 25. Остатки каменных зданий на раскопе III:
1 — стена здания рубежа VI—V вв. до н. э.; 2 — остатки монументальных зданий IV—II вв. до н. э.

аттического килика с резным и штампованным орнаментом, а также обломки пухлогорлых амфор.

Таким образом, на основном (II) раскопе Керкинитиды в 1952 г. открыты следы жизни на месте города до его основания, прослежена четкая стратиграфия культурных слоев, соответствующих трем строительным периодам, исследованы жилые строительные остатки, от VI—V вв. до н. э.

(время основания) и до II в. н. э.; в изобилии собраны керамические находки, относящиеся ко времени, начиная с догреческого периода и до средневековья. Продолжение исследования этого интереснейшего участка Керкинитиды осложнено продолжающимся здесь строительством.

Раскоп III (рис. 22—2). В результате проводившихся в 1952 г. строительных работ обнаружены остатки стен монументальных зданий Керкинитиды. Однако изучение их возможно было только в пределах прокладывавшейся траншеи трехметровой ширины на отрезке длиной несколько более 5 м.

На глубине 3,75 м в южном обрезе траншеи открыта стена длиной 3,35 м, высотой 1,35 м, шириной 0,40 м. Кладка этой стены напоминает кладку стен южного помещения дома рубежа VI—V вв. до н. э., открытого в раскопе II (рис. 25—1).

Собранные при исследовании этой стены находки очень близки находкам, обнаруженным у стен здания рубежа VI—V вв. до н. э. (участок II). На уровне верхней сохранившейся части стены в траншее открыт каменный колодец, выложенный вокруг горловины четырьмя большими хорошо отесанными камнями. Ввиду слишком малых размеров горловины (0,5 × 0,5 м) колодца, удалось зачистить его лишь на глубину 1,5 м. Камни обкладки стенок колодца лежали на больших неотесанных, разного размера камнях основания, под которыми найдены обломки керамики, относящейся к началу V в., и обломок позднеархаической терракотовой фигурки (сидящей на троне богини).

Непосредственно за колодцем, вдоль северного борта траншеи, зачищена часть стен большого здания (рис. 25—2). Два ряда кладки из рустованных камней лежали на больших камнях основания. В восточной части стены к ней примыкает другая, идущая под прямым углом к северной стене; от нее зачищен один ряд рустованных камней, но иной техники и на ином основании, чем остатки фасада стены, открытой в северном обрезе траншеи. Длина стены 2,4 м, высота 1,2 м (вместе с основанием из семи рядов мелких камней).

В южном обрезе под прямым углом к стене, пересекающей траншею и в переплет с ней, зачищена на глубину 2,75 м (полностью) южная стена здания. Камни основания этих стен оказались лежащими на одном уровне. Не подлежит сомнению, что продолжение исследования этого участка обещает дать много нового и интересного материала для изучения древней Керкинитиды.

Таким образом, на III раскопе Керкинитиды в 1952 г. прослежены строительные остатки различных периодов, от рубежа VI—V вв. до н. э. и до III в. до н. э. Не исключена возможность, что открытые здесь здания были общественного назначения — уж очень монументальны кладки их стен по сравнению, например, с кладками домов того же времени, открытыми в раскопе II. Но это лишь предположение, которое может быть подтверждено или отвергнуто дальнейшими раскопками на этом и на соседних участках еще не исследованной территории древнего города¹.

Наблюдения в 1952 г. за работами строительства и раскопки полностью убедили в том, что, кроме продолжения раскопок на двух начатых участках, не менее важно проведение разведочных работ в восточной и южной частях городища с целью определения пока еще неизвестных восточной и южной границ древней Керкинитиды².

¹ Открытые и частично исследованные в 1952 г. строительные остатки на раскопе III с целью сохранения перекрываются цементированной крышей траншеи. Приняты меры и к сохранению древней стены, пересекающей траншею.

² Западная и северная границы города намечены раскопками Л. А. Моисеева в 1917 и в 1929 гг.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ В 1952 ГОДУ

Летом 1952 г. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина возобновил раскопки в Панتيкапее. Задачей экспедиции¹ было продолжение работ на северо-восточном склоне Митридатовой горы, на Верхнем Митридатском раскопе (рис. 26). На двух террасах, образованных падением материковой скалы, были обнаружены в 1949 г. многочисленные остатки сооружений, относящихся к одиннадцати напластованиям. В числе этих остатков открыты и частично обследованы два дома архаического времени, на исследование которых и были направлены основные усилия экспедиции 1952 г.

Вскрыто более 100 м² на глубину до 6 м, причем заново раскапывались XIV, XV и XVI и исследовались III и X отсеки. В результате работ получены ценные археологические материалы, пополнившие наши знания по истории Пантикапея. При раскопках 1952 г. не обнаружено напластований, относящихся к догреческому времени, однако в античных слоях, особенно ранних, найдены обломки глиняной посуды, видимо догреческого, а отчасти и раннегреческого периодов; такова, например, лепная керамика с лощеной поверхностью и узором из процарапанных линий, затертых пастой.

Культурные слои, вскрытые в 1952 г., отвечают слоям, выявленным здесь при раскопках 1949 г.

Первый слой обнаружен на III, XIV и XVI отсеках. К нему относятся развалины небольшого дома, сооруженного из сырцового кирпича, на каменном цоколе, открытого в 1949 г. и полностью исследованного в 1952 г. Дом состоял из одного помещения; почти квадратное, в плане оно занимало площадь немного более 8 м² (рис. 27). Длина его внутри (с севера на юг) 3,10 м, ширина 2,65 м. Лежавшие на материковой глине цоколи стен были сооружены из рваного камня, по большей части средней величины. Глубина подшвы 1,37—1,55 м. Пол был глинобитный, из светлосерой глины. Сырцовые стены не сохранились, и остатки сырца лежали над полом в виде пласта коричневатого-желтоватого цвета. Сохранность каменных цоколей неодинаковая; местами они сильно выбраны, а кое-где наблюдается до четырех рядов камней в высоту.

Пол помещения, с довольно сильным (на 0,27 м) наклоном к северу, врезан в грунт и местами поверхность его на 0,10—0,12 м глубже подшвы стен.

¹ Начальник экспедиции В. Д. Блаватский, начальник отряда И. Д. Марченко, старшие на отсеках: Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова, А. К. Коровина, их ассистенты: С. Ф. Нечаева, Л. П. Маринович, И. Г. Лоцманова; реставратор Е. А. Болотникова, фотограф Ю. С. Панютин; землекопов 30 человек.

Яма № 69 в северо-восточной части дома была длиной 0,6 м и 0,15 м глубиной (от поверхности пола). В ней следы золы, два осколка стенок остродонных амфор и обломки челюсти овцы.

Яма № 68 в юго-восточной части дома была 0,90 м длиной и 0,25 м глубиной. Наличие золы и особенно обожженная глиняная корка на дне допу-

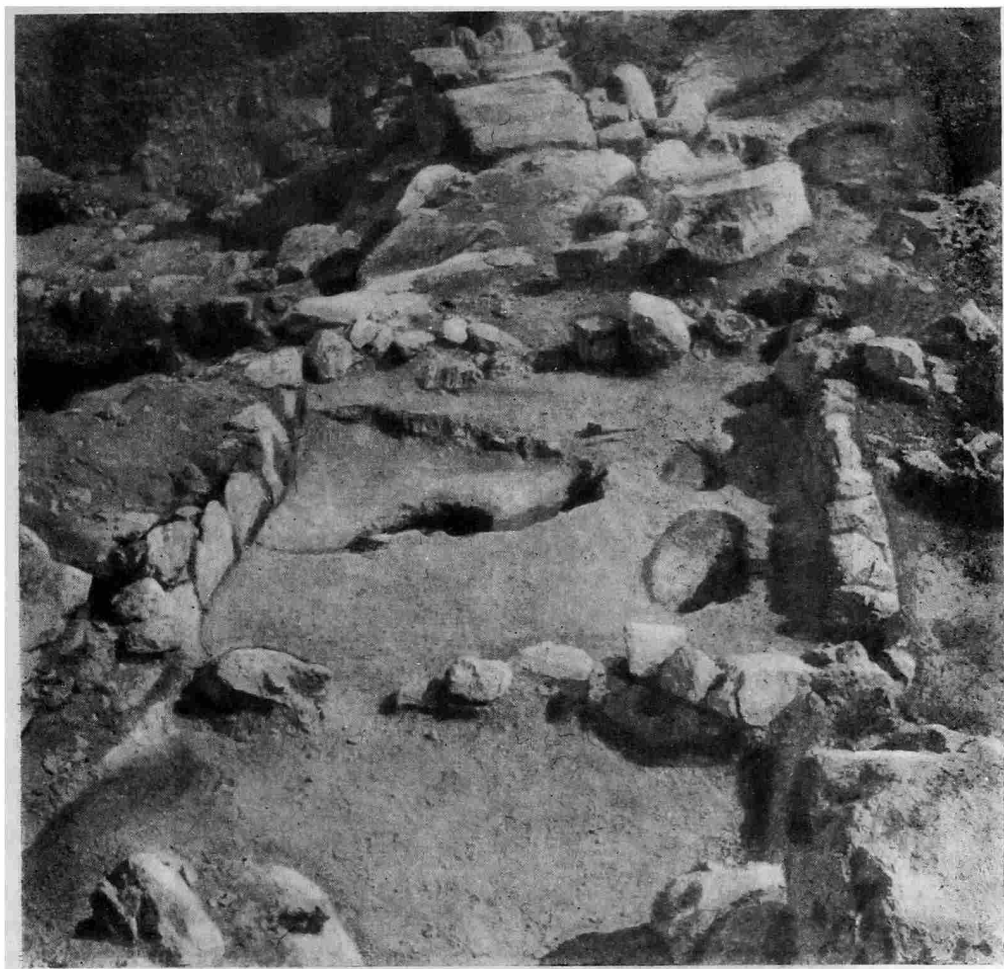

Рис. 27. Дом эмпория.

скают предположение, что яма осталась от разрушенного очага. В ней обломки амфоры с орнаментом в виде полос лака, фрагмент лепного сосуда, осколки кремня и кости мелкого рогатого скота.

Вне дома близкий по времени слой лучше всего сохранился на участке, вскрытом в двух местах, в том числе на границе XIV и XVI отсеков. Там, в гумированном серовато-коричневатом с примесью золы суглинке, заключавшем множество раковин мидий и костей животных, обнаружены обломки: остродонных амфор, часть которых украшена росписью в виде полос; расписных сосудов, в том числе ионийских киликов и родосской тарелки; аттической чернолаковой керамики VI в. до н. э.; местного сосуда из коричневой глины, близкого по типу кизилкобинским, и лощеного сероглиняного, а также бронзовый наконечник стрелы.

После работ 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе мы выдвинули предположение, что древнейший из обнаруженных там домов относится

к первой половине VI в. до н. э. и принадлежит к сооружениям эмпория, предшествовавшего основанию пантикапейского полиса. Результаты работ 1952 г. подтвердили это предположение, а находки обломков догреческой керамики позволяют считать возможным наличие поселения киммерийского времени на месте будущего Пантикапея. Находка фрагментированной ойно-

Рис. 28. Ойнохоя из дома эмпория.

хои, наряду с самыми ранними из обнаруженных при раскопках 1945—1949 гг. обломков росписной керамики, вполне допускает предположение о возникновении пантикапейского эмпория еще в конце VII в. до н. э.

Второй слой, последних десятилетий VI—первых десятилетий V в. до н. э., был выявлен преимущественно на XV и в меньшей мере на III, X и XVI отсеках. Глубина залегания его была весьма различной, ибо он обнаружен на верхней и нижней террасах, лежащих на разных отметках.

К этому слою относятся развалины многокомнатного дома, построенного в конце VI в. до н. э. Дом был открыт в 1949 г.; найденные тогда чернолаковый аск и обломки керамики с надписями позволили установить имя владельца или одного из обитателей этого дома — Кой.

В 1952 г. доследовались преимущественно северные части двух помеще-

ний — северного и западного. Первое (северное) имеет в плане четырехугольные, близкие квадрату очертания. Длина стен его с внутренней стороны: северо-западной (№ 71) 3,80 м, северо-восточной (№ 40) 3,45 м, юго-восточной (№ 29) 3,70 м и юго-западной (№ 25) 4,05 м.

В помещении обнаружено два пола, один над другим; нижний (№ 47) на глубине 4,75 м. Он представляет собой трамбовку из известняковой крошки на слое плотной глиняной обмазки, имевшей довольно ровную поверхность с небольшим уклоном к северо-восточному углу. На 0,10—0,15 м над нижним полом находился верхний глинобитный пол.

Стены сложены по большей части из небольших грубо отесанных камней на глине. Наружные поверхности камней подтесаны и обмазаны облицовкой из светлой глины.

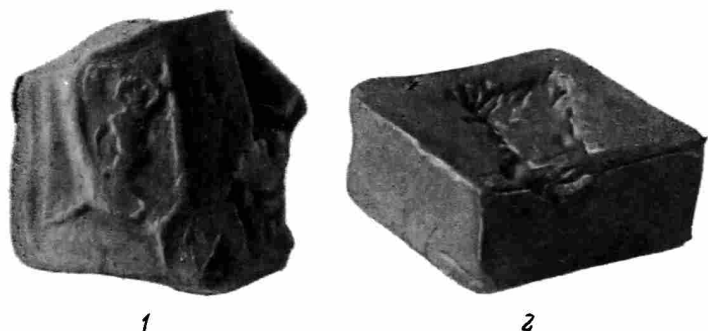

Рис. 29. Нижняя часть ручки кувшина с клеймом (1) и свинцовая гиря (2) из «дома Коя».

Лучше сохранилась юго-западная стена (№ 25). В южной части она достигает высоты 2,52 м, ширина ее до 0,6 м, глубина подошвы 5,02 м. Нижняя часть кладки, на 0,27 м ниже уровня пола, служила фундаментом, для основания которого в материковой скале была сделана специальная вырубка.

В переплет с юго-западной связана юго-восточная стена (№ 29), сохранившаяся на высоту 0,85—1,97 м при ширине 0,70 м.

Северо-восточная стена (№ 40) уцелела в высоту на 1,23 м, ширина ее 0,45 м. В верхней части стены, на расстоянии 1,2 м от восточного угла помещения, находится выбоина прямоугольной формы (длиной до 0,38 м, высотой 0,25 м), заложенная не очень аккуратно расположенными камнями.

В худшем состоянии оказалась северо-западная стена (№ 71); высота ее всего 0,66—1,64 м, ширина 0,4 м. Наружная сторона западной части кладки представляет каменную забутовку, не имеющую ровной поверхности, вероятно, потому, что она была сильно заглублена в почву. Повидимому, помещение следует признать полуподвальным или даже подвальным.

Над нижним полом лежал пласт гумированного суглинка, включавший много раковин мидий, костей животных и обломков керамики VI—начала V в. до н. э. В нем обнаружены обломки остродонных амфор, в том числе хиосских и фасосских, а также лепных, сероглиняных и чернолаковых сосудов конца VI—начала V в. до н. э. Найдены крышка кастрюли, фрагменты расписной керамики — ионийской, коринфской, аттической, чернофигурной конца VI в. до н. э. и краснофигурной первой половины V в. до н. э. Особого упоминания заслуживают обломки нижней части ручки кувшина с оттиснутым на ней овальным клеймом с изображением фигуры комаста (рис. 29—1); среди прочих находок отметим железный нож, свинцовую гирю в виде толстого бруска (рис. 29—2), размером $0,035 \times 0,035 \times 0,015$ м, весом 205,16 г, обломки кровельной черепицы лаконского типа, покрытой

с наружной стороны буровой краской; ширина их 0,138 м, высота 0,06 м (рис. 30—1).

В западном углу помещения в пол были уложены два камня, один округлый, другой прямоугольный (размером 0,28 × 0,30 м); там же обнаружена

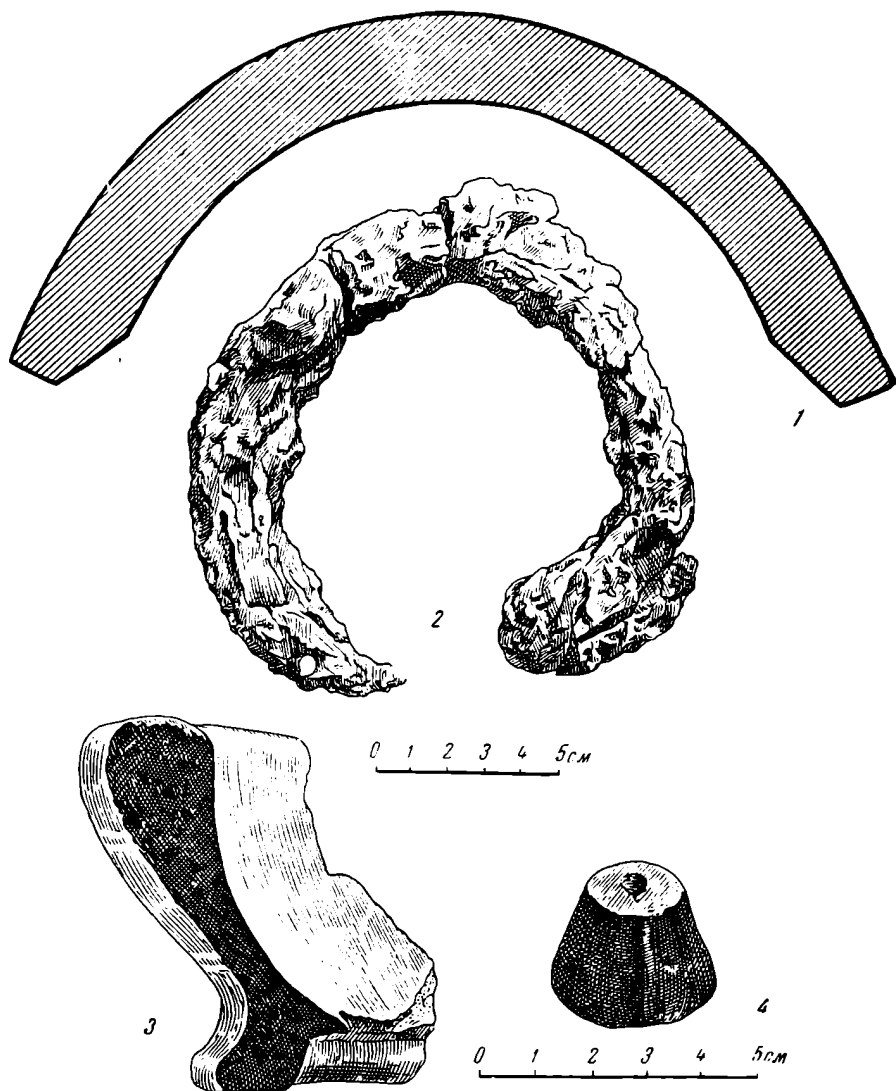

Рис. 30. Черепица (разрез), железная скоба и обломок лутерия из «дома Коя» (1—3) и пряслице из слоя IV в. до н. э. (4).

большая зернотерка из розоватого гранита, ладьевидной формы, с совершенно гладкой нижней поверхностью. Ширина зернотерки 0,18 м, высота 0,097 м, первоначальная же ее длина, вероятно, была около 0,45 м (рис. 31). Производительность труда при употреблении подобного орудия не могла быть значительной. Поэтому оно могло служить только для удовлетворения домашних потребностей, а не для товарного производства.

У юго-восточной стены обнаружено стремяобразное массивное железное кольцо, диаметром около 0,14 м. Кольцо вероятнее всего служило дверной ручкой (рис. 30—2). Перечисленные находки пополняют наши представления о жилище и быте пантикапейцев конца VI в. до н. э.

Над верхним полом обнаружены обломки остродонных амфор, в том числе хиосских и сероглиняных, ионийской керамики с орнаментом в виде полос, аттических чернолаковых сосудов VI—V вв. до н. э., открытых светильников, краснофигурного сосуда, грузило пирамидальной формы и кости животных.

Выше лежал слой коричневато-сероватого суглинка, толщиной около 0,5 м, представляющий засыпь V в. до н. э. В ней найдены обломки остро-

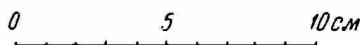
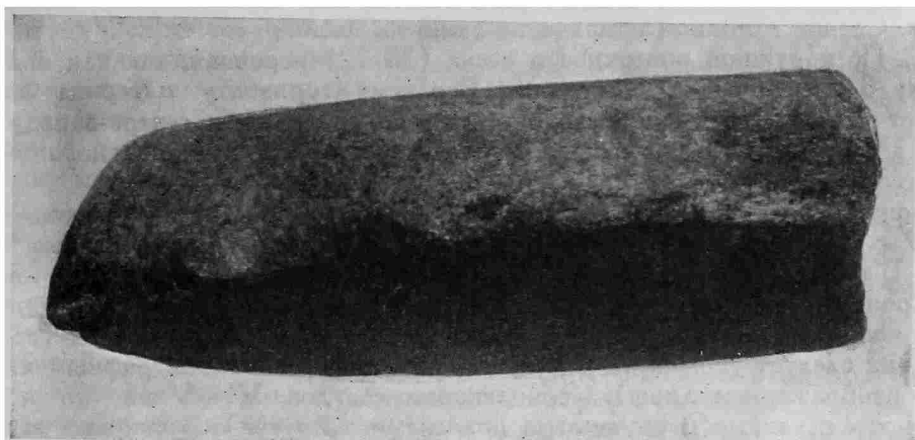

Рис. 31. Зернотерка из «дома Коя».

донных амфор, в том числе хиосских, фасосских и украшенных полосами тонкостенных сосудов, среди них кувшины из боспорской глины, фрагменты чернолаковой посуды VI—V вв. до н. э., чернофигурных ваз VI в. до н. э., лепной керамики, открытых светильников и глиняное грузило пирамидальной формы. Встречались также куски полубоженной глины от очага или жаровни, обломки боспорских соленов, кости животных, в том числе мелкого рогатого скота, и кости рыб.

Западное (III) помещение по площади примерно вдвое меньше северного, имеет в плане форму довольно сильно вытянутого прямоугольника. Длина стен с внутренней стороны: юго-восточная (№ 42) 2,28 м, юго-западная (№ 41) 3,28 м, северо-западная (№ 72), сохранившаяся

не полностью, первоначально достигала 2,30 м, а примыкавшая к первому помещению стена (№ 24) обрамляла третье помещение с северо-востока на протяжении 3,43 м.

Стены № 41 и 42 открыты еще в 1949 г. Северо-западная стена (№ 72) сохранилась в длину на 1,45 м, в высоту 1,18 м, в ширину 0,46 м. Восточная часть ее была разрушена средневековой могилой, впущенной в античные культурные напластования на довольно большую глубину. Сложена стена из рваного камня мелких и средних размеров, скрепленных глиняным раствором. Следов глиняной обмазки не заметно. Число рядов камней достигает 11—12. По наружной поверхности стена (№ 72) неровная, так как она на глубину 0,8 м впущена в материк. Верхнему горизонту материка здесь отвечает уровень подтески выходов материковой скалы к северо-западу от стены, а также уровень погребенной полевой земли в обресе западного борта XV отсека.

Площадь пола западного помещения в большей части обследована еще в 1949 г.; в 1952 году там не было сделано особо значительных находок. В пласте земли, покрывшем пол после разрушения здания, а также в синхронной ему яме в восточном углу обнаружены обломки: остродонных амфор конца VI—V вв. до н. э., в том числе хиосских и фасосских (среди последних следует упомянуть верхнюю часть амфоры с анэпиграфным клеймом с изображением лиры); чернолаковых сосудов VI—V вв. до н. э. (ионийских с узкими пурпуровыми полосками и других); расписных ваз — ионийских с орнаментом в виде полос (VI в. до н. э.), чернофигурных (типа мелкофигурных VI в. до н. э.) и краснофигурных строгого стиля; лощеной посуды из коричневой глины, лутерия и открытого светильника. Следует отметить обломок фигурного сосуда в виде сирены, от которой сохранилась только грудь, фрагмент бусы и куски обожженной глины из очага.

Третий слой — времен ранних Спартокидов (последние десятилетия V — первые десятилетия IV в. до н. э.) — обнаружен в юго-западной части исследовавшейся площади на III, V и XIV отсеках. Таким образом, напластования, относящиеся к этому времени, располагались частично на нижней террасе, частично на верхней.

На нижней террасе к третьему слою относится кладка (№ 64), протянувшаяся с юго-востока на северо-запад. Она лежит на зеленоватой глине, накрывающей материковую скалу. Кладка выявлена в длину на 2,90 м, ширина ее в верхней части 0,66 м, глубина подошвы 4,60—4,75 м; в высоту она сохранилась на 0,55 м, из которых более половины приходится на фундамент. Фундамент, 0,3 м высотой, сложен из рваных известняковых камней, средних и больших размеров, расположенных в один-два яруса. С юго-западной стороны он значительно шире стены, причем на горизонте подошвы местами выступает на 0,6 м, а в верхней части на 0,06 м. Сама стена, сохранившаяся на 0,25 м в высоту, сложена из довольно грубо отесанных блоков, средних и отчасти крупных размеров; промежутки между блоками заполнены мелкими камнями.

С юго-западной стороны к стене примыкал прослеженный на 1,07 м земляной пол (№ 66), состоявший из пласта зеленовато-желтоватой глины, довольно плотно утрамбованной. Толщина пласта 0,09 м, глубина верхней поверхности 4,25—4,30 м.

Прилегающая к полу юго-западная сторона кладки № 64 покрыта белой глиняной обмазкой толщиной 0,04 м. При нанесении брызги ее падали на землю внутри помещения и были накрыты глиняным пластом пола.

С северо-восточной стороны к стене № 64 прилегает каменная вымостка (№ 65) из известняковых плит. Глубина ее верхней поверхности 4,45 м; вскрыта она на весьма ограниченной площади: 0,62 м в длину и 0,50 м в ширину.

Эти строительные остатки (№ 64—66) несомненно принадлежат к дому с водостоком, частично открытому в 1949 г.¹ Расположенные на том же уровне и в слое того же времени, они вполне отвечают общему характеру планировки: стена № 64 идет под прямым углом к стене № 32.

Над вымосткой и полом (№ 65, 66) залегал пласт желтоватого суглинка, мощностью до 0,3 м, заключавший обломки остродонных амфор (в том числе хиосских и сероглиняных), а также чернолаковой посуды V в. до н. э.

К тому же слою времени ранних Спартокидов, видимо, относятся развалины здания, обнаруженного на верхней террасе. Там выявлен угол здания (№ 55), одна из стен которого, шириной 0,55 м, шедшая с северо-востока на юго-запад, открыта на 1,2 м, а другая, шириной 0,65 м, имеющая направление с юго-востока на северо-запад, на 1,3 м. Глубина подошвы этих стен 1,01 м, высота 0,43 м. Стены сложены из рваных известняковых камней, преимущественно средних размеров. Внутри стен, образующих прямой угол, на глубине 0,95 м, выявлен пол (№ 58), представляющий подтесанную материковую скалу, западины в которой заложены мелкими камнями.

Над развалинами дома залегал пласт, мощностью 0,85—1,55 м, в основном состоявший из желтовато-коричневатого суглинка. Глубина подошвы его в северо-западном углу XIV отсека 1,60 м, в юго-западном 3,15 м, а верхней поверхности в тех же местах 0,75 и 1,60 м. В этом слое обнаружены обломки: кровельной черепицы, боспорской и синопской; пифосов; остродонных амфор VI—IV вв. до н. э., в том числе хиосских, фасосских, гераклеиских (среди последних с энглифическим клеймом 'Αὔρα βορσ² боспорских, сероглиняных. Отметим фрагмент горла амфоры, на котором процарапано: ВЧ. Найдены также черепки чернолаковых сосудов VI—IV вв. до н. э. и расписной керамики: ионийской с орнаментами в виде полос, родосской, коринфской, навкратийской, аттической чернофигурной VI и начала V в. до н. э. и краснофигурной IV в. до н. э.; кухонной посуды, в том числе лепной; открытых светильников. Особо отметим обломки толстостенного сосуда из коричневой глины, украшенного орнаментом в виде насечки, и лощенной керамики с врезным узором кизилкобинского типа. Следует упомянуть лощенное пряслице из черной глины, имеющее форму усеченного конуса (рис. 30—4); округлую бусину из желтой пасты, бронзовый гвоздь, обломок точильного камня, куски штукатурки красного цвета, комочки красной и желтой краски, кусок рога, представляющего собою полуфабрикат, астрагал, кости домашних животных и рыб.

В северо-западной части XIV отсека западина скалы образовала яму, заполненную суглинком со значительной примесью золы, раковин, костей животных и рыб. Различные находки из этой западины в общем довольно близки по характеру к описанным выше.

Отметим грузило из коричневато-оранжеватой глины, пирамидальной формы, с двумя отверстиями для подвешивания; маленькую терракотовую статуэтку, изображающую сидящую богиню VI в. до н. э. (у статуэтке отбиты голова и руки); ручку ножа и острие из костей; бронзовый наконечник стрелы и куски штукатурки с красной облицовкой.

Постройки четвертого слоя, нужно думать, возникли непосредственно после разрушения сооружений третьего слоя, что вероятнее всего произошло в середине или во второй половине IV в. до н. э. К этому слою должны быть отнесены остатки подпорной стены (№ 62), обращенной лицевой стороной к северо-западу. Стена тянется в направлении с северо-востока на юго-запад, являясь непосредственным продолжением подпорных стен (№ 11, 13),

¹ Номера объектов: 32—35.

² См. М. Е. Придики. Инвентарный каталог клейм на амфорах, ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 122, № 59.

открытых в 1949 г. Недостаточные стратиграфические данные 1949 г. способствовали неправильному отнесению подпорных стен № 11 и 13 к третьему культурному слою, к которому принадлежали остатки дома с водостоком. Работами 1952 г. установлено, что продолжение той же подпорной стены № 62 лежит над восточной частью развалин (№ 64—66) того же дома с водостоком. Это заставляет отнести всю подпорную стену (№ 11, 13, 62) к четвертому слою. Характер развалин дома с водостоком, из которых тщательно выбран весь ценный строительный материал, показывает, что разрушение здания происходило не при какой-либо внезапной катастрофе, а в спокойных условиях реконструкции части города, сопровождавшейся сооружением новых террас и постройкой подпорных стен.

Подпорная стена № 62, сохранившаяся на высоту 0,63 м, лежит на подушке из плотной беловатой глины, толщиной до 0,1 м. Глубина подошвы стены 4,18 м, в длину она выявлена на 2,44 м, ширина ее 0,76 м. Сложена стена из больших рваных известняковых камней, подтесанных с лицевой стороны; за тыловой стороной — каменный бут, видимо доходивший до материковой скалы. Сохранившаяся часть кладки № 62 вероятнее всего является фундаментом.

Вскоре после сооружения подпорной стены № 62, примерно во второй половине IV в. до н. э., возник пласт коричневатого суглинка, залегающий на глубине от 3,35 м (верхний горизонт) до 4,10 м (подошва) и заключающий различные находки. Были обнаружены обломки черепицы боспорской и синопской, остродонных амфор V—IV вв. до н. э., в том числе хиосских и фасосских, чернолаковых сосудов VI, V и IV вв. до н. э., простой тонкостенной и кухонной посуды, а также расписной керамики — ионийской, родосской и аттической краснофигурной.

Выявленный в 1949 г. пятый культурный слой Верхнего Митридатского раскопа датировался III—II вв. до н. э. В 1952 г. наметились остатки аналогичного культурного слоя того же времени, которые оказались возможным разделить на два напластования: V-а — III в. до н. э. и V-б — II в. до н. э.

На XIV отсеке слой III в. до н. э. (т. е. V-а) залегал на глубине от 0,50—1,05 м (верхняя поверхность) до 0,75—1,60 м (подошва). Он состоял из гумированного суглинка, заключающего: многочисленные обломки остродонных амфор, в том числе хиосских, фасосских, синопских, гераклейских (среди них клейменные), боспорских и сероглиняных; фрагменты черепиц боспорских (среди них клейменные), синопских, гераклейских и, повидимому, привезенной из Эгейского бассейна архаического времени — лаконского типа с черной облицовкой; черепки чернолаковых сосудов V—IV и III—II вв. до н. э.; фрагменты расписной керамики — родосской, ионийской, коринфской, аттической чернофигурной VI и V вв. до н. э. и краснофигурной типа «Гиафия»; черепки лутериев из синопской глины, кухонных сосудов, открытых светильников, черной лощеной посуды (типа кизилкобинской); бронзовый наконечник стрелы, куски бронзы и железных гвоздей, а также кости животных.

Строительные остатки пятого слоя весьма незначительны. К ним относятся развал фундамента (№ 57) и частично находившийся выше развал камней (№ 56), обнаруженные на XIV отсеке. Датируются они II в. до н. э. Развал фундамента состоит из рваного камня различной величины; глубина подошвы его 1,05 м, длина 2 м, высота 0,24 м. Развал камней достигал в длину 2,2 м, глубина подошвы 0,72 м, высота 0,17 м. Эти строительные остатки, лежащие ниже дневной поверхности II в. до н. э., были впущены в слой III в. до н. э.

Наконец, небольшие остатки напластований II в. до н. э., несколько поврежденные более поздними могилами, обнаружены на XV отсеке. Там.

на глубине 2,6—3,0 м, залегал пласт гумированного серовато-коричневого суглинка, заключавшего сравнительно не очень много находок. К ним принадлежали обломки черепицы боспорской и синопской, остродонных амфор, в том числе гераклейских, синопских, хиосских и родосских (среди последних ручка с клеймом), простых тонкостенных, сероглиняных, чернолаковых VI—IV вв. до н. э., посуды, покрытой эллинистическим коричневым лаком, и чернофигурной V в. до н. э.

Шестой слой I в. до н. э. хорошо сохранился только на III отсеке. На глубине 2,65—3,35 м обнаружен пласт коричневатого суглинка и местами желтоватой глины, включавший многочисленные находки: обломки боспорской и синопской черепицы, боспорских пифосов, остродонных амфор VI—I вв. до н. э. (хиосских, фасосских, гераклейских, синопских, родосских и сероглиняных); черепки кастрюли, сероглиняных лощеных сосудов, боспорской красноглиняной тонкостенной посуды (в том числе фанагорийской солонки), чернолаковой керамики VI, IV, III и II вв. до н. э., краснолаковой II—I вв. до н. э.; расписной ионийской с орнаментом в виде поясов лака и краснофигурной IV в. до н. э.; фрагменты открытого светильника, куски жженой глины, вероятно части очага, обломки штукатурки с красной облицовкой и бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы.

К седьмому слою I в. н. э. относятся остатки монументальной подпорной стены, обнаруженные на отсеке XVI и являющиеся продолжением открытых в 1949 г. развалин стены (№ 18). В 1952 г. выявлена часть стены в длину на 3,45 м, в ширину на 1,22 м; обращенная к северо-востоку лицевая сторона, уходящая под восточный борт отсека, осталась невыясненной. Глубина подошвы стены 2,77 м. В высоту она сохранилась на 0,85 м. Стена сложена из очень больших квадров, обращенных торцами наружу, один ряд которых составляет всю толщу стены. В северной части стены уцелел только нижний ярус этих блоков, в южной — два.

Прилегающая к подпорной стене синхронная ей насыпь состояла из желтовато-коричневатого суглинка, залегавшего на глубине 2,85 м (подошва) — 1,65 м (верхний горизонт). Многочисленные находки в суглинке показывают, что земля для насыпи в основном была взята из культурных напластований IV—III вв. до н. э., а наиболее поздние из них свидетельствуют о сооружении ее в I в. н. э. В насыпи обнаружены: обломки черепиц, боспорских, синопских и светлоглиняных; фрагменты остродонных амфор, в том числе хиосских, фасосских, синопских, гераклейских, родосских, кидских и сероглиняных; черепки простых тонкостенных и красноглиняных толстостенных сосудов с прилепами, блюд для рыбы, кухонной посуды, чернолаковой керамики V—III вв. до н. э., краснолаковой I в. до н. э.; фрагменты расписных сосудов — архаического с чешуйчатым узором, ионийского с орнаментом в виде полос, родосской тарелки, чернофигурного сосуда VI в. до н. э. и краснофигурного IV в. до н. э.; найдены еще обломок терракотовой статуэтки, глиняное грузило пирамидальной формы, куски штукатурки с красной облицовкой и обломок хорошо обожженного кирпича.

Строительные остатки восьмого слоя II в. н. э. менее значительны и дошли в плохом состоянии. На верхней террасе на XIV отсеке обнаружен развал фундамента (№ 67) из рваного камня. Глубина его подошвы 1,43—1,50 м, в длину он сохранился на 1,9 м, в высоту на 0,20—0,35 м, ширина его 0,55—0,75 м.

На нижней террасе восьмой слой выявлен на III отсеке. На глубине 1,5 м (верхняя поверхность) — 2,5 м (подошва) залегала гумированная коричневатая супесь, заключавшая много обломков керамики, среди которых преобладали черепки III—II вв. до н. э. Обнаружены: фрагменты

черепицы синопской, гераклейской и боспорской, в том числе светлоглиняной; черепки остродонных амфор, в том числе хиосских, фасосских, гераклейских и синопских (среди тех и других есть клейменные), косских, светлоглиняных с двустольными ручками; обломки простой тонкостенной и сероглиняной посуды; фрагменты чернолаковой керамики V—III вв. до н. э., краснолаковой первых веков нашей эры и расписной — ионийской с орнаментом в виде полос и чернофигурной; куски светильников, торс терракотовой женской статуэтки, осколок сосуда из прозрачного литого стекла; фрагмент водослива из известняка (нижняя часть морды льва), куски штукатурки с красной облицовкой и расписной, а также бронзовая булавка.

Восьмой слой довольно мощным пластом залегал и на XV отсеке; там глубина его подошвы была 2,6—3,1 м, а верхнего горизонта 1,7—2,1 м. Находки по составу близки описанным выше. Отметим обломки сероглиняных чаш типа «мегарских» пантикапейской работы, фрагмент терракотовой фигурки пантеры, осколки сосудов из прозрачного стекла, куски штукатурки, окрашенной в красный и лиловый цвет, бусу и бронзовый гвоздь. Особого упоминания заслуживают обломки гуттов от карниза дорийского ордера из известняка, осколок каменного солена, обломок мраморного рельефа с изображением части крыла, фрагмент мраморного лутерия и заготовки для изделий из рога со следами распила.

В предшествовавших отчетах мы отмечали, что три верхних слоя Пантикапея, девятый, десятый и одиннадцатый, датируются III—IV вв. н. э.

К девятому слою, несомненно не выходящему за пределы III в. н. э., относятся развалины нескольких не особенно значительных сооружений.

На верхней террасе обнаружен развал (№ 54) из рваного камня больших, средних и малых размеров. Глубина подошвы 0,85 м, длина с севера на юг 4,7 м, мощность пласта до 0,5 м. Более компактная восточная часть этого завала (№ 54а), до 1,7 м длиной и 0,8 м шириной, побуждает видеть в нем скорее всего остатки фундамента здания.

Выше залегал пласт коричневатого суглинка, отложившийся после разрушения фундамента (№ 54а), видимо в III в. н. э. Пласт сравнительно тонкий: его подошва на глубине 0,35—0,40 м, верхний горизонт 0,32—0,35 м. В пласте обнаружено много находок: обломки черепицы синопской, гераклейской, боспорской (в том числе клейменная) и светлоглиняной; черепки остродонных амфор (хиосских, фасосских, гераклейских, синопских и реберчатых); фрагмент венца пифоса и осколок ручки кастрюли.

На нижней террасе к девятому слою относятся остатки фундамента (№ 59) и группа камней, возможно развал фундамента (№ 61).

Вскрытый здесь несколько необычного типа фундамент (№ 59) представляет собой остатки солидной субструкции стены, состоящей из рваного камня больших, средних и малых размеров. В высоту он сохранился на 1,34 м, в длину на 3,42 м, ширина 0,7—2,1 м. При разборке среди камней обнаружены обломки амфор, а также кухонной и сероглиняной посуды.

Фундамент № 60 частично выявлен в восточной части XV отсека на глубине 2,10—2,50 м; раскрытая часть достигала в длину 1,25 м (с востока на запад), в ширину около одного метра.

Наиболее значительный культурный пласт, синхронный описанным строительным остаткам, обнаружен на верхней террасе на XVI отсеке. На глубине 1,65 м (подошва)—0,97 м (верхний горизонт) залегал серовато-коричневатый и отчасти желтовато-коричневатый суглинок, в котором встречались находки по преимуществу III—II вв. н. э.; судя же по позднейшим находкам, слой несомненно датируется III в. н. э. Здесь собраны обломки черепицы синопской, боспорской и светлоглиняной; че-

репки остродонных амфор VI в. до н. э.—III в. н. э. (хиосских, фасосских, гераклейских, реберчатых), среди которых отметим горло амфоры со следами надписи $\Gamma\Delta$...; фрагменты посуды сероглиняной, в том числе толстостенной и с черным лощением, чернолаковой VI, V и IV вв. до н. э., краснолаковой II—I вв. до н. э., ионийской с орнаментом в виде полос и краснофигурной IV в. до н. э. Особо следует упомянуть обломок кирпича и фрагмент руки (?) мраморной статуэтки.

Обнаруженные в 1952 г. строительные остатки десятого слоя весьма незначительны. К ним относится развал (№ 53), состоящий из рваных камней средней величины, залегающий на глубине 0,35 м (подошва) в XIV отсеке. Толщина пласта всего 0,15 м; в длину и в ширину он достигал 5 м. При разборке обнаружены обломки боспорской и синопской черепицы, фрагменты остродонных амфор, в том числе поздних боспорских и косских, обломки ножки килика и боспорского рыбного блюда, примерно V в. до н. э.

Десятый культурный слой, представляющий пласт гумированного суглинка, общей мощностью 0,2—0,4 м, относится к последним десятилетиям III—IV вв. н. э. В нем обнаружены: обломки черепицы боспорской (есть клейменная), синопской, гераклейской и светлоглиняной; куски штукатурки с красной краской; фрагменты остродонных амфор хиосских, фасосских, гераклейских, синопских, родосских с профилированными ручками и реберчатых; боспорских кастрюль, пифоса, лутерия с ручкой, краснолаковой и чернолаковой керамики VI—IV вв. до н. э. (среди них дно килика с процарапанной монограммой: NE); фрагменты расписной посуды — родосской и ионийской с узором в виде полос и краснофигурной; обломки кухонной посуды, открытого светильника, пирамидального грузила из боспорской глины и торс женской фигурки из терракоты. Встречались также кости животных.

Верхние напластования — девятый, десятый и одиннадцатый слои, относящиеся к III—IV вв. н. э., не всегда могли быть с полной отчетливостью разделены, так как нередко были сильно перекопаны при выборке камня в новое время. Явные следы новейших повреждений культурных слоев местами обнаружены на XIV отсеке, на глубине более одного метра. на XV отсеке — до 1,4 м. Кроме того, сильному нарушению верхних напластований на XV отсеке способствовали пять средневековых могил. Среди находок в перекопанных напластованиях отметим обломки терракот, в том числе маски силена, головы и торса женской фигурки, мраморную ступню небольшой статуи. Интересны строительные остатки: обломки гуттов из известняка — частей карниза здания дорийского ордера, фрагмент маски льва из мраморовидного известняка и часть водомета симы, обломок каменного солена и др.

На XV отсеке в античные напластования было впущено пять могил.

Плитовая могила (№ 31) обнаружена внутри западного помещения дома Коя впритык с северной частью стены № 25. Глубина могильной ямы 3,65 м, длина 3,20 м, ширина 1,20 м. Могила с боков обложена каменными плитами и покрыта закладом из четырех плит, две из них повторного использования. Длина каменной обкладки могилы 2,10 м, ширина в северной части 0,77 м, в южной 0,66 м. Пол могилы земляной.

Внутри каменной гробницы обнаружены остатки сгнивших досок деревянного гроба, некогда поставленного на две каменные глыбы, расположенные в головах и ногах. Толщина досок гроба 0,015 м. Погребенный был ориентирован головой на северо-северо-запад. Костяк лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность костей плохая. Общая длина костяка 1,65 м, до пяточной кости 1,56 м. В головах с левой стороны черепа раздавленный флакон из прозрачного стекла, около пра-

вой руки десять пряжек из низкопробного серебра (рис. 32) и обрывки ткани красновато-коричневатого цвета; в ногах железный нож. Дата могилы VI—VIII вв. н. э.

Плитовая могила (№ 32) обнаружена около северного борта XV отсека. Глубина могильной ямы 3,15 м; дно земляное, с боков она обложена каменными плитами. Длина этого ящика внутри 2,10 м, ширина в западо-юго-западной части 0,55 м, в противоположной 0,52 м, высота 0,42 м. Северо-северо-восточная стенка ящика состоит из четырех плит, юго-юго-западная — из пяти, торцовые — каждая из одной.

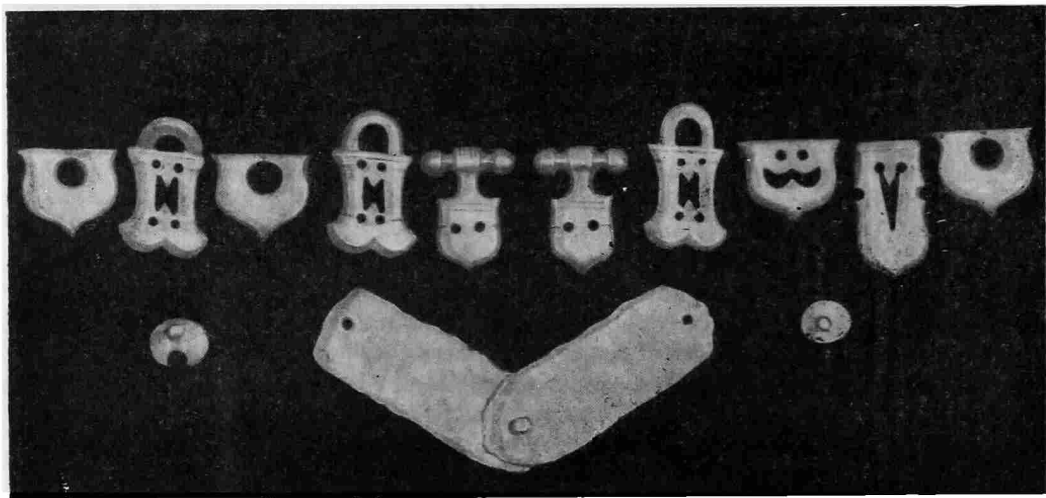

Рис. 32. Набор пряжек из могилы № 31.

Ящик был покрыт плитовым закладом, от которого сохранилась лишь незначительная часть в головах покойника, остальные выбраны, вероятно, при разграблении могилы. Погребенный лежал на спине, головой на западо-юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Длина костяка (до пяточной кости) 1,6 м. Вещей в захоронении не оказалось.

Детская плитовая могила (№ 33) обнаружена к востоку от предшествовавшей. Глубина могильной ямы 2,91 м, дно земляное; с боков она обложена каменными плитами и покрыта закладом из пяти плит. Одна из них (размером 0,64×0,22×0,06 м) является мраморным фризом античного здания; на ней тщательно высечен крещатый меандровый узор (рис. 33).

Длина ящика могилы внутри 1,30 м, ширина западо-юго-западной части 0,55 м, противоположной 0,30 м. Высота ящика (вместе с закладом) 0,40 м. Стенки состоят: северо-северо-западная из четырех плит (в одной из них углубление), юго-юго-восточная — из двух плит и большого грубо обработанного камня, восточно-северо-восточная — из плиты, разбитой на три части, западо-юго-западная — из трех плиток, в одной из которых по середине круглое отверстие.

Внутри могилы отмечены незначительные остатки гроба в виде тлена. Захороненный был ориентирован головой на западо-юго-запад. От костяка ничего не сохранилось, кроме нескольких зубов.

Детская могила (№ 34), обнаруженная между могилами № 32 и 33, на глубине около 3 м, была совершенно разорена. От погребения уцелели только нижняя челюсть с зубами; из инвентаря — три бусины из стеклянной пасты, не вполне ясный обломок, повидимому от серебряной серьги, и

небольшой бронзовый медальон, оказавшийся по расчистке сильно истертой медной монетой, вероятно Рескупорида II или Савромата I¹, к которой было прикреплено небольшое ушко; в нем сохранились остатки нитки.

Детская могила (№ 35) обнаружена около западного угла северного помещения дома Коя. Она представляла собой простое грунтовое погребение на глубине 3,1 м, ориентированное на западо-юго-запад. Погребенный лежал на спине, руки, судя по остаткам фаланг, были вытянуты вдоль туловища, ноги расположены параллельно. В ногах обнаружен костяной

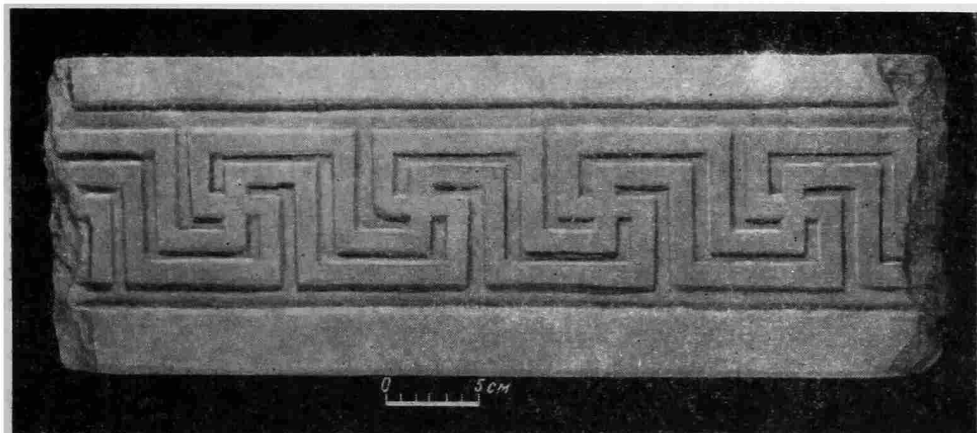

Рис. 33. Мраморный архитектурный рельеф из могилы № 33.

предмет в виде длинного узкого стержня с головкой на одном конце и двумя ушками в противоположной части стержня.

Таким образом, в результате работ в Пантикапее в 1952 г. можно считать установленным существование догреческого поселения на горе Митридат и подтвержденным наличие там эмпория в конце VII—начале VI в. до н. э. Завершено обследование раннеархаического дома, обнаруженного в 1949 г., причем выяснено, что этот дом существовал в конце VII—первых десятилетиях VI в. до н. э. Продолжалось также исследование позднеархаического дома (дома Коя) конца VI—начала V в. до н. э. Впервые обнаружена черепица, применявшаяся на Боспоре в конце VI в. до н. э. Найдена относящаяся к тому же времени гранитная зернотерка, служившая для изготовления муки для домашних потребностей. Открыт ряд остатков сооружений периода Спартокидов и сарматского времени, среди них части дома последних десятилетий V—первых десятилетий IV в. до н. э. и подпорная стена I в. н. э. В городских напластованиях, относящихся к античному времени, было вскрыто пять, повидимому раннесредневековых, могил.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, табл. XLVII, 4 и 14.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ТРЕТИЙ ГОД РАБОТ В СИНДИКЕ

Синдский отряд¹ Таманской экспедиции 1952 г. продолжал ранее начатые работы. Задачей их, как и прежде, было исследование части сельскохозяйственной территории Боспорского государства, а именно северо-западного района Синдики (рис. 34).

Работы велись тремя группами: первая, Восточная, производила раскопки двух ранее не обследовавшихся древних поселений: Кукурузного и

Рис. 34. Схематическая карта северо-западной части Синдики:

Поселения: 1 — Суворовское; 2 — Кукурузное; 3 — Нижне-Карabetово; 4 — Верхне-Карabetово; 5 — Западно-Цукурское; 6 — Яхново.

«на Седьмом километре» к востоку от станицы Таманской. Этой же группой были продолжены раскопки могильника около Суворовского поселения. Вторая группа продолжила раскопки Западно-Цукурского поселения, успешно начатые в 1951 г.

Задачей третьей группы² было продолжение разведок в районах к востоку, юго-востоку и западу от Таманской, а также раскопки трех древних поселений к юго-востоку от этой станицы.

Была подробно обследована территория в 5—6 км к востоку от Таманской. Установлено, что обломки древней керамики встречаются на склонах Карabetовой горы, около тальвегов или на дне последних. На водоразделах между оврагами находок древних предметов не наблюдалось.

При разведке вдоль тальвега, проходящего между поселениями Суворовским Первым

и Суворовским Вторым, к западу от него, на юг от восточного края Суворов-

¹ Начальник отряда В. Д. Блаватский, руководитель Восточной группы Т. В. Блаватская. Западно-Цукурской — Д. Б. Шелов, стоящие на квадратах: Т. М. Арсеньева, Э. О. Берзин, М. Б. Исакова-Парович, В. И. Кузичин, В. Кунин, Л. П. Маринович, Н. А. Онайко, И. В. Поздеева, В. М. Смирин, Г. А. Цветаева, В. И. Цехмистренко, фотограф Ю. С. Панютин; землекопов до пятидесяти человек.

² Под руководством В. Д. Блаватского.

ской крепости Фанагории и примерно в одном километре от восточной окраины станицы Таманской обнаружены следы древнего поселения. Найдены обломки боспорского солена, стенок пифоса и черепки амфор первых веков нашей эры.

Далее на юг, на кукурузном поле¹, встречено много обломков амфор, относящихся главным образом к первым векам нашей эры, фрагментов черепиц, синопских и боспорских (европейского и азиатского), и осколков краснолаковой посуды. Несколько выше по сухому руслу притока, впадающего в тот же тальвег, у северо-западного склона Карабетовой горы, местами встречались обломки античной керамики, главным образом I—IV вв. н. э. (в том числе реберчатых и рифленых сосудов).

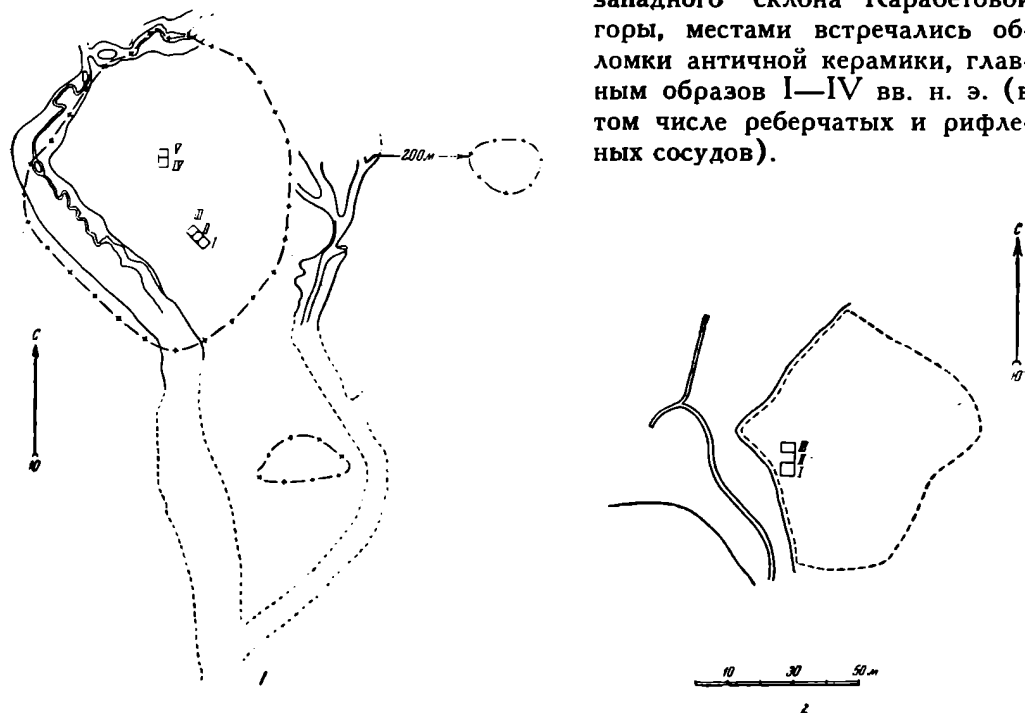

Рис. 35. Планы Нижне-Карабетова поселения (1) и Верхне-Карабетова поселения (2).

На вершине Карабетовой горы, в ее северо-западной части, обнаружены следы древнего поселения, названного Верхне-Карабетово (рис. 35—2). Здесь найдены обломки амфор VI—III вв. до н. э. Вершина представляет обширное плато, являющееся кратером грязевого вулкана. На нем находятся несколько разных по размерам водоемов, по большей части заболоченных. На юго-западном склоне горы обнаружено второе древнее поселение — Нижне-Карабетово (рис. 35—1), видимо идентичное с городищем X по карте В. В. Соколова. Найдены: обломки амфор боспорских (пантикапейских и особенно азиатских), фасосских, гераклеийских, синопских (среди них с клеймами) и других центров IV—III вв. до н. э., фрагменты боспорской черепицы, пантикапейской и фанагорийской, и один осколок чернолакового сосуда IV в. до н. э.

Тогда же было осмотрено городище XI (по карте В. В. Соколова). Подъемный материал на этом урочище очень скудный. Встречаются обломки античной и средневековой керамики, примерно на пространстве 400 м в длину (с северо-востока на юго-запад) и около 150 м в ширину.

¹ Это поселение («Кукурузное») раскапывалось в 1953 г. Т. В. Блаватской.

Обследовано древнее поселение к западу от станицы Стеблевской, у края террасы, поднимающейся над берегом Цукурского лимана, в настоящее время совершенно высохшего. Культурный слой, растянутый на значительном протяжении, сильно поврежден. Подъемного материала сравнительно мало: один обломок боспорской черепицы, несколько черепков амфор последних веков до нашей эры, а также средневековой посуды.

На расстоянии около 0,5 км на восток от хутора Яхнова, недалеко от колодца, обнаружено древнее поселение, прорезанное грунтовой дорогой (рис. 36). Собран подъемный материал: обломки профилированных ручек амфор I—II вв. н. э., черепок реберчатого сосуда и один фрагмент лепного сосуда.

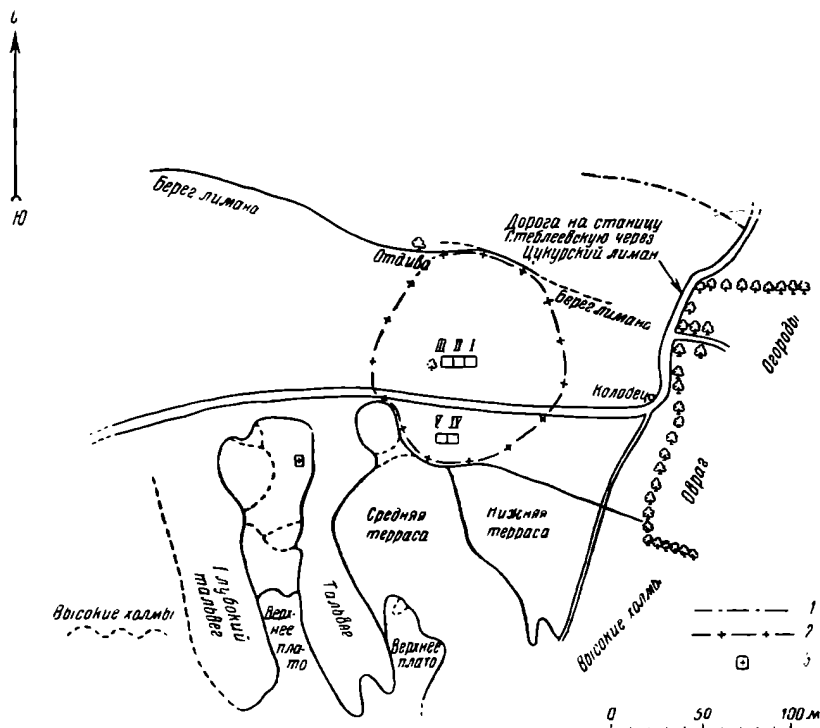

Рис. 36. Схематический план Яхнова поселения:

1 — берег высохшего лимана; 2 — граница распространения археологических находок; 3 — могила (современная).

На южном берегу Цукурского лимана, у края террасы, на участке прямо на юг от курганов Большая и Малая Близица, найдены единичные обломки простой керамики античного времени.

Обследован район поселения VII (по карте В. В. Соколова) на южном берегу Таманского залива. Обнаружены следы культурного слоя и собран подъемный материал только средневекового времени.

К востоку от упомянутого выше тальвега обнаружено немного находок, тоже средневековых.

В районе к западу от Таманской, на Лысой горе, в трех местах обнаружены черепки античных остродонных амфор: на самом верху большей вершины, на южном склоне той же вершины и на меньшей (южной) вершине. В 2—2,5 км на запад от станицы Таманской обнаружен подъемный материал античного времени — стенки остродонных амфор.

Примерно на месте IX городища (по карте В. В. Соколова), около быв. хутора Кроткова, на южном берегу высохшего пруда собран подъем-

ный материал: черепки стенок остродонных амфор, простой тонкостенной керамики и расписной (с орнаментом в виде полос). На северном берегу пруда находок было немного, они относились к античному и средневековому времени.

Около колодцев к северо-востоку от хутора обнаружены обломки античной и средневековой керамики — краснолаковой первых веков нашей эры и рифленой.

В районе станицы Витязевской, приблизительно на расстоянии одного километра к северо-северо-востоку, на берегу Витязевского лимана обнаружены черепки стенок античных остродонных амфор и обломки боспорского солена. Судя по обрезу террасы, там нет регулярного культурного слоя, отдельные же обломки посуды встречались на глубине до одного метра.

Наконец, следует упомянуть о том, что по сведениям, полученным нами в Темрюкском музее, недавно на берегу Титоровского лимана, в 2 км на юго-запад от станицы Титоровской, при рытье котлована была вскрыта древняя могила. На глубине 1,5 м найден человеческий череп и около него два простых глиняных флакона.

Остановимся более подробно на характеристике открытых разведкой поселений.

Нижне-Карabetово расположено на довольно отлогом юго-западном склоне Карabetовой горы. На пространстве около 280 м в длину (с севера на юг) и около 230 м в ширину встречался довольно обильный подъемный материал, выступивший в результате размыва культурного слоя. С севера, запада и юга этот участок ограничен довольно глубоким тальвегом.

На поселении было разбито два раскопа (рис. 35 — 1). Один, в юго-восточной части, состоял из трех отсеков I, II, III, каждый размером 6×4 м. Из них раскопаны I и II; на обоих обнаружен очень тонкий культурный слой. Под гумированным суглинком залегал коричневатый суглинок и ниже, на глубине 0,24—0,30 м, материковая глина белоглазка.

Находки очень немногочисленны: обломок боспорской черепицы, черепки остродонных амфор¹: фасосских (первой половины IV в. до н. э.), гераклейских (второй половины IV в. до н. э.), косских (IV в. до н. э.), боспорских (пантикапейских — III в. до н. э.) и синопских, а также медная монета.

Чуть севернее центральной части поселения был разбит второй раскоп, где вскрыт отсек IV площадью 6×4 м. Культурный слой здесь был несколько толще, чем на первом раскопе, но также очень мало насыщенный. Под гумированным темнокоричневым суглинком залегал слабо гумированный суглинок, далее, на глубине 0,55 м, материковая глина белоглазка.

На вскрытой площади обнаружена гряда рваного дикого камня, вероятнее всего представляющая развал фундамента. Она тянется с востоко-юго-востока на западо-северо-запад и выявлена в длину примерно на 6,2 м, причем оба конца ее уходят за пределы отсека. Ширина развала достигает 0,8 м. Глубина подошвы 0,30—0,35 м, толщина пласта 0,09 м. Камни расположены довольно редко, а примерно посередине гряды — значительный разрыв.

Находки в культурном слое составляют черепки остродонных амфор IV—III вв. до н. э., в том числе боспорских и фасосских, имеется фрагмент горла с энглифическим клеймом в виде кружка; обнаружены фрагменты стенок простых тонкостенных сосудов и зуб лошади.

¹ Приводимые нами определения амфор принадлежат И. Б. Зеест.

Верхне-Карabetово расположено в восточной части верхнего плато Карabetовой горы. Подъемный материал наблюдался на площади, простиравшейся в длину (с севера на юг) на 80 м и в ширину на 75 м. В западной части этой площади был разбит ориентированный меридионально небольшой раскоп размером 10×4 м (рис. 35—2).

Раскопками обнаружены сравнительно насыщенные культурные напластования с обильными фрагментами керамики, преимущественно сильно измельченными. Под очень тонким дерновым слоем залегал коричневатосероватый суглинок, ниже, на глубине 0,43—0,55 м, материковая глина белоглазка.

Вскрытый пласт можно отнести к двум культурным слоям.

Первый, относящийся к концу VI—V вв. до н. э., залегал в южной части раскопа от материка (глубина 0,45—0,55 м) до дернового слоя, в северной части — от материка (глубина 0,43—0,47 м) до глубины 0,25—0,30 м. В нем обнаружены черепки остродонных амфор конца VI—V вв. до н. э., в том числе хиосских и «протофасосских», обломки простых тонкостенных и сероглиняных сосудов; обнаружены фрагмент чернофигурной вазы, кости животных, в том числе крупного рогатого скота.

О локальных нарушениях слоя в более позднее время свидетельствует единичная находка обломка чернолакового сосуда, примерно IV в. до н. э.

Второй культурный слой, относящийся к IV—III вв. до н. э. (может быть, IV—II вв. до н. э.), обнаружен только в северной части раскопа, от поверхности почвы до глубины 0,25—0,30 м.

В нем найдены черепки остродонных амфор, гераклейских IV—III вв. до н. э., косских IV—II вв. до н. э., хиосских конца VI—начала V в. до н. э., а также IV в. до н. э., обломки простых тонкостенных и сероглиняных сосудов и, как и в первом слое, кости животных.

Суммируя результаты работ на Верхне-Карabetовом поселении, мы должны отметить преобладание среди находок керамики конца VI—V вв. до н. э. и небольшое число материалов IV—III вв. до н. э. При этом большая часть керамики представляет обломки остродонных амфор, по всей видимости привозных (хиосские, «протофасосские», гераклейские, косские); примечательно отсутствие фасосских и родосских. Не ясен вопрос о принадлежности к тому или иному центру (может быть, Гермонассе?) довольно многочисленных черепков красноглиняных остродонных амфор с круглыми в сечении ручками.

Весьма интересно, что расцвет жизни Верхне-Карabetова приходится на конец VI—V вв. до н. э. В IV—III вв. до н. э. оно явно глохнет и одновременно возникает Нижне-Карabetово поселение, датируемое, как мы отмечали, IV—III вв. до н. э. Во II в. до н. э. оба поселения, вероятно, не существуют. Керамика, обнаруженная на этих поселениях VI—V вв. до н. э., сплошь привозная; в IV—III вв. до н. э., наряду с несомненно привозной, известны красноглиняные амфоры с круглыми в сечении ручками, возможно происходящие из азиатского Боспора.

Поселение к востоку от хутора Яхнова было расположено на северном склоне небольшой высоты, над южным берегом высохшего Цукурского лимана. Подъем в нижней части поселения довольно отлогий, в верхней постепенно становится более крутым. Судя по встречающимся обломкам керамики, поселение простиралось в длину (с севера на юг) примерно на 115 м, в ширину на 108 м. Южную часть территории поселения пререзала грунтовая дорога, в обресе выемки которой отчетливо виден культурный слой.

В 50 м на восток от древнего поселения находится современный колодец с хорошей пресной водой. Место, где лежало древнее поселение, в начале XX в. было занято садом.

При сборе подъемного материала в центральной части поселения был найден обломок круглого верхнего жернова, радиусом 0,23 м.

Для исследования поселения разбиты два раскопа (рис. 36): к северу от дороги, в центральной части (12×4 м), и к югу от дороги (8×4 м).

Выявлены четыре культурных слоя, причем три более ранние (IV—III вв. до н. э., III—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э.) обнаружены на втором раскопе, а третий и четвертый, более поздние (I—II вв. н. э. и III—IV вв. н. э.) вскрыты на первом центральном раскопе.

Остановимся сначала на результатах работ на южном (втором) раскопе. Под дерновым слоем вскрыт пласт гумированной супеси коричневатого цвета; ниже нее местами встречалась светлая желтоватая супесь, залегавшая вплоть до материка (глина белоглазка), обнаруженного на глубине 0,62—1,49 м.

Сколько-нибудь существенных остатков сооружений не было, встречалось лишь немного небольших скоплений рваного камня и отдельные камни.

Первый слой, IV—III вв. до н. э., наблюдался только в восточной части раскопа. Там на глубине от 1,26—1,31 м до 1,42 м залегал пласт слабогумированной коричневатой супеси. В нем обнаружены: черепки остродонных амфор, в том числе синопских IV—III вв. до н. э., обломок синопского пифоса, часть края миски из фанагорийской глины, осколок лепного сосуда, черепок чернолакового сосуда III в. до н. э., кусок солена, изготовленного на азиатском Боспоре, и обломок кости животного.

Второй слой, III—I вв. до н. э., также наблюдался только в восточной части раскопа на глубине от 0,78—1,05 м до 1,26—1,31 м. Пласт состоял из коричневатой гумированной супеси, включавшей обломки керамики. Обнаружены: два обломка солена (пантикапейского и из азиатского Боспора), черепки остродонных амфор, в том числе синопских III—II вв. до н. э. и из коричневой глины; фрагменты толстостенных сосудов, некоторые из них со следами ремонта; обломки пифосов, тонкостенной керамики, в том числе пантикапейской; фрагменты кастрюли из красной глины и рыбного блюда с азиатского Боспора; осколки чернолаковой посуды, в том числе реберчатой III в. до н. э. и ручки канфаров III—II вв. до н. э.; черепки сосуда, покрытого красно-коричневым лаком III—II вв. до н. э. и лепной посуды. Наконец, следует упомянуть куски печины и кости животных, в том числе мелкого рогатого скота.

Единичные находки в верхней части второго слоя обломков остродонных амфор I—II вв. н. э. свидетельствуют о незначительном локальном нарушении.

Третий слой наблюдался по всей площади раскопа; в восточной части он залегал над вторым до поверхности, образуя пласт гумированной коричневатой супеси 0,78—1,06 м толщиной; в западной части, где не наблюдалось ни первого, ни второго слоя, третий (мощностью 0,62—1,20 м) залегал от поверхности до материковой светложелтой супеси.

В слое обнаружено довольно много керамики: фрагменты черепицы, боспорской (пантикапейской) и светлоглиняной, черепки остродонных амфор, главным образом I—II вв. н. э., в том числе с профилированными и двуствольными ручками, синопских первых веков н. э.; в меньшем числе встречались осколки амфор I в. до н. э.—I в. н. э. из коричневой глины, амфор III—II вв. до н. э., среди последних были коские и родосские. Следует отметить также обломки пифосов, светлоглиняных лутериев, простой тонкостенной посуды, сероглиняной и лепной посуды, единичные находки черепков чернолакового реберчатого сосуда III в. до н. э., красно-

лакового блюда из коричневой глины, фанагорийской кастрюли с ручкой, плотно прижатой к тулову, красноглиняной миски с азиатского Боспора и лепного светильника. Среди обломков амфор, пифосов и лутериев некоторые носили следы ремонта. На одном обломке лутерия сохранилась свинцовая скрепа.

Найдены также обломки терракотовых статуэток, среди которых верхняя часть фигурки богини куротрофы (рис. 37), исполненная из красной глины (очевидно, на азиатском Боспоре), и кости крупного и мелкого рогатого скота.

К тому же третьему слою I—II вв. н. э. относится нижнее напластование центрального раскопа. Там над материком (глубина 1,90—2,16 м) залегал пласт желтоватой или коричневатой гумированной супеси, мощностью 0,5—0,8 м, включавшей в большом количестве обломки древней керамики: черепки остродонных амфор, в том числе узкогорлых I—II вв. н. э. с профилированными ручками, простых тонкостенных, сероглиняных, лепных, фрагмент пифоса из пантикапейской глины и кости мелкого рогатого скота.

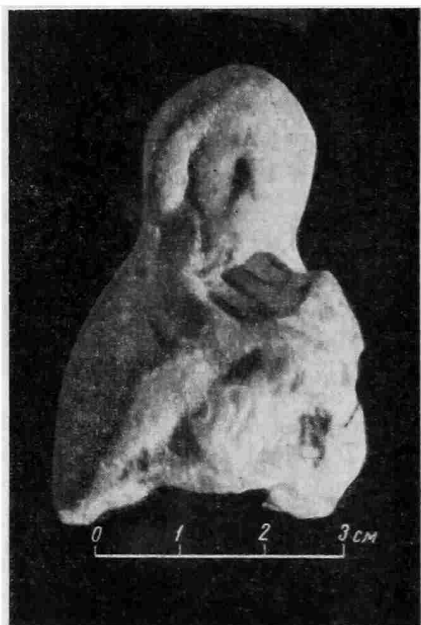

Рис. 37. Терракотовая статуэтка из Яхнова поселения.

Четвертый слой III—IV вв. н. э. залегал от поверхности до глубины 1,15—1,79 м. Состоял он в верхней части из гумусной почвы, а ниже из коричневатой, по большей части сильно гумированной супеси, заключавшей немного обломков керамики. Найдены: фрагменты черепицы пантикапейской с азиатского Боспора, седловидной, а также соленов с белой облицовкой; остродонных амфор, в том числе I—II вв. н. э. с профилированными ручками и III в. н. э. с большими профилированными ручками, реб-

берчатых, рифленых пантикапейских и фанагорийских позднеантичного времени, а также фасосской IV—III вв. до н. э.; черепки тонкостенной керамики, среди них кувшины, сероглиняные лощеные I—II и III—IV вв. н. э., лепные; обломки пифоса и большого плоскодонного сосуда, оба с азиатского Боспора; единичные черепки сосудов, покрытых черным лаком IV в. н. э., эллинистическим лаком II в. до н. э., красно-коричневым лаком II—I вв. до н. э. и красным лаком I—II вв. н. э. Упомянем обломок крышки из грубой коричневой глины, две глиняные пробки, обломок круглого груза с меткой, куски сырца и печины, кости животных, в том числе мелкого рогатого скота и лошади. Обнаружен развал вымостки из рваных известняков, плитняковых и дикарных камней, простирившийся в длину примерно на 1,5 м, в ширину на 1 м. Глубина подошвы 0,62—0,73 м, толщина пласта 0,08—0,12 м. На развале залегали обломки больших амфор примерно III в. н. э. На том же горизонте к югу обнаружена группа фрагментов большой амфоры и кусков печины. Под развалом вымостки, на глубине до 0,88 м, найдено горло большой амфоры и около него несколько обломков стенок, выложенных в ряд в вертикальном положении.

В верхней части четвертого слоя местами наблюдались перекопы и встречались обломки современных вещей на глубине до 0,5 м.

Поселения на вершине и юго-западном склоне Карabetовой горы, в основном относящиеся к VI—V и IV—III вв. до н. э., отличаются тем, что найденная там керамика типично античная и свидетельствует о тесных экономических связях населения со странами Эгейского бассейна.

Несколько иной характер имеет поселение на южном берегу Цукурского лимана. Возникшее около IV в. до н. э., оно расцвело в I—IV вв. н. э. О занятиях населения его свидетельствуют кости домашних животных, круглый жернов, обломки грузила, о культуре — статуэтка богини куротрофы.

Д. Б. ШЕЛОВ

РАСКОПКИ ЗАПАДНО-ЦУКУРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
в 1952 г.

В 1951 г. одним из отрядов Синдской экспедиции были начаты раскопки небольшого поселения в центре южной части Таманского полуострова, к западу от Цукурского лимана. Уже первые работы на этом поселении, названном нами Западно-Цукурским, дали интересные материалы для характеристики хозяйственной жизни и культуры сельских поселений этой части древнего Боспорского государства. В частности, были обнаружены многочисленные керамические находки, свидетельствующие о наличии высокоразвитого местного керамического производства, в том числе и производства посуды, покрытой красным лаком (рис. 38—1-5)¹.

В 1952 г. раскопки Западно-Цукурского поселения были продолжены, раскоп предыдущего года расширен по направлению к западу и востоку.

Работы подтвердили стратиграфические наблюдения, сделанные в предыдущем году. Как и тогда, наиболее ранние находки дали ямы в материковом грунте. Одна из них (№ 4) относится к VI—V вв. до н. э. Прослеживаемая глубина ее 1,4 м, глубина дна от современной поверхности 3,65 м, диаметрверху 1,75 м, диаметр дна около 2,0 м. Яма была заполнена плотным глинистым грунтом с мусорными включениями (зола, уголь, кости, керамика). Количественно небольшой керамический материал представлен обломками амфор VI и V вв. до н. э. (среди них фрагментированное горло ионийской расписной амфоры), простых и лепных сосудов. Яма была прорезана несколько более поздней (№ 3), сохранившейся на глубину 1,05 м; верхний диаметр ее 1,75 м, нижний 1,85 м, дно лежит на глубине 3,3 м от современной поверхности. Яма была заполнена рыхлым мусорным грунтом, содержащим в большом количестве золу, угли, раковины, кости и обломки керамики. Весь керамический материал относится к V—IV вв. до н. э. Здесь найдены крупные фрагменты амфор, в том числе протофасосских, фрагменты простых красноглиняных и сероглиняных сосудов (главным образом мисок), лепных горшков и пр. Встречено много кусков саманной обмазки, по которым можно восстановить форму очага — прямоугольного с приподнятыми бортиками.

Третья яма обнаружена в восточной части раскопа (яма № 5). Сохранившаяся глубина равна 0,65 м, диаметр по дну 1,56 м, по верху 1,45 м; дно лежит на глубине 2,3 м от современной поверхности. Заполнение ямы: мусорный золистый грунт, рыхлый и сухой, с очень большим

¹ См. Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 159.

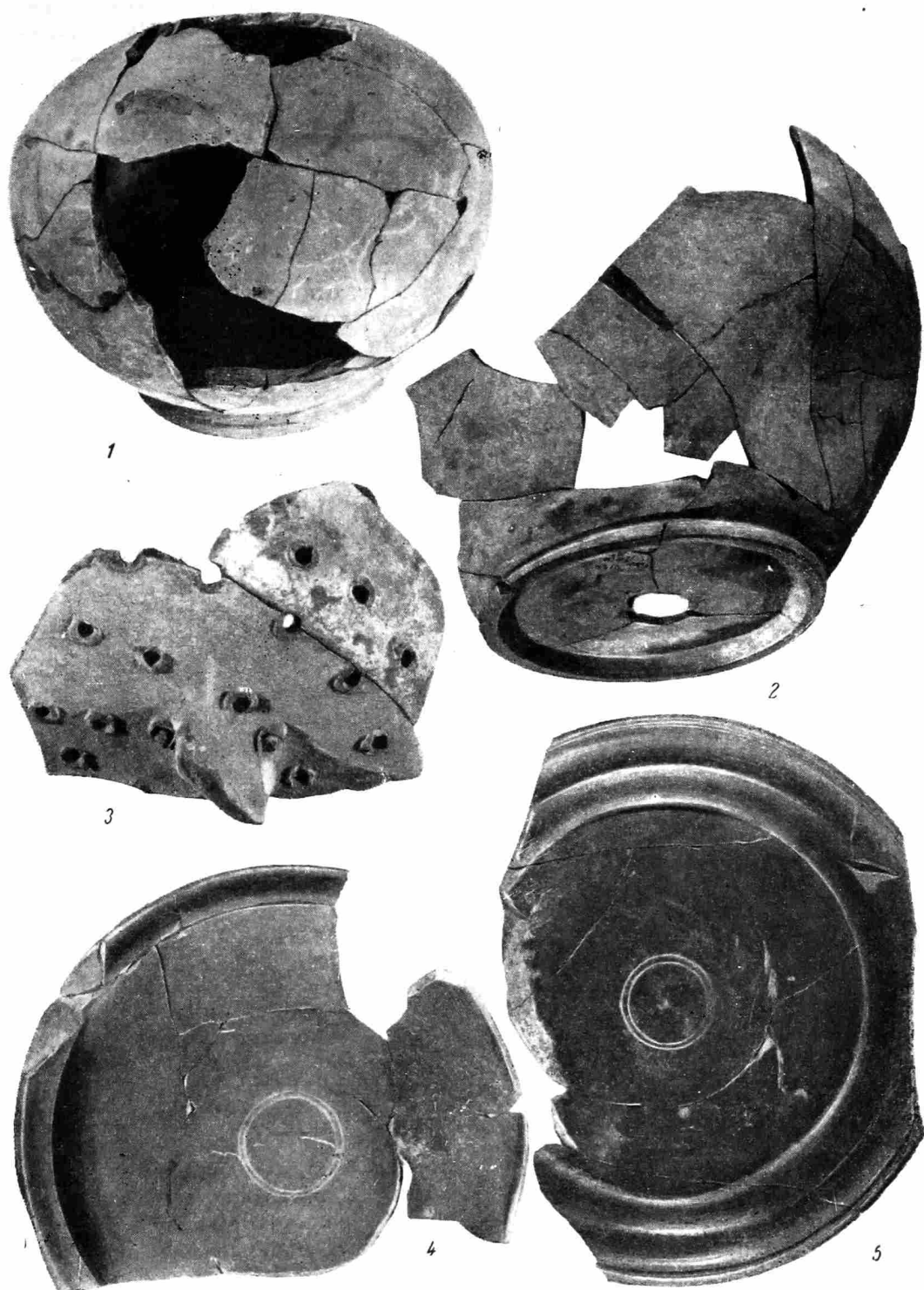

Рис. 38. Западно-Цукурское поселение. Находки 1951 г.:

1 — простой сосуд местного производства; 2 — простой сосуд местного производства — керамический брак; 3 — фрагмент сосуда с отверстиями; 4, 5 — фрагментированные тарелки местного производства, покрытые красно-бурым лаком.

количеством золы, угля, раковин мидии, костей животных, обломков керамики и глиняной обмазки. Находки: фрагменты амфор и лепных сосудов, фрагмент чернолаковой котилы V в. до н. э., бронзового ситечка и др.

Культурный слой IV в. до н. э., залегающий непосредственно на материке, представлен немногими обломками остродонных амфор, простой и лепной посуды и чернолаковой керамики. Он стратиграфически не отде-

ляется от лежащего выше него эллинистического слоя III—II вв. до н. э., к которому относится открытое в 1951 г. основание монументальной стены. Раскопками 1952 г. открыто продолжение этой субструкции в западном направлении. От нее сохранилась лишь узкая полоска около 0,2 м шириной, вся остальная часть уничтожена современным карьером для добывания глины. Общая длина открытой части остатков стены 4,3 м, устройство ее то же, что и в части, открытой предыдущими раскопками: плитняк, поставленный на ребро.

Слой III—II вв. до н. э., мощностью до 0,6 м, залегает на глубине 2,2—1,6 м. Датируется он по наиболее поздним находкам обломков керамики III—II вв., но в основном содержит более ранний керамический материал — фрагменты пухлогорлых амфор, сосудов, покрытых черным лаком V и IV вв. до н. э., обломки архаичного расписного самосского сосуда с чешуйчатым орнаментом и т. п.

При раскопках 1952 г. оказалось возможным выделить в поздних слоях два напластования. Слой раннесарматского времени I в. до н. э. — II в. н. э. залегает на глубине 1,60—0,85 м в западной части раскопа и до 0,50 м в восточной. Он датируется узкогорлыми светлоглиняными амфорами с двустольными или профилированными ручками, красно-

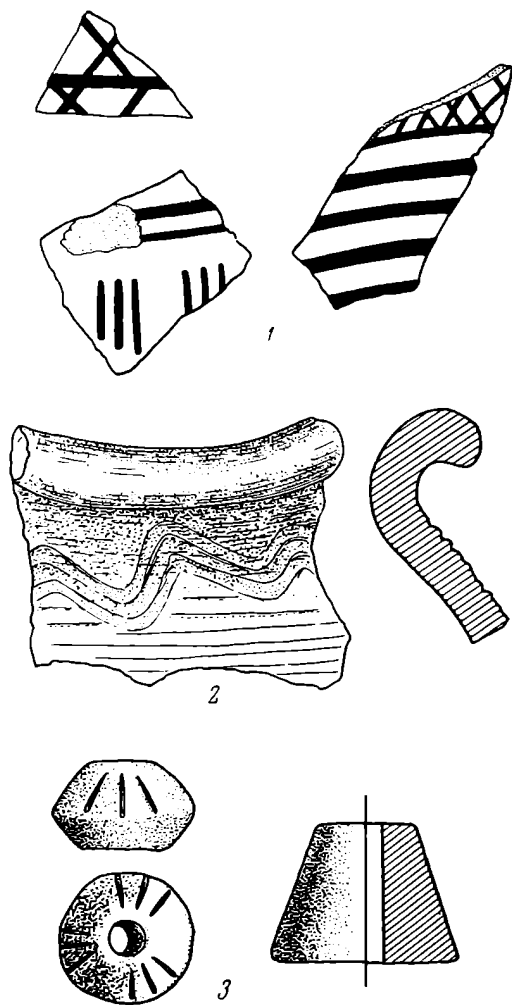

Рис. 39. Западно-Цукурское поселение
Находки 1952 г.:

1 — фрагменты керамики, украшенной лощением;
2 — фрагмент средневекового лепного сосуда;
3 — глиняные пряслица.

лаковой посудой и обломками сосудов, покрытых коричнево-красным лаком. Количественно преобладают более ранние находки: чернолаковая посуда, фрагменты эллинистических амфор (синопских, фасосских, гераклейских), причем интересно, что родосских, как и в 1951 г., почти совершенно не встречено. К этому слою относятся остатки какого-то каменного сооружения, открытые в восточной части участка. Сохранность сооружения очень плохая, уцелели лишь жалкие остатки ориентированной с запада на восток стены: один ряд кладки из рваного известняка средней величины, уложен-

ного плотно камень к камню. Ширина стены 1,32 м, длина сохранившегося участка 6 м. В качестве строительного материала использован, между прочим, обломок большой каменной чаши. Камни стены положены прямо на грунт, в который предварительно втрамбованы крупные амфорные черепки, принадлежащие главным образом амфорам эллинистического периода. В западной части стены имеется дверной проем шириной 1,25 м. С обеих сторон проем обрамлен большими правильными известняковыми блоками; с той и другой стороны установлено по два таких блока, один длинной стороной вдоль проема (поперек стены), другой обращен к нему торцовой стороной. Поперек проема у северного фаса стены лежит известняковая плита, служившая, повидимому, порогом. Глубина залегания подошвы стены от современной поверхности у восточного борта раскопа 0,55 м. Судя по тщательному обрамлению дверного проема, открытое здание, очевидно, было жилым; время сооружения его, вероятно, I в. до н. э.

Самый верхний культурный слой мог бы относиться к позднесарматской эпохе: в большом количестве встречаются здесь обломки амфор позднеримского времени, в том числе реберчатых. Но по отдельным находкам средневековой керамики он должен быть датирован уже тмутараканским временем: здесь попадаются, хотя и в небольшом числе, фрагменты лепной керамики с линейным или волнистым орнаментом славянского типа (рис. 39—2), обломки средневековых рифленых амфор, фрагменты сосудов с лощением полосами, напоминающие посуду салтово-маяцкого типа (рис. 39—1). Никаких строительных остатков в этом слое не обнаружено.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ и Д. Б. ШЕЛОВ

РАЗВЕДКИ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Разведки на Керченском полуострове были предприняты с целью изучения хоры европейского Боспора, до настоящего времени не привлекавшей внимания исследователей.

В 1951 г. В. Д. и А. В. Блаватскими был проведен пеший разведочный маршрут: Феодосия, Сарыголь, Ближние Камыши, Береговая, Дальние Камыши, Армавир, Шабонь, Павловка, Заветы Ильича, Семь Колодезей, Ленинский, Горностаевка, Керчь. Учтено около двухсот курганов и курганных групп.

Разведка сопровождалась изучением картографического материала. Это позволило установить следующее¹. Древний вал, который идет от Узунларского озера к Азовскому морю, защищая с запада часть Керченского полуострова, проведен так, что под его охрану входят все долины, примыкающие к Керченскому проливу. Каждая из этих долин в древности была сельскохозяйственным районом, тяготевшим к ближайшим боспорским городам — Мирмекию, Пантикапею, Дии-Тиритаке, Нимфею, Китею, Киммерику и другим. Надежная защита валов и рвов позволила сельскому населению этих местностей жить и в неукрепленных поселениях.

В 1952 г. археологические разведки на Керченском полуострове, на участке между Керчью и Феодосией, были продолжены².

Маршрут шел из Керчи на запад вдоль подошвы южного склона Митридатовой горы, примерно на 12 км от моря, затем на юг (около 5 км) к Феодосийской дороге, потом на запад по направлению к Тасуну и далее ко второму древнему валу. Пройдя около 6 км на северо-запад вдоль внутренней (восточной) стороны вала, отряд направился на Зеленый Яр—Виноградское—Семь Колодезей, затем на юго-запад и, не доходя примерно 2 км до Бранного Поля, повернул к Луговой. Были обследованы: район между Луговой и Ячменной, а также участок, расположенный к югу от Холмогорки и Фронтowego, район к северо-западу от Фронтowego по направлению к Птичной и далее за Птичную примерно на 2 км и участки между Фронтowym и Петровкой и между Петровкой и Феодосией.

По пути следования обнаружены многие древние памятники (рис. 40).

¹ См. В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 198.

² Начальник экспедиции В. Д. Блаватский, начальник Тасуновского отряда Д. В. Шелов, руководители партий Т. В. Блаватская, Н. А. Онайко, И. А. Сидорова, Г. А. Цветаева, старшие на квадратах М. Б. Исакова-Парович, Г. И. Соколов, В. М. Смирин, И. В. Поздеева, И. Г. Лоцманова.

В ближайших окрестностях Пантикапея, на юго-восточном и юго-западном склонах Сахарной головы (Пирамидальной горы), обследованы недавно прокопанные канавы, глубиной 0,8—1,1 м и шириной 0,6—0,7 м. Выкид из них и обрезы стенок свидетельствуют о том, что они прорезали городские свалки Пантикапея. Собраны различные обломки керамики, преимущественно остродонных амфор, от амфор VI в. до н. э. до узкогорлых, первых веков нашей эры.

№ 1. Приблизительно в 6 км к западу от моря в тальвеге к югу от хребта Митридатовой горы обнаружены обломки керамики спартокидского времени: остродонных амфор, в том числе фасосских и боспорских, а также простых тонкостенных сосудов.

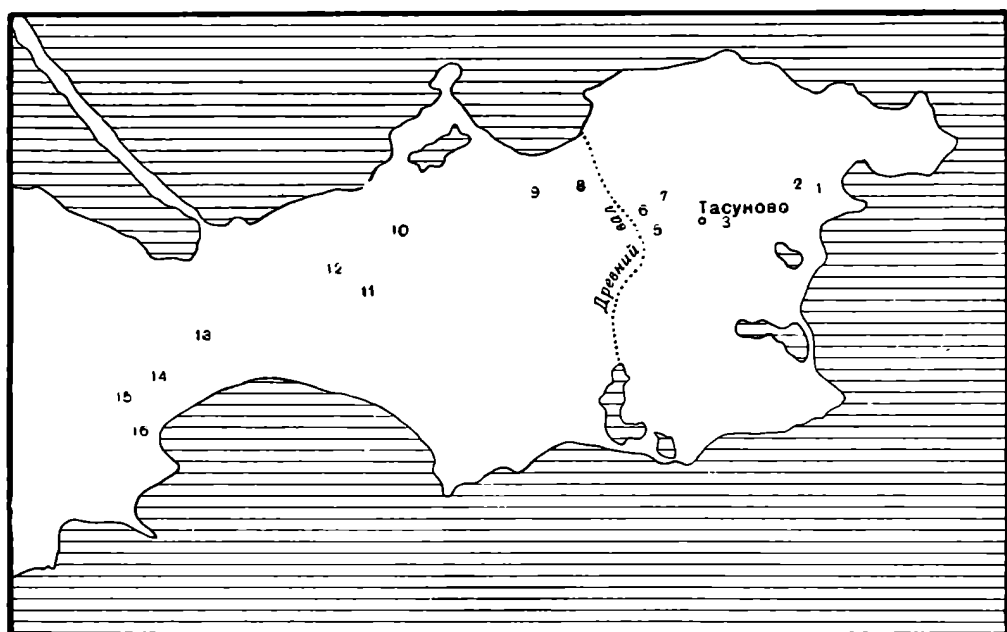

Рис. 40. Схематическая карта разведочных работ 1952 г. на Керченском полуострове:

1-16 — пункты археологических находок; пунктиром обозначен древний вал.

№ 1а. Примерно на расстоянии 500 м к западу встречались чешуйки стенок остродонных амфор.

№ 2. На южном склоне вершины, расположенной рядом с Куль-Обой, на запад от нее, обнаружены обломки глиняной посуды I—IV вв. н. э.

№ 3. На расстоянии несколько более километра к востоку от дер. Тасуново, на площади в несколько сот квадратных метров, обнаружены фрагменты остродонных амфор, примерно от III—II вв. до н. э. до III—IV вв. н. э.

№ 4. Около дер. Тасуново, на крутой вершине, с севера, запада и юга обрамленной современными постройками, обнаружено древнее поселение первых веков нашей эры. На юго-восток от него выявлен могильник — монументальные склепы, высеченные в скале. На поселении произведены раскопки; один из склепов, как выяснилось, начисто разграбленный, был зачищен и замерен.

№ 5. На расстоянии около 3 км к северу от Феодосийской дороги и примерно в одном километре к востоку от второго древнего вала на распаханном поле найдены обломки стенок остродонных амфор.

№ 6. На расстоянии около 4 км к северу от Феодосийской дороги и примерно в 1,5 км к востоку от второго древнего вала, на площади около 300 м (с севера на юг) $\times$ 150 м (с востока на запад), обнаружены черепки керамики сарматской эпохи.

№ 7. На расстоянии около 5 км к северу от Феодосийской дороги и приблизительно в 2,5 км на северо-восток от пункта № 5 на поле встречались обломки ручек остродонных амфор примерно III—I вв. до н. э.

№ 8. На расстоянии около 7,5 км к северу от Феодосийской дороги и примерно в 2 км на запад от второго вала обнаружен обломок ручки синопской остродонной амфоры.

№ 9. Примерно на расстоянии 0,5 км от юго-западной окраины поселения Зеленый Яр вокруг кургана, около 3 м высотой, и к юго-западу от него обнаружены обломки амфор сарматского времени.

№ 10. Примерно на расстоянии 1,5 км к юго-западу от Семи Колодезей на вспаханном поле встречались разбросанные на значительном пространстве фрагменты боспорской керамики, относящейся к последним векам до нашей эры.

№ 11. Примерно на расстоянии 1,5 км к северо-западу от Луговой на распаханном участке, площадью 400 $\times$ 200 м, обнаружены черепки реберчатых, рифленых и покрытых поливой сосудов.

№ 12. Примерно в 2 км к востоко-юго-востоку от Бранного Поля обнаружены профилированный блок и обломки керамики позднеантичного времени.

№ 13. На холме, в южной части сел. Фронтное, обнаружены обломки керамики сарматской эпохи.

№ 14. Приблизительно в одном километре на северо-запад от дер. Тамбовки, на склоне большой гряды, на площади около 100 $\times$ 600 м, обнаружены фрагменты керамики сарматского времени и, может быть, средневекового периода.

№ 15. К югу от дер. Тамбовки, примерно в 8 км к северо-северо-западу от Феодосии, встречались отдельные черепки средневековой керамики.

№ 16. На небольшой возвышенности, на расстоянии примерно 3 км от Феодосии, к северу от тальвега, на площади 10 $\times$ 30 м, обнаружены в небольшом количестве обломки средневековой керамики.

Таким образом, на пути между Пантикапеем и Феодосией обнаружены следы шестнадцати населенных пунктов, при этом из них примерно четыре пункта относятся к III—I вв. до н. э., один пункт к III в. до н. э.—IV в. н. э., шесть пунктов к I—IV вв. н. э. один к I—IV вв. н. э. и средневековью, два пункта средневекового времени, один пункт, возможно, средневекового времени и один неопределенный.

Следовательно, явно наметилось преобладание памятников античного времени (12 из 16).

Разведки, производившиеся нами в 1951—1952 гг. по маршруту, в основном шедшему в широтном направлении, не могли дать исчерпывающей картины; ее можно будет получить лишь при разведках, в основу которых будет положено обследование бассейнов рек, ручьев и тальвегов высохших рек.

Экспедицией произведены небольшие разведочные раскопки на городище у дер. Тасуново. Городище расположено на скалистом холме на восточной окраине деревни. Вершина холма, почти горизонтальная, неправильной формы, изрезана многочисленными ямами и канавами для выборки камня. Склоны холма круто падают на 10—20 м на север, запад и юг. С востока холм отделяется неглубокой седловиной от другого, на котором обнаружены высеченные в скале склепы.

Во время разведки здесь был прослежен интенсивный культурный слой, содержащий много фрагментов керамики первых веков нашей эры.

Для выяснения характера поселения заложены два раскопа. Первый из них (площадь 96 м²) был разбит на северо-восточном склоне.

На тех участках, где раскопки доведены до материка, он оказался на глубине 2,3—4,0 м; можно думать, что мощность культурного слоя в южной части раскопа, где материк не достигнут, еще значительнее (глубина раскопа здесь 3,0—3,6 м). Увеличение мощности культурного слоя в южной части раскопа, т. е. по направлению к центру городища, свидетельствует о том, что скалистый холм, занятый впоследствии поселением, имел гораздо более плоскую форму и что современная его высота частично образована культурными напластованиями.

Материковый пласт, подстилающий культурные слои, оказался плотным, состоящим из известняковой крошки и щебенки с небольшой примесью супеси. Он очень небольшой толщины (0,10—0,20 м); под ним лежит известняковая скала, составляющая основу и всех близлежащих холмов; в выходах этой скалы на соседнем холме вырублены склепы.

Выше надскального грунта залегал культурный слой, достигающий современной поверхности и лишь слабо задернованный сверху. Находки керамики и других предметов весьма обильные; судя по ним, можно считать, что в историко-культурном отношении слой этот един и датируется I—III вв. н. э. При этом в самых нижних горизонтах, так же как и в верхних, встречаются фрагменты, относящиеся к концу этого периода. Видимо, мы имеем здесь дело с большой мусорной свалкой, а не с естественно нараставшим культурным слоем. Это подтверждается и характером находок и почти полным отсутствием архитектурных остатков. На первом раскопе они очень незначительны.

В северной части обнаружена очень плотная и крепкая вымостка из мелкого рваного камня и небольших фрагментов керамики. Под вымосткой, так же как и над ней, лежит культурный слой. Культурный слой, подстилающий вымостку, и слой, ее перекрывающий, содержат керамику одних и тех же форм, т. е. оба слоя относятся к одному и тому же времени. Это можно объяснить только тем, что вымостка, сразу же после того как она была выложена, вновь была засыпана мусором. О том же можно судить и по состоянию поверхности вымостки — совершенно не заметно, что по ней ходили; она не подверглась ни стиранию, ни деформации, что было бы неминуемо (особенно учитывая мягкость подстилающего грунта), если бы она долгое время находилась на поверхности. Вымостка была прорезана большой ямой обычной для зерновых ям грушевидной формы. Диаметр дна около 1,8 м, диаметр отверстия, прорезанного в вымостке, около 1,2—1,4 м. Глубина ямы от дневной поверхности вымостки 2,2 м. Общая глубина ямы была, повидимому, больше, так как горловина находилась в свое время выше вымостки и была значительно уже пробитой для нее дыры. Об этом свидетельствует каменная крышка, обнаруженная внутри ямы. Она имеет вид каменного (известнякового) диска, диаметром около 0,65 м и толщиной около 0,10 м. Вместе с крышкой внутри ямы обнаружены и другие грубо обработанные, неправильной формы известняковые плиты. Всего их оказалось около 20; в одной из них в центре пробито отверстие. Беспорядочное расположение плит указывает на то, что они упали в яму сверху, вероятно при разрушении горловины. Завал плит лежал не на самом дне, а на 0,3 м выше, на слое мусорной супеси. Это свидетельствует о том, что яма в течение некоторого времени стояла пустой и успела частично заполниться мусором, прежде чем ее горловина обрушилась. Нижняя часть ямы была выдолблена в материковой скале.

Повидимому, яма предназначалась для хранения зерна, хотя никаких зерновых остатков внутри не было. Вся яма оказалась заполненной мусорной землей, содержащей остатки керамики тех же форм и типов и

того же времени, что и керамика всех культурных напластований этого раскопа.

История жизни на этом участке, судя по раскопанным остаткам, рисуется в следующем виде. Здесь была мусорная свалка, образовавшаяся прямо на материковом скалистом грунте. Затем была расчищена какая-то площадь, заботливо вымощенная мелким камнем и фрагментами керамики; она, однако, просуществовала очень недолго и вновь была завалена сверху мусором. Позднее в этой толще мусора вырыта большая зерновая яма, прорезавшая вымостку и углубившаяся в материковую скалу. Как эта яма использовалась, сказать трудно; во всяком случае ясно, что она недолгое время стояла пустой, затем была разрушена и заполнена тем же мусором. Единство керамических остатков во всех слоях раскопа и в заполнении ямы позволяет утверждать, что все описанные перемены произошли за сравнительно короткое время и относятся вероятнее всего к концу указанного периода (I—III вв. н. э.). Собранные материалы не позволяют пока провести более точные хронологические грани внутри этого периода.

Второй раскоп разбит к северо-западу от первого, на северном склоне городища.

На этом участке культурный слой изобилует крупными и мелкими обломками камня, известняковой щебенкой. По всей площади раскопа и во всех горизонтах встречаются завалы из рваного известняка. Видимо, этот участок города был густо застроен. Кроме бесформенных завалов и скоплений камня открыто несколько остатков древних каменных стен. Стены сложены насухо из камней неправильной формы и различных размеров, щели между камнями забиты мелкими камешками, щебенкой и засыпаны землей.

Определить функциональное назначение обнаруженных стен пока невозможно. Можно предполагать, что это стены каких-то помещений жилого или хозяйственного назначения, но это определится лишь после значительного расширения площади раскопа. Что касается кладки стен, то она очень напоминает кладку стен домов городища Илурата, что совершенно естественно, поскольку городище это и территориально и хронологически очень близко к исследуемому нами памятнику.

Что касается вещевого материала, то весь он (поскольку он может быть датирован) относится к одному периоду — к первым векам нашей эры, причем хронологически вряд ли ранее I в. н. э. и позже III—IV вв. н. э. Предметов, относящихся к более позднему времени, не встречено. К более же раннему времени могут быть твердо отнесены лишь несколько совершенно незначительных фрагментов, найденных в культурном слое вместе с керамикой и иными предметами начала нашей эры. К ним относится несколько обломков чернолаковой керамики, один из которых может быть датирован IV в. до н. э., остальные III—II вв. до н. э., несколько фрагментов посуды, покрытой коричневатым эллинистическим лаком, и несколько обломков эллинистических сосудов с росписью жидкой краской. Вся же остальная масса находок датируется уже первыми веками нашей эры.

Основную группу находок составляют, как обычно, фрагменты остроногих амфор различной формы и происхождения. В большом количестве встречаются обломки больших красноглиняных амфор с широким горлом и массивными ручками, круглыми в сечении, или профилированными бороздками по наружной поверхности и глубокой выемкой на внутренней. Боспорское происхождение этих амфор установлено достаточно твердо. Встречаются в таком же большом количестве амфоры привозные, с узким горлом и сложно профилированными ручками, выделанные из светложелтой малоазийской глины. Реже попадаются обломки амфор римского времени с двустольными ручками, реберчатых и других категорий.

Толстостенная керамика представлена сравнительно небольшим числом обломков пифосов, лутериев и плоскодонных чаш. Зато очень разнообразна по формам простая керамика, сделанная на гончарном круге и

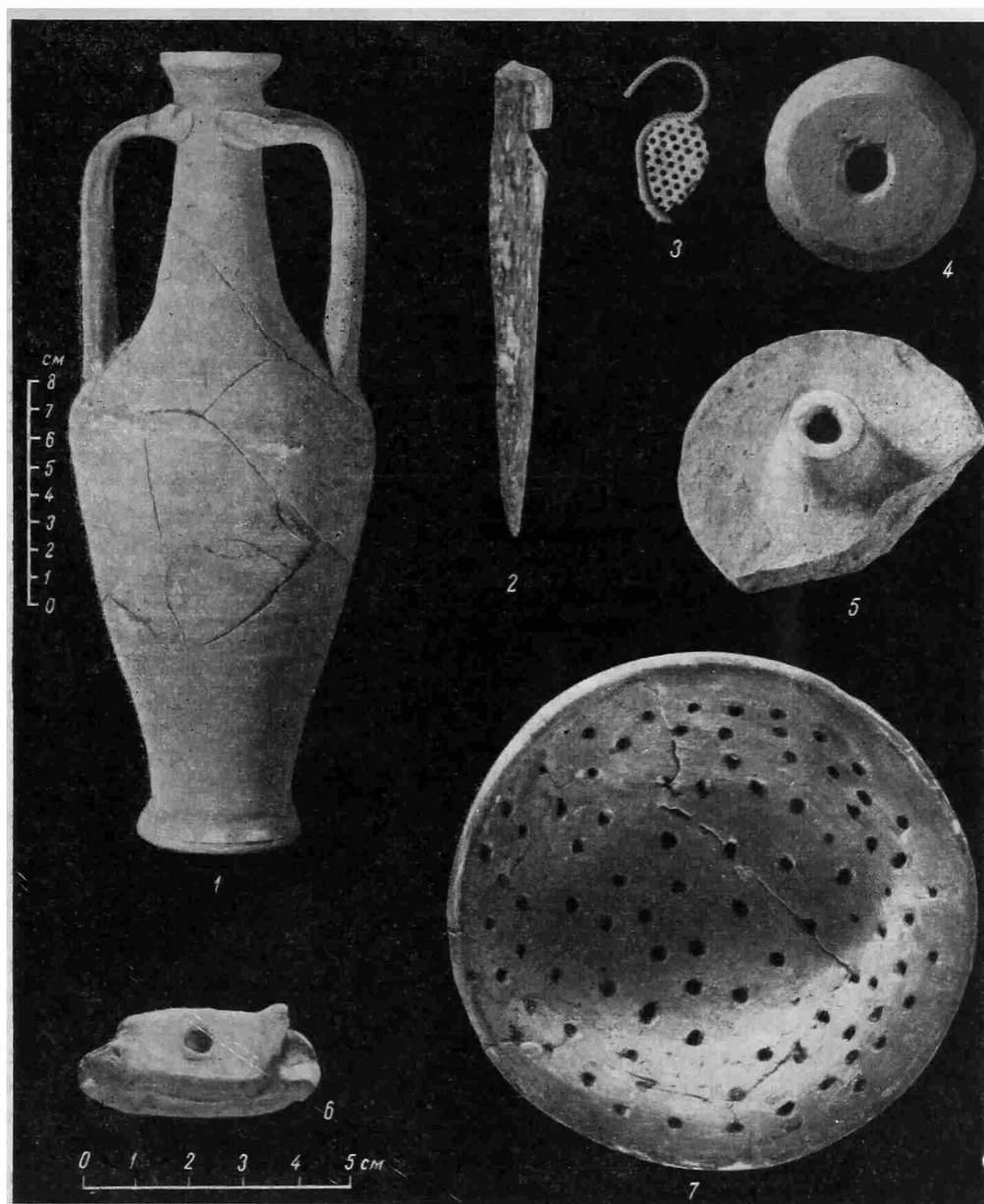

Рис. 41. Находки из раскопок Тасуновского городища:

1 — амфоровидный сосудик; 2 — костяная проколка; 3 — серебряная серьга; 4 — пряслице; 5 — глиняное колесико от повозки-игрушки; 6 — светильник-игрушка; 7 — лепной сосуд с отверстиями.

служившая в качестве хозяйственной, кухонной и столовой посуды. Здесь прежде всего нужно отметить большие тяжелые кувшины, с массивными, круглыми в сечении или, реже, витыми ручками; амфоровидные сосуды с двумя высокими ручками, узким горлом и сужающимся книзу туловом, но с плоским дном (рис. 41 — 1); тонкостенные кувшинчики и горшочки. с небольшими петельчатыми ручками и реберчатой поверхностью тулова

(рис. 42 — 5); массивные открытые чаши и тонкостенные чашки с вертикальным бортиком, подражающие по форме краснолаковым; сделанные из красной глины кастрюли и сковороды со следами копоты.

Очень обильны и разнообразны находки фрагментов лепной посуды. Вся она выделана из грубой, плохо промешанной глины, темносерого или черного цвета. По форме преобладают горшки с округлым туловом и плоским дном, иногда снабженные у венчика небольшой петельчатой вертикальной ручкой, и плоскодонные широко открытые чаши с отогнутым наружу бортиком. Встречаются и другие виды: кувшины и кувшинчики с вертикальными ручками, прямоугольными или овальными в сечении, глубокие чашки с почти вертикальными стенками, плоскодонные чаши с дырками, типа дуршлага (рис. 41 — 7), маленькие высокие горшочки и др. Дно всех этих сосудов всегда плоское, без поддона. Стенки обычно ничем не украшены и не заглажены. Лишь в единичных случаях встречается орнамент, выделанный палочкой или тростинкой (рис. 42 — 2, 4). Иногда на стенках имеются конические или продолговатые выступы или ложные ручки (рис. 42 — 1). Венчик или край сосуда часто бывает орнаментирован зазипами или вмятинами, сделанными пальцем, палочкой или иным каким-нибудь инструментом. Найдено несколько обломков зооморфных ручек от лепных сосудов (рис. 42 — 3).

Находки фрагментов лощеной керамики — чашек и кувшинов — единичны.

Очень богато представлена краснолаковая посуда, главным образом II в. н. э. Основной формой ее является чашка с вертикальным бортиком, но нередко встречаются блюда, кубки, закрытые сосуды, чашки иных форм и т. д. Большая часть краснолаковой посуды не орнаментирована, но попадаются отдельные фрагменты с штампованным орнаментом: насечки по дну чашек и блюдц, виноградная гроздь на стенке одного кубка; найдены фрагменты продолговатых краснолаковых блюд с двумя ручками и бортиком, украшенных штампованным орнаментом. На доннышке одной краснолаковой чашки имеется клеймо в виде ступни (рис. 42 — 6).

Кроме посуды, обнаружены светильники, грузила, пряслица, керамические пробки, терракотовые статуэтки.

Светильники очень разнообразны (рис. 43). Чаше всего встречаются лепные, открытые, корытообразные, с низкими бортиками и плоским дном (рис. 43 — 5) или закрытые, лепные же, однорожковые (рис. 43 — 1, 3, 4). Одному из таких закрытых светильников придана зооморфная форма (рис. 43 — 6). Реже попадаются обломки чашеобразных на высокой ножке и закрытых светильников античных форм. В одном из них, имеющем обычную форму закрытого римского однорожкового светильника, сохранились остатки фитиля, пропитанного смолой или нефтью (рис. 43 — 7). Интересна находка маленького светильника-игрушки (рис. 41 — 6) и колесиков от терракотовых повозок-игрушек (рис. 41 — 5).

Собрано несколько экземпляров керамических грузил. Они обычной пирамидальной формы, с одним или двумя отверстиями. На одном из них замечен какой-то неясный оттиск. Кроме керамических, найдено круглое каменное грузило.

Особенно интересны разнообразные терракоты, в большом числе найденные при раскопках (рис. 44 и 45). Все они местного боспорского производства и очень отличаются от обычных типов античной терракоты. В то же время они резко отличаются друг от друга по стилю и по сюжетам изображений. Одни подражают греческим формам, другие совершенно самобытны и оригинальны и явно не связаны с античными традициями. В последней группе особенно интересна миниатюрная фигурка нагой богини с расставленными руками и ногами (рис. 45 — 3) и чрезвычайно грубо выполненная антропоморфная головка, на которой схематически обозначены лишь нос и

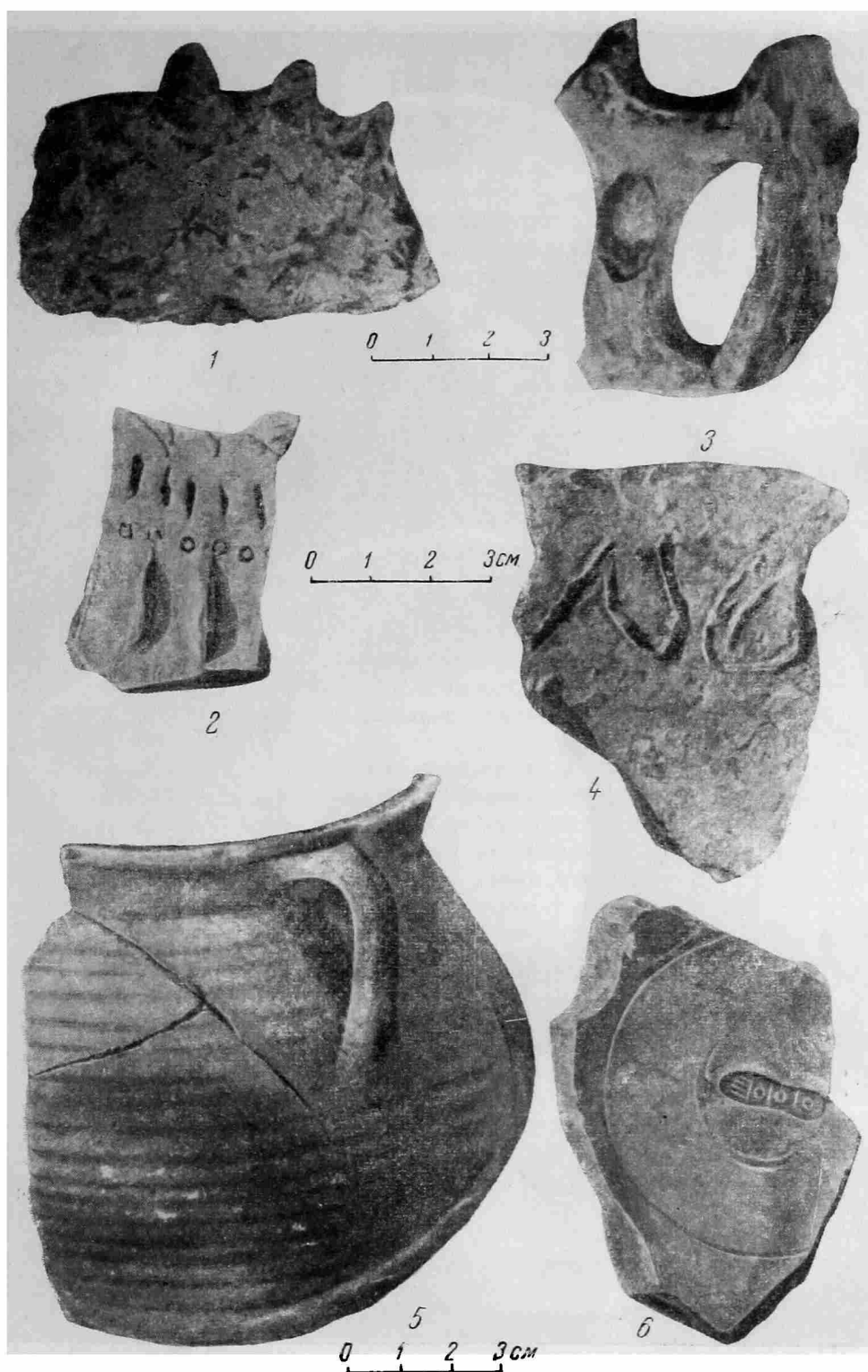

Рис. 42. Находки из раскопок Тасуновского городища:
 1-4 — обломки лепной керамики; 5 — обломок тонкостенного горшочка; 6 — обломок
 краснолаковой чашки с клеймом.

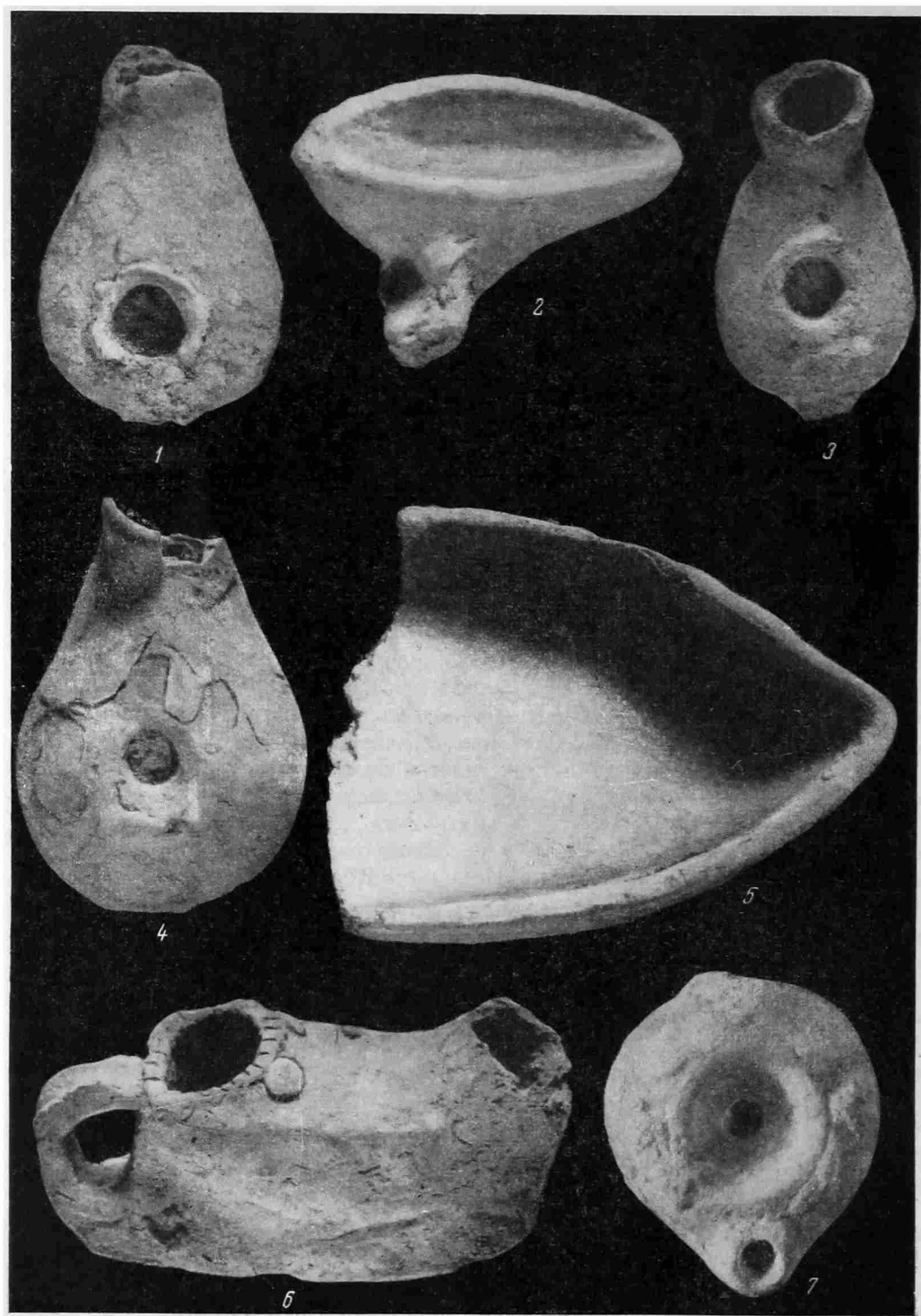

Рис. 43. Святильники из раскопок Тасуновского городища.

глаза (рис. 45 — 4). Более обычны многочисленные находки терракотовых богинь в покрывале или в калафе и покрывале и фрагментов фигурок с подвесными ногами¹ (рис. 44 — 1, 2, 4; рис. 45 — 1, 2).

Особняком стоит находка большой протомы богини греческого облика, вероятно Афродиты (рис. 46), сохранившей следы полихромной росписи (розовая и голубая краска). Кроме того, собраны обломки масок², фигурки животных (рис. 45 — 5).

Довольно многочисленны находки обломков стеклянных сосудов, иногда очень тонкого, иногда толстого стекла. Однако крайняя фрагментированность их не позволяет в большинстве случаев определить форму сосудов.

Костяные изделия представлены лишь несколькими экземплярами игл для вязания сетей или проколов (рис. 41 — 2) и одним лошлом, изделия из камня — двумя точильными камнями и каменным ядром.

Из строительных материалов, кроме рваного камня, чаще всего встречаются куски обмазки очагов или глинобитных стен. Обломков черепицы найдено всего лишь несколько, а штукатурки и цемьянки по одному кусочку.

Металлических изделий собрано сравнительно немного: железные и бронзовые гвозди, бронзовые стерженьки и пластинки, фрагмент фибулы, неопределимые обломки железных и бронзовых изделий. Наиболее интересна находка серьги, изготовленной, повидимому, из очень плохого серебра. Она имеет вид тоненькой ажурной пластинки, воспроизводящей форму виноградной кисти (рис. 41 — 3).

Монет найдено несколько; все они боспорские и относятся к первым двум векам нашей эры.

Очень незначительны и эпиграфические находки: клеймо на горле узкогорлой амфоры, несколько букв в лигатуре, выдавленных на обломке горла амфоры, и два граффити, содержащих одиночные буквы, на простых сосудах.

На расстоянии около 100 м к востоку от городища на соседнем холме обнаружены вырубленные в скале два склепа, открытые и лишь наполовину заполненные землей (рис. 47). Один из них был зачищен с целью изучения его архитектуры. При зачистке вещей не обнаружено: склеп был начисто разграблен и, вероятно, долгое время стоял открытым. Стены и потолок покрыты копотью от разведившихся костров.

В погребальную камеру ведет небольшой, круто спускающийся дромос. Длина его более 1,3 м, ширина 0,9—1,2 м, глубина до 1,6 м, высота входа в камеру 1,6 м, ширина 1,0 м.

Погребальная камера представляет собой обширное помещение, почти прямоугольное в плане. Длина его около 4,6 м, ширина 3,5 м, высота в среднем 2,0 м. Стены почти отвесные, потолок имеет вид чуть вспарушенного свода.

В глубине камеры находится лежанка, идущая вдоль всей стены, противоположной входу; высота лежанки над уровнем пола 0,5 м, ширина 0,7 м (в восточном углу) — 1,5 м (в северном углу). Глубина пола камеры от поверхности почвы над ним около 4 м.

Склеп, принадлежащий некрополю исследуемого поселения, очень мало сходен со склепами, открытыми в окрестностях деревни Ивановки (Илурат).

Материалы, полученные при раскопках, позволяют сделать некоторые предварительные выводы о характере древнего поселения у дер. Тасуново. Оно возникло в I в. н. э. и просуществовало до III в. н. э. Отдельные фрагменты керамики раннего времени, изредка встречающиеся в более

¹ Подобная фигурка опубликована В. Ф. Гайдукевичем и С. И. Капошиной в СА, XV, 1951, стр. 186, рис. 16.

² Ср. КСИИМК, вып. XLV, стр. 107, рис. 46.

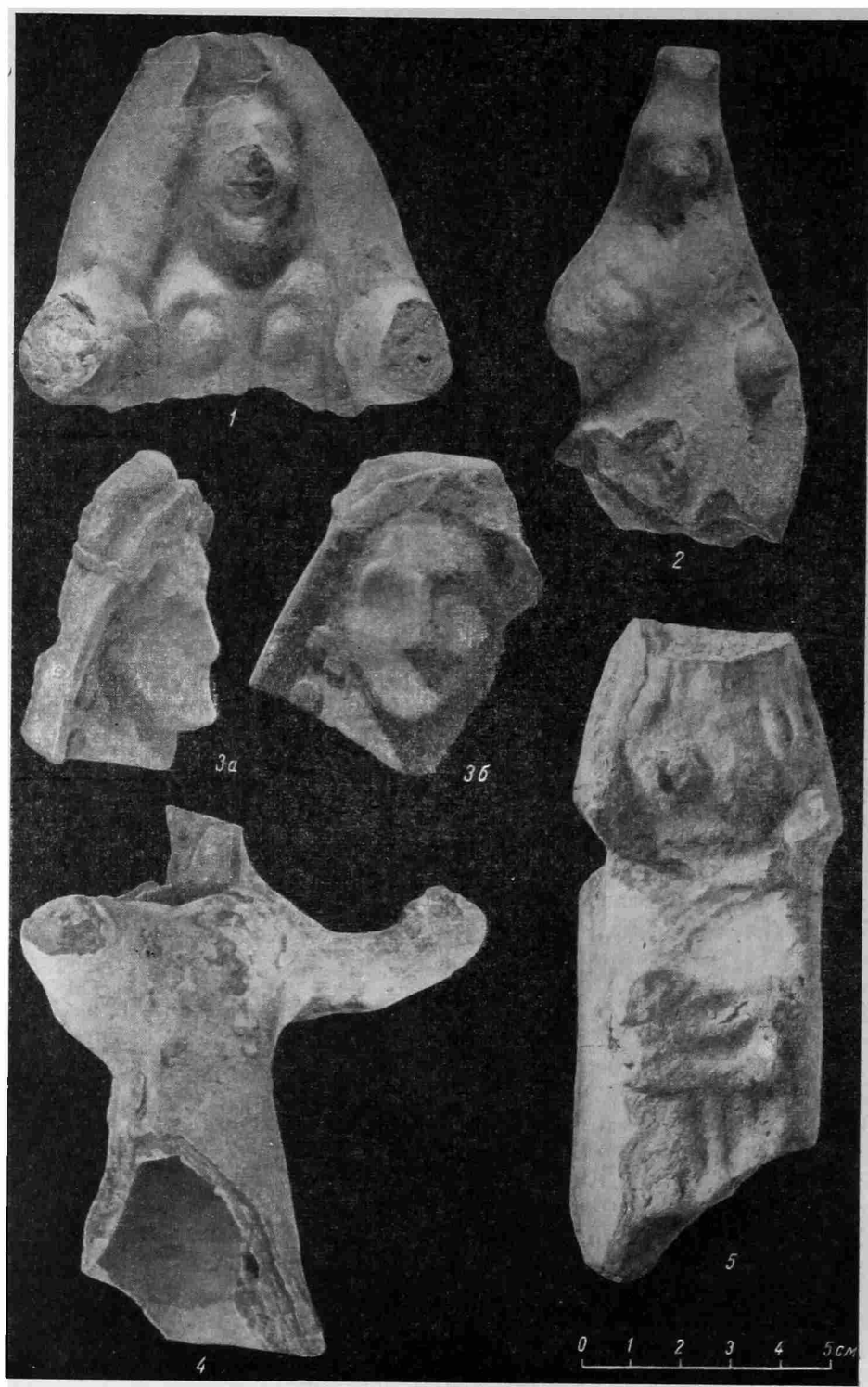

Рис. 44. Терракоты из раскопок Тасуновского городища.

Рис. 45. Терракоты из раскопок Тасуновского городища.

позднем культурном слое, свидетельствуют о том, что район этот был населен и раньше. Но занимало ли поселение эллинистического времени какую-то часть того же холма или находилось поблизости от него, пока сказать нельзя. В первых веках нашей эры жизнь на поселении протекала весьма интенсивно, о чем свидетельствует мощность и насыщенность куль-

Рис. 46. Терракотовая протома богини из раскопок Тасуновского городища.

турного слоя. Безусловно, поселение принадлежало местному населению, хотя и эллинизированному, но в значительной степени сохранившему свои хозяйственные и культурные традиции. Об этом особенно ярко свидетельствует обилие лепной керамики и своеобразие культовой терракоты. Говорить о племенном составе населения пока преждевременно, но можно отметить, что в керамике встречаются и скифские и сарматские формы.

Поселение было, повидимому, укреплено. Правда, раскопками оборонительные сооружения пока не вскрыты, но, вероятно, это чистая случайность. Само топографическое положение поселения на господствующей высоте, откуда далеко просматриваются (и простреливаются) окрестности, вблизи

оборонительного вала, перерезающего в этом месте Керченский полуостров, заставляет предполагать, что поселение у дер. Тасуново должно было являться значительным укрепленным пунктом. В пользу этого предположения говорит и находка каменного ядра. Не исключена возможность, что

Рис. 47. Склепы у городища Тасуново.

поселение играло примерно ту же роль пограничной боспорской крепости, какая была отведена поселению у деревни Ивановки (Илурад). Близкое расположение двух этих пунктов, одинаковое их отношение к оборонительному валу, сходство топографического положения, хронологическое соответствие и большая близость в характере находок позволяют предположить, что вновь открытое поселение было как бы двойником Илурата.

И. Б. ЗЕЕСТ

РАСКОПКИ ГЕРМОНАССЫ

Исследование античных слоев Таманского городища в 1952 г. производилось одним из отрядов Таманской экспедиции, руководимой Б. А. Рыбаковым. В задачу отряда входило выяснение общей мощности культурных напластований и изучение стратиграфии античных слоев.

Раскопки были начаты на дне большого котлована в юго-западной части городища, где средневековые слои тмутараканского времени уничтожены современным строительством.

Как показали раскопки на площади 120 м², глубина античных напластований достигает здесь 9,8 м, а верхний горизонт античного слоя находится на глубине 3,6 м от современного уровня (рис. 48). Установлено наличие десяти культурных слоев античного времени, отложившихся в период VI в. до н. э. — IV в. н. э. Стратиграфия слоев Гермонассы на участке раскопок представляется следующим образом:

Слой	Период	Глубина слоя, м	Толщина слоя, м
10	IV в. н. э.	3,99	0,42
9	III " "	5,25	1,22
8	II " "	5,86	0,65
7	I " "	6,32	0,46
6	I в. до н. э. — — I в. н. э.	6,46	0,14
5	II в. до н. э.	6,61	0,15
4	III " "	7,16	0,55
3	IV " "	7,76	0,6
2	V " "	8,96	1,2
1	VI—V " "	9,8	0,84

Мощность слоев различна, так же как и степень их насыщенности культурными остатками.

Раскопки позволили не только выяснить условия стратиграфии слоев, но и сделать некоторые выводы о характере культурных напластований, связанных с данным участком города.

Наиболее ранний слой Гермонассы относится к VI—началу V в. до н. э. На глубине 9,0 м обнаружена цокольная часть здания, представляющая собой гряду шириной около 0,8 м, выложенную из мелкого рваного камня и черепков керамики. Черепяно-каменный цоколь (рис. 48—9)¹

¹ Цифрами в скобках обозначены номера объектов на разрезе раскопа (см. рис. 48).

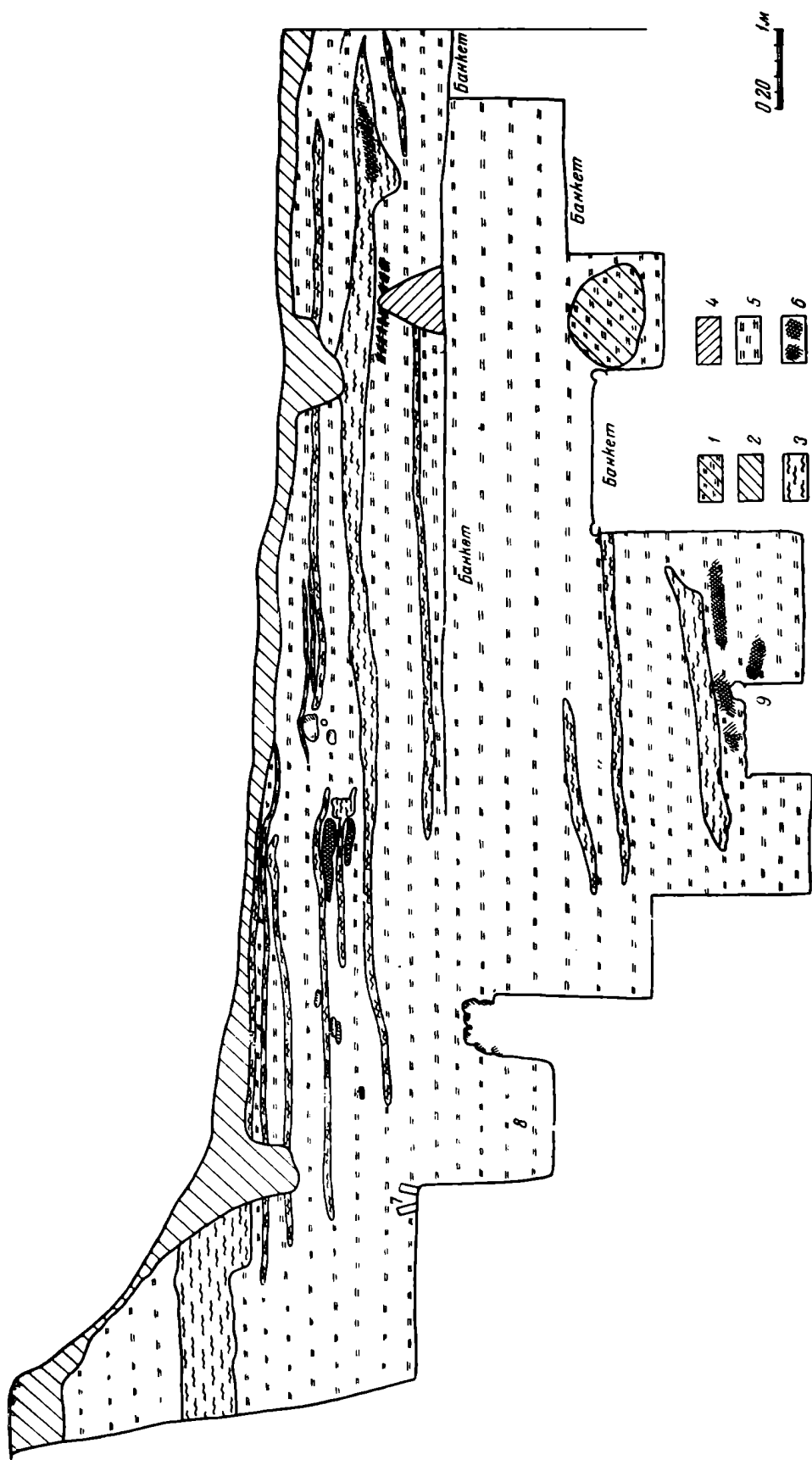

Рис. 48. Гермонасса. Профиль восточной стенки раскопа 1952 г.:

1 — гумусированный суглинок; 2 — гумус, современный наносный слой; 3 — зола; 4 — яма; 5 — суглинок; 6 — сырец (цифрами на профиле обозначены вскрытые объекты); 7 — водосток; 8 — гончарная печь; 9 — черепно-каменный докол.

образует прямой угол и уходит двумя концами в западный и восточный борта раскопов. Обломки керамики лежат сплошным слоем, частично покрывая камни, частично прямо на земле. Обломки керамики крупные, с острыми краями, принадлежат преимущественно хиосским амфорам VI—V вв. до н. э.

Вдоль наружной части цоколя мелкие камни выложены грядой, образуя бортик высотой 15—20 см. Стены постройки были сложены из сырцовых кирпичей, о чем свидетельствуют устройство цоколя и скопление разложившегося сырца над ним. Светложелтое пятно развала сырцовой стены заметно в профиле борта раскопа, где можно проследить размеры отдельных кирпичей длиной 50 и 24 см, высотой 6—8 см.

Среди находок преобладают обломки привозных амфор, преимущественно хиосских, второй половины VI—начала V в. до н. э., самосских и других неизвестных ионийских центров производства. Прочие находки состоят главным образом из обломков импортной художественной керамики. Среди них интересны три фрагмента коринфских сосудов второй половины VI в., край мелкофигурного килика, обломки асков с полосатой росписью, финикийского стекла и часть ионийской терракоты, принадлежащей к типу изображений богини, сидящей на троне. Датируются все эти находки временем не ранее второй половины VI в. до н. э.

Кроме привозной керамики, встречено два обломка лепных лощеных сосудов с процарапанным орнаментом VI в. до н. э., один из которых, возможно, относится и к более раннему времени.

В слоях V и IV вв. до н. э. архитектурных остатков не обнаружено, однако большое количество находок свидетельствует об интенсивной жизни города в этот период.

Среди находок в слое V в., наряду с привозными остродонными амфорами, видное место занимают остатки аттической чернолаковой и расписной керамики. Интересен обломок фигурного аска конца V в. до н. э., со сливом в виде львиной маски. Кухонной посуды, выработанной на гончарном круге и лепной, сравнительно мало. Черепицы и костей животных нет.

В слое IV в. до н. э. среди импортной аттической керамики заметно выделяются боспорские керамические изделия: столовая посуда, в том числе чашки, расписанные полосами, и красноглиняные боспорские амфоры. Черепицы мало и значительную ее часть составляет синопская. Заслуживает упоминания находка синопского антефикса в виде розетты и обломок терракоты: нижняя часть стоящей женской задрапированной фигуры, которая по характеру глины может быть отнесена к числу гераклейских изделий (рис. 49—3).

Среди привозных амфор синопские раннего типа и гераклейские занимают видное место. Встречаются в большом количестве хиосская керамическая тара IV в. до н. э., а также те группы амфор, проникновению которых на Боспор способствовала аттико-боспорская торговля: фасосские, амфоры с «рюмкообразной» ножкой и другие¹.

Лепная посуда в этом слое попадает редко. Следует отметить находку двух обломков сероглиняных боспорских сосудов, поверхность которых покрыта сплошным черным лощением высокого качества. Большой интерес представляют несколько обломков больших толстостенных сосудов темной глины с орнаментом в виде насечек, нанесенных зубчатым штампом. Сосуды, которым принадлежат эти обломки, двух разных типов: большие миски с отогнутыми массивными краями, по наружной поверхности которых нанесены штампом крестообразные насечки; большие пифособразные сосуды (до 1 м высоты); по плечам их проходят один или два низких валика, по которым нанесены такие же насечки в одном направлении (рис. 49—1, 2).

¹ См. МИА, № 19, стр. 110, рис. 1, 6; стр. 111, рис. 2, 6; стр. 114, рис. 3, 1—3.

Эти обломки были обнаружены в слоях V и IV вв. до н. э. Аналогичные находки встречались и в других городах Боспора¹, широко известны они в Западном Закавказье².

В слоях V и IV в. до н. э. почти нет мусорных кухонных отбросов: костей животных, раковин моллюсков. Черепицы сравнительно мало. Встречаются обломки боспорских тонкостенных кастрюль и чашек с утолщенным

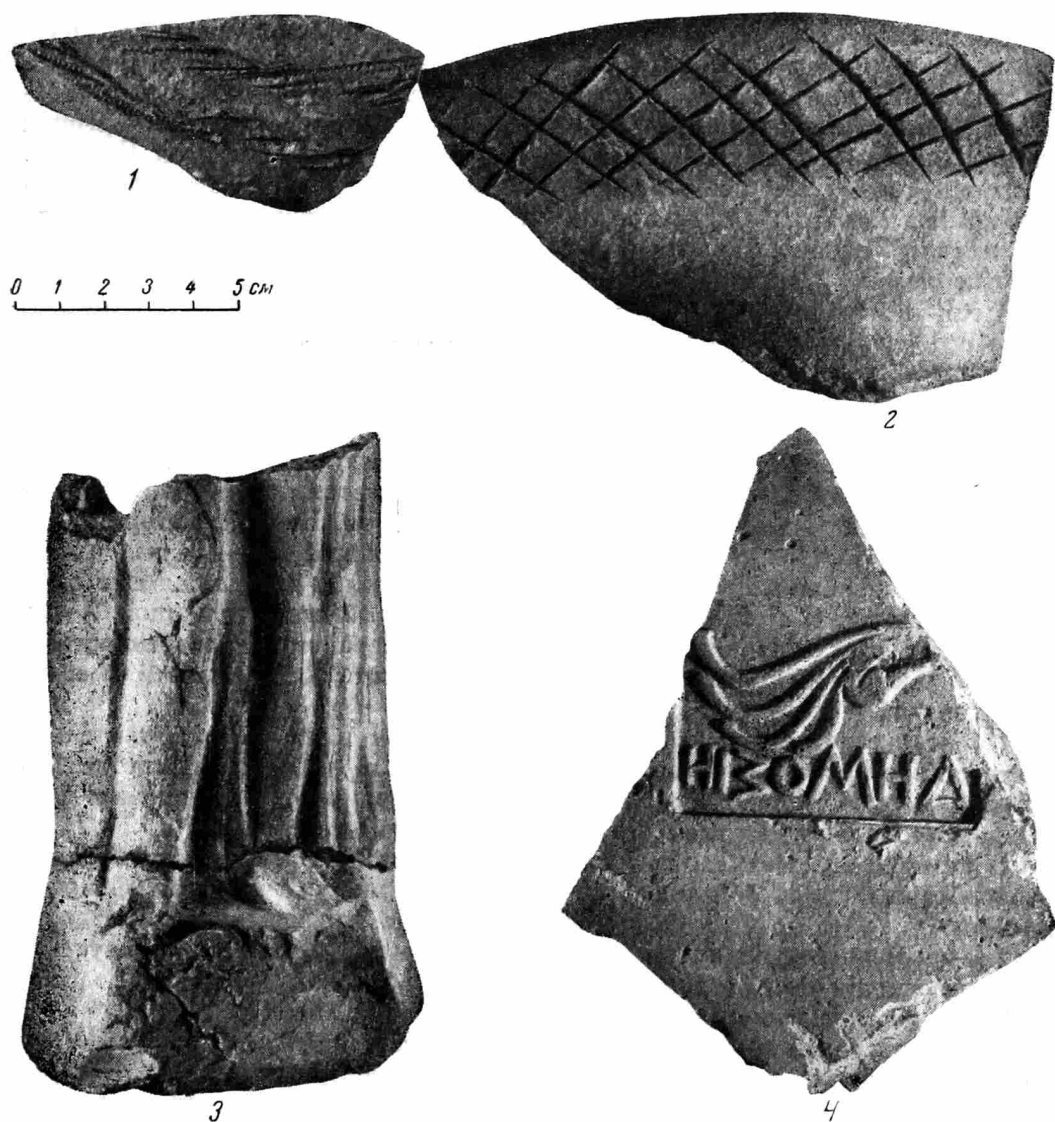

Рис. 49. Керамические изделия из раскопок Гермонассы:

1-2 — обломки толстостенных сосудов; 3 — фрагмент гераклейской терракоты; 4 — обломок сипонской черепицы с клеймом

краем в форме полувалика. Почти во всех горизонтах встречались мелкие обломки белого мрамора; обнаружен мраморный блок, размером $14 \times 8 \times 6$ см, с хорошо обработанной гладкой поверхностью.

В числе находок несколько бронзовых наконечников стрел обычных типов IV—III в. до н. э.

¹ В. М. Скуднов а. Колхидские монеты и пифосы. ВДИ, № 2, 1952.

² Б. А. Куфтин. МАК, т. II, стр. 93—94, рис. 24, 25; табл. 7, 10, 18, 34 и др.

Слой III в. до н. э. содержит больше мусорных включений, чем предыдущие.

Среди находок выделяется большое количество обломков боспорской посуды — кастрюль, а также боспорских и привозных амфор. Черепица — преимущественно боспорская, синопской сравнительно немного. Большой интерес представляет находка обломка синопской черепицы с клеймом ΔΗΜΟΣΙΝ (рис. 49 — 4).

Боспорская черепица, как показали исследования, производилась царскими черепичными мастерскими в Пантикапее по стандартным образцам¹. За последние годы, благодаря раскопкам других городов Боспора (Фанагории, Феодосии, Горгиппии²), представляется несомненным, что черепица изготовлялась не только в Пантикапее, но и в других центрах Боспора. Раскопки Гермонассы дают возможность выделить группы черепицы, привозившейся сюда из разных городов Боспора и, вероятно, изготовлявшейся на месте. В наибольшем количестве здесь встречается пантикапейская и фанагорийская. Фанагорийская черепица отличается от пантикапейской иной глиной, свойственной керамическим изделиям этого центра, и некоторыми особенностями формы. Фанагорийский солен тоньше пантикапейского (до 2 см и тоньше). Выступающий вдоль верхнего края валик, служащий для сцепления с вышележащей черепицей, помещен близко к краю (1,5—2 см от него), в то время как на пантикапейских соленах он обычно отстоит на 4—5 см от края. Валик невысок и в соответствии с этим на вышележащем солене «зуб» для сцепления тоже менее выдается, чем на пантикапейских. Его высота (вместе с толщиной плиты) 4,7 см. Борты фанагорийского солена имеют высоту 5—5,5 см, ширина не превышает 2,2—2,6 см.

Кроме пантикапейской и фанагорийской черепицы, попадает еще одна группа, возможно местного производства. Эти солены, толщиной 2 см, отличаются светлокорицневой чистой глиной. Характерная особенность — сравнительно тонкие борты (менее 2 см) при высоте 5 см. Валик для сцепления низкий и отстоит от края на 2,5—3 см.

По количеству синопская черепица в слое III в. до н. э. решительно уступает боспорской, в то время как в слое IV в. до н. э. она составляла преобладающую группу. Местные боспорские керамические изделия в слое III в. преобладают над всем прочим керамическим материалом.

В отличие от Пантикапея, где формы чашек эллинистического времени разнообразны, здесь обычно встречается один тип, уже отмеченный среди материалов IV в. до н. э. Это расписные чашки, орнаментированные полосками, нанесенными по принципу «краснофигурной» техники: вся внутренняя поверхность сосуда покрывается белой обмазкой и лишь полоски остаются незакрашенными, сохраняя красный тон глины.

Краснофигурная техника в Аттике изживается уже к концу IV в. до н. э., уступая место в III в. накладному орнаменту типа гнафия. Сохранение приема краснофигурной техники на Боспоре, так же как и способа орнаментации сосуда полосами³, характерного для ионийской керамики VI—V вв. до н. э., является своеобразной особенностью местной расписной керамики IV—III вв. до н. э., где эти приемы росписи бытовали длительное время и были наиболее распространенными. Кроме чашек описанного типа,

¹ Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. Изв. ГАИМК, вып. 104, стр. 202; В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. Изв. ГАИМК, вып. 104, стр. 211 сл.; Н. Я. Мерперт. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. МИА, № 19, стр. 227 сл.

² В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 246, рис. 796; Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре. СА, XXI, стр. 119 и сл.

³ В. Д. Блаватский. Очерки по искусству Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1947, стр. 36.

обнаружены разнообразные виды посуды местного производства: тарелки, рыбные блюда и пр. Особо следует отметить множество боспорских кастрюль.

Сравнительно обильны находки монет в этом слое, так же как и в слое IV в. до н. э., причем более половины всех найденных на раскопе монет относятся к IV—III в. до н. э.¹

Слой II в. до н. э. выражен неясно. Культурные отложения крайне незначительны (15 см). Кроме того, слой перекопан и содержит много находок более раннего времени. Как и в слое III в. до н. э., здесь много эллинистической боспорской черепицы и простой кухонной и столовой боспорской посуды. Обращает внимание отсутствие родосских амфор и метарских чаш, характерных для конца III и II вв. до н. э. в больших городах Боспора.

Слой I в. до н. э.—I в. н. э., как и предшествующий, мало выразителен. Архитектурных остатков этого времени не обнаружено. Среди находок выделяются обломки светлоглиняных амфор, овальные ручки синопских амфор I в. до н. э.—I в. н. э. Наряду с ними — массивные овальные непрофилированные ручки красноглиняных амфор, которые также могут быть отнесены к позднеэллинистическому или раннеримскому времени. Черепицы меньше, но вся она относится к эллинистическому времени и преимущественно боспорская.

Слой I в. н. э. насыщен культурными остатками, среди которых, однако, мало кухонных отбросов (костей животных, раковин и пр.). Много боспорской черепицы эллинистического времени. Часто встречаются обломки пифосов и боспорской кухонной посуды. Много различных типов лепной посуды и обломков светлоглиняных амфор и краснолаковой посуды I в. н. э.

Этот слой сравнительно обилен архитектурными остатками. Вскрыто помещение с печью (рис. 48—8), повидимому производственного назначения, и каменные кладки стен, примыкающие к этому помещению. Печь круглая в плане, диаметр ее 1,15 м, длина с юга на север, до наружного края устья, 1,55 м. Сохранилась только топочная часть печи (рис. 50). Стенки выложены из камней крупной и средней величины, уложенных в два яруса на высоту 30—38 см. Поверх кладки лежат плашмя в один слой сырцовые кирпичи толщиной 7—8 см. С внутренней стороны кладка покрыта слоем глиняной обмазки, сильно обожженной и шлакированной под действием огня. Обмазка сохранилась частично. Местами прослеживается слой вторичной обмазки, на поверхности которого заметны глубокие желобки — следы пальцев, сглаживавших глиняную поверхность печи. Топочное отверстие, выходящее к северу, устроено из двух параллельно уложенных камней и плиты, образующих порог перед устьем. Пол топки и устья земляной. В середине топочного помещения выложен из сырцовых кирпичей круглый столб. Высота сохранившейся части столба 0,25 м, его диаметр 0,45 м. Внутренняя часть топки была заполнена обвалившимися кусками глиняной обмазки и

Рис. 50. Гончарная печь I в. н. э.

¹ По определению Д. Б. Шелова, из 42 найденных монет восемь относятся к IV в. и 21 к III в. до н. э.

сырцовых обгорелых кирпичей. Среди них — кирпичи клиновидной формы, свидетельствующие о том, что печь имела кирпичный свод. Устройство перекрытия топки не совсем ясно. Никаких следов пода с продухами, обычно применявшегося в обжигательных печах на Боспоре, не обнаружено. Возможно, что перекрытие топочной камеры было устроено подобно печам на Елизаветинском городище, на что указывают находки глиняных «подушек», одна из которых была обнаружена в кладке стены помещения. Обломки таких же «подушек» были встречены и в развале печи.

В елизаветинских печах подобные подушки укладывались ровной поверхностью вверх таким образом, что они опирались одной стороной на центральный столб, а другой — на стенку топки, которая была немного скошена. При этом между подушками образовывались отверстия, через которые проходил горячий воздух в обжигательную камеру¹. В гермонасской печи стенки топочной части вертикальны, однако не исключена возможность, что глиняные подушки укладывались у основания свода на выступ, образованный кирпичами, уложенными плашмя на каменную кладку топочной камеры.

Топка заглублена по отношению к полу помещения на 0,25—0,30 м и вокруг печи выложено несколько плоских камней, образующих род каменной вымостки.

По устройству топочной камеры с центральным столбом раскопанная гончарная печь является обычным на Боспоре типом производственных печей, но конструктивная особенность перекрытия при помощи глиняных подушек впервые засвидетельствована здесь; этот строительный прием мог быть привнесен местным населением Прикубанья.

Никаких производственных остатков при расчистке печи не обнаружено, но в слое, перекрывавшем печь, найден обломок керамической подставки для обжига сосудов, которая была муфтообразной формы с прорезанным треугольным отверстием.

Среди находок в слое, перекрывающем помещение с печью, выделяются привозные светлоглиняные узкогорлые амфоры I—II вв. н. э. и красноглиняные боспорские амфоры с гладкими стенками. Обнаружено много обломков пифосов, среди которых устойчиво повторяются два типа венцов: массивные, округло отогнутые, диаметром около 0,5 м, и прямоугольные в сечении, плоско срезанные сверху. Глина пифосов сходна с глиной светлокоричневой черепицы, что дает основание полагать, что эти пифосы и черепица изготовлялись в одном и том же центре, вероятно в самой Гермонассе. Встречено много боспорских тонкостенных кастрюль и лепной посуды. Следует особо упомянуть неоднократные находки обломков лепных чаш на высоком поддоне, форма которых хорошо засвидетельствована в сарматское время в Приазовье и Прикубанье. Краснолаковая привозная посуда вся I и II вв. н. э. Черепицы первых веков нашей эры, в изобилии встречающейся в Пантикапее и Фанагории, здесь нет. Попадаются измельченные обломки черепицы эллинистического времени. Отмечено много кухонных отбросов.

Слой, перекрывавший помещение с печью, соответствует времени гибели этого сооружения и относится ко II в. н. э.

В слое III в. н. э. вскрыты остатки каменных кладок небольших помещений и желоб водостока (рис. 48—7), сложенный из каменных плит.

Среди находок в этом слое выделяются обломки больших красноглиняных боспорских амфор с гладкими и реберчатыми стенками и широкими венцами и множество лепной посуды и сероглиняной с лощеной поверхностью. Обращает внимание отсутствие черепицы римского времени. Краснолаковой посуды сравнительно мало, и потому заслуживает особого

¹ Сведения об устройстве елизаветинских печей, раскопанных В. А. Городцовым, даны нам Н. В. Анфимовым.

упоминания находка нескольких обломков от одного краснолакового блюда с рельефным орнаментом, относящегося ко II—III в. н. э.¹

В слое IV в. н. э. неоднократно встречались зольники и скопления обожженной обмазки: остатки разрушенных очагов или печей. Выделяется лепная и сероглиняная посуда сарматского типа. Встречаются наиболее поздние типы боспорских амфор с высокими плоскими венцами, круглодонные реберчатые амфоры типа корчаг и узкогорлые светлоглиняные с круглыми в сечении профилированными ручками.

Находки монет единичны: в слоях III и IV вв. найдено всего пять монет (из общего числа 42). Черепицы нет.

Раскопки Гермонассы 1952 г. наметили стратиграфию культурных слоев города VI в. до н. э.—IV в. н. э. Наиболее богатые культурными остатками слои на данном участке образовались в течение VI—III вв. до н. э. и в I—III вв. н. э. Дальнейшие раскопки позволят установить, связаны ли эти слои с периодами наибольшего экономического и культурного расцвета города или слои II—I вв. до н. э. и IV в. н. э. оказались разрушенными в последующие периоды.

Раскопки дали сведения о городском строительстве, характеризуемом остатками постройки из сырцового кирпича на черепяно-каменном цоколе в слое VI в. до н. э. Обломки керамики широко применялись здесь, как и в Фанагории, в качестве строительного материала. Кровля крылась черепицей главным образом в досарматское время, а в позднеантичный период встреченные здесь постройки, повидимому, были перекрыты простой камышовой кровлей, обмазанной глиной.

В эпоху Спартокидов в Гермонассе было развито местное гончарное производство — изготовлялась посуда, пифосы и, вероятно, местная черепица.

Находки монет и привозных изделий свидетельствуют об оживленных торговых связях Гермонассы с другими боспорскими городами.

Большой интерес представляет открытая раскопками производственная печь, которая свидетельствует не только о наличии гончарного ремесла, но позволяет судить о некоторых технических приемах в гончарном производстве, известных местному населению Прикубанья.

В конце античной эпохи, в IV в. н. э., жизнь города не прекратилась, как во многих других боспорских городах. Слои, образовавшиеся в переходное время от античного периода к раннему средневековью, представляют особый интерес для изучения истории населения, обитавшего здесь в эпоху, предшествующую образованию древнерусского Тмутараканского княжества.

¹ Т. Н. К н и п о в и ч. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, стр. 307, рис. 7.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Н. А. ОНАЙКО

КРАСНОФИГУРНЫЙ ФРАГМЕНТ ИЗ ФАНАГОРИИ

Период наибольшего культурно-экономического расцвета Боспорского государства относится к концу V—началу III в. до н. э. Наряду с высокохудожественными произведениями местного творчества, в это время на Боспоре были широко распространены разнообразные произведения греческого искусства — архитектуры, скульптуры, вазописи и др. Их поставщиком были Афины, в отличие от эпохи архаики, когда Северное Причерноморье находилось в тесных связях с ионийскими городами побережья Малой Азии. Торговля хлебом с Атикой в V—IV вв. до н. э. способствовала установлению экономических и культурных отношений между Боспором и Афинами. Пантикапейский монетный двор при Левконе I, наряду с медными и серебряными монетами, стал впервые чеканить золотые статеры¹. Афины в это время ввозят на Боспор лучшие образцы художественной керамики. Широкий спрос на аттические изделия вызвал ввоз в Пантикапей в большом количестве ваз так называемого «керченского стиля». Аттическая керамика конца V—IV вв. до н. э., видимо, отвечала вкусам и пантикапейцев и фанагорийцев, о чем свидетельствуют, в частности, расписные фигурные вазы конца V в. до н. э., найденные в одном из фанагорийских погребений², и расписные вазы позднего краснофигурного стиля³. Одним из образцов такой привозной керамики является публикуемый фрагмент с изображением Дионисийской сцены⁴ (рис. 51). В известной мере он пополняет наши представления о характере художественных запросов господствующих кругов Фанагории на рубеже V—IV вв. до н. э.

Фрагмент этот найден в 1939 г. при раскопках Фанагории, среди обломков простой и чернолаковой посуды. Наибольшая длина его 17,5 см, высота 16 см, толщина стенки 0,8 см. Глина светлая, желтовато-коричневая. В свежем изломе она имеет оранжевато-коричневатый и желто-серый от-

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 171, табл. XL. 7—11.

² Б. В. Фармаковский. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Зап. РАИМК, вып. I, П., 1921.

³ С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. МАР, № 35, Пг., 1915.

⁴ В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 297, «Северный раскоп», 12-й слой.

Рис. 51. Изображение на фрагменте сосуда.

тенки. Это — результат условий обжига сосуда. Фрагмент покрыт блестящим черным лаком, местами имеющим коричневатый оттенок. На лицевой стороне видны следы предварительного рисунка по глине. Набросав его, мастер обвел кистью наружные очертания фигур и несколько закрасил фон. Лак нанесен неравномерно. Контуры каждой фигуры, членения тела, складки одежды и атрибуты исполнены пером, что придает рисунку четкость, несмотря на некоторую небрежность работы.

Детали обнаженного тела, волосы и борода силена, прически и платья женских фигур переданы черным, местами густым коричневато-золотистым разбавленным лаком. Глина и качество лака указывают на то, что сосуд выполнен в аттической мастерской. Судя по тщательности покрытия лаком внутренней стороны сосуда, значительному диаметру его (34 см) и толщине стенки, фрагмент является частью тулова кратера. С левой стороны сохранились следы ручки и орнамент у ее основания. Профиль фрагмента и характер ручки сосуда позволяют заключить, что это один из распространенных типов кратера—оксибаф. Публикуемый фрагмент представляет собой

верхнюю часть тулова оксибафа¹ и по размерам занимает одну шестую окружности.

Около ручки, обрамленной кольцом ов, изображена Менада с белой повязкой на голове. Она стоит, опираясь левой ногой на возвышение почвы, и держит в обеих руках тирс². Рядом с ней в профиль изображен силен, подносящий блюдо с гроздьями винограда сидящей на холмике Ариадне. Почва под ее ногами, как и повязка Менады, обозначена почти исчезнувшей белой краской. Наряд Ариадны богаче, чем Менады. Она изысканно поднимает правую руку, придерживая край одежды. Голова Ариадны повернута влево. Она смотрит на сидящего рядом с ней, вероятно, Диониса, от фигуры которого сохранились только части ног и одежды. Не исключена возможность, что центром композиции были Дионис и Ариадна; тогда можно предположить, что на этой стороне сосуда находилось шесть фигур.

Сцена представляет собой весьма распространенный, особенно в поздней краснофигурной керамике, сюжет фиаса: Диониса и Ариадну в окружении Менады и силенов³.

Изображение сидящей женщины с поднятой правой рукой, поддерживавшей край одежды, пользовалось популярностью в вазописи конца V в. до н. э. и следующего столетия⁴. Реконструировать всю фигуру Диониса трудно, но по оставшимся частям можно утверждать, что он сидел, очевидно, с тирсом, канфаром или гроздьем винограда в руках⁵.

Известны, но встречаются гораздо реже, и изображения прислуживающего силену с блюдом в руках. Нередко он изображается коленопреклоненным или идущим⁶. Сюжет рисунка — стоящая Менада с изогнутой в колене левой ногой, приподнятой на возвышение почвы — многократно встречается на вазах⁷. В скульптуре этого времени близкую композицию мы находим на рельефе балюстрады храма Ники Аптерос — в фигуре Ники, завязывающей сандалию⁸.

Фигуры тесно размещены на плоскости сосуда; объемный характер их достигается ракурсами. У фигуры стоящего силену нет резких членений туловища, мышцы рисованы без особых подробностей. Плечо силену дано в ракурсе, аналогично показана левая нога Менады.

Необычно для поздней краснофигурной керамики положение груди у Ариадны — одна грудь вправо, другая влево. Этот прием часто встречается на вазах первой половины V в. до н. э. В скульптуре раннего времени аналогией может служить трактовка груди Афродиты «Трона Людовизи»⁹. Эта особенность свидетельствует об известной склонности мастера-вазописца к сохранению традиций. Строго соблюдается профильное изображение глаза. По очертаниям оно приближается не к овалу, а к сферическому треугольнику. Глаз у силену помещен на надлежащем месте.

¹ Ближайшие аналогии воспроизведены у М. А. Richter. *Redfigured athenian vases*. London, 1936, II, табл. 171, рис. 155 и др.

² О том, что это тирс, говорят остатки листьев плюща на верхнем конце стержня.

³ E. Pfuhl. *Malerei und Zeichnung der Griechen*. München, 1923, III, стр. 231, рис. 581; S. Reinach. *Repertoire des vases peints grecs et etrusques*. Paris, 1899, I, стр. 41 (5—6), 198 (8—9).

⁴ S. Reinach, II, стр. 301 (1); M. A. Richter, II, табл. 157, 159, 160, 166, 168; E. Pfuhl, III, стр. 246, рис. 604; G. Nicole. *La peinture des vases grecs*. Paris et Bruxelles, 1926, табл. LI.

⁵ A. Genick, A. Furtwängler. *Griechische Keramik*. Berlin, 1883, taf. XL, XX; S. Reinach, II, стр. 200 (3), 303 (1); E. Portier. *Vases antiques du Louvre*. 3-me Série, Paris, 1922, стр. 286 сл., D. 529—530, табл. 154.

⁶ S. Reinach, I, стр. 198 (8—9); II, стр. 303 (1); A. Genick, A. Furtwängler, XL, XX.

⁷ S. Reinach, I, стр. 175.

⁸ В. Д. Блаватский. *Греческая скульптура*. М., 1939, стр. 113, рис. 100.

⁹ Там же, стр. 54, рис. 47.

У Менады и Ариадны глаз заметно сдвинут к скулам. У силены глаз полуминдальной формы, у женщин приближается к треугольнику. Зрачок подтянут к верхнему веку, он круглый у силены, у женщин вытянутый, чуть овальных очертаний. Одежда сохраняет, на первый взгляд, пышность и пестроту мидиева стиля. Легкие просвечивающие ткани, испещренные складками, составляют одно гармоничное целое с телом, подчеркивая его форму. Хитоны женщин украшены каймой внизу, у Менады в виде ряда треугольников, у Ариадны — волнистой линии. Они подпоясаны шнуром и образуют напуски. Верхняя часть хитона Ариадны стянута перевязью, крестообразно проходящей от плеча под грудью за спину. Нижняя часть ее фигуры задрапирована гиматием, украшенным крестиками и звездочками¹.

Ряд характерных особенностей росписи отличает публикуемый фрагмент от произведений Мидия² и поздних краснофигурных ваз керченского стиля³. На вазах керченского стиля IV в. до н. э. дается сильно упрощенный и выразительный рисунок, отличающийся живописной моделировкой фигур и обильным применением накладной краски. Для стиля Мидия характерна живая, подвижная трактовка сцен, богатство орнаментов на одеждах с бурно развивающимися драпировками. Фигуры свободно расположены на плоскости фона. Они утонченны и изысканны, детали тщательно выполнены, что характерно для росписи большей части ваз V в. до н. э.

Фанагорийский фрагмент занимает промежуточное место между двумя упомянутыми группами ваз. Роспись его выполнена небрежно и по сравнению с мидиевым стилем упрощена, но вместе с тем отличается большей тонкостью исполнения и графичностью, чем росписи на вазах керченского стиля. Ближайшей сюжетной и стилистической аналогией мы считаем роспись кратера с волютами из Болоньи мастера Аталанты⁴ и менее близкими другие его работы⁵. Эта роспись очень близка по сюжету (Дионис и Ариадна) и стилю изображениям на публикуемом фрагменте. Фигуры объемны, размещены очень тесно. Выполнены они небрежно и просто, в то же время сохраняется некоторая грациозность в движениях и пышность в одежде. Черты сходства проявились особенно отчетливо в композиции изображения сидящего Диониса и Ариадны, стоящей Менады (первая слева) с тирсом в руках и опирающейся левой ногой на возвышение почвы. Трактовка тела и одежды имеет также немало общих черт: легкая, прозрачная одежда со сходными перевязями на груди, на гиматиях совпадающие шнуры. Линии складок гиматия у пояса Ариадны на нашем фрагменте повторяют складки гиматия Ариадны на болонской вазе работы мастера Аталанты, творчество которого относится к концу V в. до н. э.

Итак, фанагорийский фрагмент, судя по глине, лаку и стилю росписи, — аттического происхождения. Он исполнен мастером Аталанты или возник в его кругу около конца V в. до н. э.

Отметим любопытную деталь дальнейшей истории публикуемого фрагмента: на его внутренней и особенно на внешней поверхности имеются процарапанные по поверхности лака примитивные рисунки⁶. На одном изображена человеческая голова, на другом профиль лица. Повидимому, эти

¹ Б. В. Фармаковский. Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн. СПб., 1902, стр. 528.

² E. P f u h l, III, стр. 239, рис. 593.

³ Там же, стр. 246, рис. 604.

⁴ Там же, II, стр. 586; III, стр. 231, рис. 581.

⁵ J. D. B e a z l y. Attische Vasenmaler des Kotfigurigen Stils. Tübingen, 1925, стр. 447, No 1.

⁶ 12-й слой раскопа датируется V в. до н. э. Полагаем, что рисунки на фрагменте были исполнены в классическое время, так как найден он уже с этими процарапанными изображениями.

рисунки нанесены на разбитую вазу уже в Северном Причерноморье и являются местным творчеством.

Публикуемый фрагмент, полихромные вазы конца V в. до н. э. и поздняя краснофигурная ваза — произведения художественного аттического ремесла, отвечавшие вкусам боспорских рабовладельцев вообще и фанагорийских в частности. Удобное месторасположение Фанагории дало ей возможность стать крупным торговым центром азиатского Боспора¹. Серебряные фанагорийские монеты V—IV вв. до н. э. носят более самостоятельный характер по отношению к пантикапейским, чем в последующие эпохи².

Археологические памятники Фанагории этого времени говорят об экономическом расцвете города. Это подтверждают, хотя и не столь многочисленные, золотые вещи из некрополя (находки в гробнице 1852 г.³), представляющие собой первоклассные образцы античной торевтики.

Именно в классическую эпоху начинается и интенсивное строительство города⁴.

В настоящее время особое внимание археологов, исследующих Северное Причерноморье, направлено на изучение своеобразия культуры отдельных городов. Такие своеобразные черты были свойственны и Фанагории. Они получили яркое выражение в творчестве фанагорийских мастеров (скульпторов⁵, коропластов⁶, гончаров⁷ и др.), но вряд ли могли сказаться на ввозе художественной керамики из Аттики, который был здесь примерно таким же, как и в других крупных городах Северного Причерноморья.

¹ Страбон, XI, 2, 10.

² А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 168 сл., табл. XXXIX, 43, 44, 45.

³ ДБК, 1855, XXXII, 14; XXI, 5, 14, 17.

⁴ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках 1936—1937 гг. Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 57 сл., «Город А», 9-й слой; е го же. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 287—300, «Сев.-зап. раскоп», 9-й слой; «Сев. раскоп», 11, 12-й слои.

⁵ М. М. Кобылина. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории. ВДИ, № 2, 1938, стр. 366 сл.

⁶ М. М. Кобылина. Терракоты Фанагории местного производства. ВДИ, № 2, 1949, стр. 107 сл.

⁷ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 1940 гг. МИА, № 19, 1951, стр. 189 сл. «Восточный раскоп», 1939 г.; «Восточный раскоп», 1940 г.

М. М. КУБЛАНОВ

ЗОЛОТАЯ БЛЯШКА ИЗ ЧМЫРЕВА КУРГАНА

(Некоторые черты заупокойного культа у скифов)

Среди находок из раскопок Чмырева кургана¹ очень интересна группа нашивных золотых бляшек с вычеканенными изображениями животных и людей. Значение этих находок как ценного исторического источника уже отмечалось. Были сделаны попытки раскрыть содержание изображений, представленных на этих пластинках. Выяснен религиозно-мифологический смысл некоторых сцен².

Наименее изученной оказалась золотая четырехугольная бляшка с изображением сцены борьбы двух мужчин (рис. 52). Минз, упоминая о ней³, не дает объяснения представленного изображения. Ростовцев признает ее культовой⁴. Однако он говорит об этом крайне бегло, должным образом не раскрывая и не аргументируя свое предположение. Все это побуждает нас более подробно рассмотреть изображение, представленное на этом интересном памятнике местной торевтики.

На бляшке изображены двое мужчин в традиционных длинных скифских штанах, обтягивающих ногу, и в коротких кафтанах с оторочкой по краю. На ногах мягкая обувь; лица бородаты; длинные гладкие волосы зачесаны назад и ниспадают на плечи. Местные торевты изобразили борцов в манере, принятой в художественных мастерских того времени для изображения скифов.

При довольно грубом и несовершенном исполнении всего рельефа и несмотря на безучастное выражение лиц, художник сумел положением корпуса и ног передать напряжение борющихся. Борцы обхватили друг друга руками, ноги расставлены широко и слегка согнуты в коленях, туловища наклонены. Все это в общих чертах напоминает то атлетическое состязание, которое в агонистических празднествах древней Греции известно под названием *πάλη* — борьба. В этом виде состязания перед греческими

¹ ОАК за 1898 г., стр. 27; Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии за 1898 г. ИАК, вып. 19, стр. 96; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 127; Н. Веселовский. Чмырев курган. «Гермес», № 11—12, август 1910 г., стр. 304.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 438.

³ E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 169.

⁴ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 439. Ср. M. Rostovtzeff. Scythen und der Bosphorus. 1931, стр. 388. В другой своей работе (M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 108) он отмечает, что сцену борьбы на бляшке надо поставить в связь с культом великой скифской богини, изображение которой вместе с ее священными — птицей и собакой — представлено на другой золотой бляшке из того же Чмырева кургана.

агонистами ставилась задача троекратно бросить противника на землю, пользуясь различными установленными приемами. Среди приемов¹, довольно широко запечатленных в вазовой живописи, скульптуре, нумизматике, мы не встречаем совершенно аналогичных изображенным на нашей пластинке², но некоторые могут быть признаны более или менее сходными. Этот вид состязаний встречается и в агонистических празднествах античных городов Северного Причерноморья, что засвидетельствовано, правда для более позднего времени, эпитафическими памятниками Ольвии³ и Херсонеса⁴.

Но несмотря на некоторые черты сходства между греческим *πάλη*, и борьбой, представленной на золотой бляшке, все же нельзя предположить, что на ней изображена одна из сцен греческих агонистических празднеств. Общеизвестна зависимость местных торевтов от вкусов своих потребителей⁵. Местный же характер производства бляшки, как и скифский облик изображенных борцов, не вызывают сомнения. Кроме того, следует иметь в виду, что греческие гимнические агонисты⁶ всегда изображаются нагими. Это обусловлено характером состязаний в агонах Греции, в которых натирание тела маслом, в особенности при борьбе, — неперемное условие, исключающее возможность выступления в одежде. Таким образом, сцена на бляшке хотя внешне и напоминает черты греческого *πάλη*, но она не может быть выведена из греческой агонистики. Не представляется возможным связать эту сцену и с местной мифологией или эпосом. Так, видеть в изображении борьбу двух противоположных начал или двух противопоставляемых друг другу героев не дошедших до нас частей скифского былинного эпоса мешает отсутствие каких-либо элементов символики, реалистический характер изображения и одинаковая трактовка одежды, лица, положения каждого из борцов. Как видно, мастер не стремился выделить и отличить одного из борющихся от другого⁷.

Рис. 52. Золотая бляшка из Чмырева кургана.

Остается, на наш взгляд, только одно объяснение сюжета бляшки из Чмырева кургана: изображена сцена игрищ, бытовавших в это время у местного населения.

В существовании у скифов таких игрищ-состязаний нет ничего исключительного. Этнография дает ряд подобных примеров⁸. Анализируя этнографические материалы, а также исторические, лингвистические и литературные источники, исследователи приходят к заключению, что у многих народов древности на определенной ступени общественного развития эти

¹ Наиболее характерные изображения приемов греческого *πάλη* представлены в работе E. N. Gardiner. *Athletics of the Ancient World*. Oxford, 1930, рис. 149—172; см. также L. Malten. *Leichenspiel und Totenkult*, M. R. т. 38/39, 1923/24, стр. 318, рис. 4.

² E. N. Gardiner. Указ. соч., рис. 151, 154.

³ IOSPE, I², № 156.

⁴ IOSPE, Ie, № 434, 435. Надписи эти датируются II в. н. э.

⁵ Ср. В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 171.

⁶ Борьба (*πάλη*) в греческих агонах по классификации древних авторов относится к *ἀγῶνες γυμνικοί*. В самом этом термине содержится указание на наготу состязующихся (Reisch Agones RE, т. I, 1894, стр. 837).

⁷ Трудно уяснить себе, чем руководствовался М. И. Ростовцев, охарактеризовавший в одной из своих работ эту сцену, как ритуальный акт, «при котором царская власть даруется молодому человеку царской фамилии» (M. Rostovtzeff. *The Great Hero of Middle Asia and his exploits*. Artibus Asiae, No 2/3 Leipzig, 1930/32, стр. 107).

⁸ W. Hyde. *Olympic victor monuments and Greek athletic art*. Washington, 1921, стр. 9; E. N. Gardiner. Указ. соч., стр. 14; L. Malten. Указ. соч., стр. 331.

игры связывались с заупокойным культом. Так, изображения похоронных игр-состязаний представлены в некоторых памятниках критского искусства¹, в древнейшей вазовой живописи Греции², в стенной росписи склепов Этрурии³. Следует отметить, что многие из известных агонистических празднеств античного мира (сохранявшие в той или иной мере на всем протяжении своего существования религиозные функции) связаны с заупокойным культом. Роде⁴, Керте⁵, Мальтен⁶ и др. приводят убедительные доказательства генетической связи агоний с древнейшими похоронными играми в честь героизированных умерших родичей и предков — родоначальников. Не составляют исключения в этом отношении и греческие олимпиады.

Древнейшее литературное свидетельство о состязаниях-игрищах в заупокойном культе — это описание у Гомера похоронных игр в честь Патрокла⁷. Показательно, что и здесь уже фигурирует *πάλη*.

Следует отметить, что игрища-состязания составляли существенную часть погребальных обрядов языческих славян⁸. А. Котляревский, например, подчеркивает, что само слово «тризна» в древнейших памятниках церковно-славянского языка «употребляется в смысле битвы, состязательного поприща — *ἀγών*, *certamen*, *στῆδῖον*»⁹. На это же указывает А. Н. Соболевский, отмечая, что слово «тризна» означает состязание, «борьбу», составлявшую часть похоронного обряда¹⁰. Состязания в память умершего сохранялись еще в прошлом веке у некоторых народов Кавказа, например у осетин¹¹.

Этот экскурс дает нам возможность правильно понять характер игрищ, изображенных на золотой бляшке из Чмырева кургана¹². Они, повидимому, были частью ритуала погребения и вместе с погребальным пиром¹³ должны были составлять один из существенных элементов заупокойного культа у скифов.

Геродот в своем рассказе о скифах не упоминает о похоронных игрищах, хотя он довольно подробно описывает обряды похорон¹⁴. Не могли они остаться и незамеченными автором, ибо там, где эти игрища бытовали, они занимали важное место в погребальном обряде. Таким образом, само собой напрашивается другое объяснение. Хронологически комплекс Чмырева кургана отстоит от времени скифского рассказа Геродота по крайней мере на полтора века. Остается поэтому предположить, что погребальные игры сложились в послегеродотово время.

Чрезвычайно интересны попытки некоторых исследователей обнаружить в самом виде состязания тот или иной ритуальный смысл¹⁵. Так, многие

¹ L. Malten. Der Stier in Kult und Mythischen Bild. JAI, 1929, t. 43, стр. 137.

² W. Hyde. Указ. соч., стр. 9.

³ E. N. Gardiner. Указ. соч., стр. 20.

⁴ Rohde. Psyche, I, стр. 151.

⁵ A. Körte. Die Entstehung der Olympionikeuliste. «Hermes». Berlin, 1904, t. 39, стр. 116.

⁶ L. Malten. Leichenspiel und Totenkult. M. R., t. 38/39, 1923/24, стр. 311.

⁷ Илида, II, XXIII.

⁸ А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 41, 42, 131, 132, 232, 233.

⁹ Там же, стр. 131.

¹⁰ А. Н. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии. Сб. Отд. русского языка и словесности Акад. Наук, т. 88, 1910, стр. 273.

¹¹ «Сборник сведений о Терской области», вып. I. Владикавказ, 1878, стр. 301.

¹² Факт нахождения этой бляшки в составе погребального инвентаря также приобретает определенное значение для понимания сюжета.

¹³ Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в Боспорских курганах. СА, XIV, 1950, стр. 124.

¹⁴ Herod., IV, 71—74.

¹⁵ E. N. Gardiner. Указ. соч., стр. 20.

факты говорят о том, что формирование погребальных игрищ в обряде похорон у некоторых народов отражает исторически складывавшуюся на определенной ступени общественного развития тенденцию смягчения обряда человеческих жертвоприношений при похоронах и постепенной замены их игрищами-состязаниями¹. Скифский материал в этом отношении никем не просматривался. Главная трудность такой работы кроется в несовершенстве методики старых раскопок скифских курганов и их фиксации². Однако, сравнивая описание Геродотом похоронных обрядов у скифов, где ритуальное убийство занимает столь исключительное место³, с данными раскопок, мы не можем не заметить, что нигде в раскопанных курганах послегеродотово времени не встречено такого большого числа одновременно умерщвленных людей, как в приведенном описании Геродота.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение этого вопроса, приобретающего самостоятельный интерес, мы все же можем отметить, что появление игрищ-состязаний (что, как мы полагаем, прочно устанавливается сценой на золотой бляшке из Чмырева кургана) свидетельствует о процессе изменения конкретных форм заупокойного культа у скифов в послегеродотово время⁴. Разумеется, это должно быть поставлено в связь с новыми социальными и экономическими явлениями того времени.

¹ Суммируя мнения ряда исследователей и опираясь на значительный фактический материал, Мальтен показывает, как эта тенденция проявляется в погребальном ритуале. Так, на определенной ступени, вместо ритуального убийства всех обреченных на жертву, между ними устраивается поединок — борьба не на жизнь, а на смерть. Этот жертвенный поединок в честь умершего, таким образом, оказывается смягченной формой ритуального убийства, при которой жертвами оказываются только побежденные. Этруско-римская гладиаторская борьба в ее исходной форме (как часть обряда похорон) — яркий тому пример. Дальнейшее смягчение этого обряда выражается в том, что смертельный исход в таком поединке-борьбе не оказывается неизбежным. Становится достаточной лишь возможность (в дальнейшем чисто символическая) пролития крови. Так первоначально складываются погребальные поединки-инсценировки, принимающие формы разнообразных погребальных игрищ-состязаний. Двоеборье в различных его проявлениях (в том числе и древнегреческая *παλς*) занимает в них видное место (L. Mallet. Указ. соч., стр. 337 сл.).

² Достаточно сказать, что почти ни один скифский курган не раскопан так, чтобы можно было на основании данных раскопок (а не стилистического анализа вещей) уверенно доказать полную одновременность центрального и бокового погребений.

³ Herod., IV, 71, 72.

⁴ Нельзя не упомянуть в этой связи чрезвычайно интересную статью Б. Н. Гракова, который констатирует также изменение конкретных форм культа у скифов Заднепровья на основе другого материала. Б. Н. Граков. Скифский Геракл КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 16.

К. В. ГОЛЕНКО

ДАТИРОВКА МЕДНЫХ МОНЕТ ПАНТИКАПЕЯ
КОНЦА III—II ВВ. ДО Н. Э.

Среди монет Пантикапея основное место в количественном отношении занимают медные, которые, в отличие от золота и серебра, выпускались без перерыва с IV в. до н. э.¹ до времени Асандра (47—14 гг. до н. э.), т. е. до конца автономной пантикапейской чеканки. Но медные монеты Пантикапея изучены далеко не полностью.

Пантикапейские медные монеты IV в. до н. э., типологически тесно связанные с хорошо изученными золотыми и серебряными, легко укладываются в серии, последовательность которых устанавливается без особых затруднений, что позволяет относительно точно их датировать.

Датировка медных монет III в. до н. э., разработанная А. Н. Зографом, основана главным образом на наблюдении над экземплярами надчеканенными и перечеканенными², составляющими основную массу монет III в. до н. э. Большую помощь в систематизации оказало изучение Мирмекийского клада³, позволившее отнести к III в. до н. э. некоторые типы монет, стилистически мало связанных, как это могло бы показаться, с другими монетами этого периода.

Что же касается медных монет, чеканенных во II в. до н. э., то они совершенно не исследованы и только в общих работах по нумизматике Северного Причерноморья датированы этим временем на основании весьма общих наблюдений над признаками стилистического и типологического порядка.

Задачей этой работы является установление последовательности смены типов и на этом основании определение относительной датировки медных монет Пантикапея, чеканенных в основном во II в. до н. э. Типы монет, о которых мы будем говорить в дальнейшем, описаны и воспроизведены П. О. Бурачковым в его каталоге⁴.

¹ В VI—V вв. до н. э. роль медной (разменной) монеты играло серебро мельчайших номиналов.

² Надчеканивались монеты в большинстве случаев во время денежных кризисов, так как наложение клейма или санкционировало дальнейшее обращение старых монет, или служило знаком увеличения номинальной стоимости. Перечеканивались монеты при нехватке монетного металла, т. е. также во время кризисов.

³ А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 152 сл.

⁴ П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям. Одесса, 1884, табл. XXIII, № 187—189. В дальнейшем для указанных типов монет мы будем давать ссылки только на номера рисунков настоящей статьи.

Номера таблиц (по Бурачкову)	Avers	Revers	Номера рисунков настоящей публикации
XXIII, 187—189	Голова быка, три четверти вправо	Плуг, над ним колос, по сторонам Π^N	53—14, 15
XXI, 114	Голова Аполлона вправо	Горит, под ним ΠAN	54—4-12
XX—XXI, 81, 137	Голова безбородого сатира вправо	Две шапки Диоскуров со звездами над ними; внизу ΠANT1	55—1, 2
XIX, 55—56	Голова бородатого сатира вправо	Рог изобилия между двумя шапками Диоскуров со звездами, легенда ΠANT1	54—13, 15
XXII, 176	Голова Афины в шлеме вправо	Прора, внизу ΠAN	55—5

Точная классификация и датировка монет именно этих типов особенно интересны и ценны тем, что большая часть их — монеты наиболее обычные среди нумизматического материала раскопок боспорских городищ¹.

Первая обоснованная в какой-то мере попытка отнести интересующие нас серии к тем или иным историческим периодам принадлежит А. В. Орешникову, который при общей хронологической разбивке монет нашего юга в собрании А. С. Уварова приурочил монеты типа изображенных на рис. 53—14-16; 54—4-12; 55—5 ко времени «ближайших преемников Полемона I»² (14—8 гг. до н. э.), а типа рис. 54—1, 2 поместил непосредственно перед монетами времени Митридата VI Эвпатора³.

Несколько иную, более развернутую датировку и классификацию предложил А. Н. Зограф. На его выводах и наблюдениях мы позволим себе остановиться несколько подробнее, поскольку положения его книги «Античные монеты»⁴ для нумизматики Северного Причерноморья являются в настоящее время ведущими.

Сравнительно редким монетам типа ав.: голова быка, реверс: плуг (рис. 53—14, 15) А. Н. Зограф не дал точной датировки ввиду их обособленности и отсутствия прямых типологических аналогий среди серий III—II вв. до н. э. Отмечая их близость некоторым типам монет IV в. до н. э., в одной из своих работ А. Н. Зограф⁵ указывает на ряд перечеканенных монет этого типа штемпелями митридатовского времени (I в. до н. э.). Повторяя в другом месте замечания об отсутствии точных датировочных данных для этих монет, он отмечает, что они чеканились не ранее III в. до н. э., вероятнее всего во второй его половине⁶.

Что касается чрезвычайно обильной серии монет типа ав.: голова Аполлона, реверс: горит, то их, как и все носящие на аверсе изображение головы Аполлона (рис. 54—4-12) (кроме некоторых, относящихся к III в. до н. э., и чеканенных эпизодически), А. Н. Зограф относил ко II в. до н. э., считая,

¹ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 157 сл.; Ю. С. Крушкoл. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Гос. Исторического музея. СА, XV, 1951, стр. 256 сл.; Л. П. Харко. Монеты раскопок Тиритаки и Мирмекия 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 357 сл.; А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 363 сл.; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрэе (1947—1950). ВДИ, № 3, 1952, стр. 147 сл.

² А. В. Орешников. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. Вып. VII. М., 1887, стр. 69.

³ Там же, стр. 55.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951.

⁵ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия. МИА, № 4, стр. 157 сл.

⁶ А. Н. Зограф. МИА, № 16, стр. 178.

что этот период «в монетном деле Пантикапея характеризуется полным торжеством типа Аполлона, который теперь уже не имеет конкурентов»¹.

Монеты этого типа безусловно являются мелким номиналом² по сравнению с редкими крупными с теми же изображениями монетами (ср. рис. 54 — 1, 2). Последние А. Н. Зограф твердо приурочивал ко времени, непосредственно предшествовавшему чеканке Митридата VI, на том основании, что они известны в составе одного клада, целиком состоящего из митридатовских монет³.

Монеты типа ав.: голова бородатого сатира, реверс: рог изобилия между двумя шапками Диоскуров (рис. 54 — 13-15) и типа ав.: голова безбородого сатира, реверс: шапки Диоскуров (рис. 55 — 1, 2) А. Н. Зограф справедливо считал монетами разных номиналов одной серии, чеканку которой он относил к рубежу III—II вв. до н. э. В качестве подтверждения этой датировки автор связывал изображения головы бородатого сатира этих (только крупного номинала) монет с аналогичными изображениями на многих монетах IV—III вв. до н. э. В качестве добавочного аргумента А. Н. Зограф⁴ указывал на общность формы легенды разбираемых монет и редких пантикапейских тетрадрахм⁵, неверно относимых, на наш взгляд, ко второй половине III в. до н. э.⁶

Наконец, монеты типа ав.: голова Афины, реверс: прора (рис. 55 — 5) А. Н. Зограф хотя и предположительно, но настойчиво связывал с монетами второй половины III в. до н. э., точнее — с редким типом крупных монет ав.: голова Посейдона, реверс: прора, внизу ΠΑΝΤΙ (рис. 53—1)⁷, имеющих на реверсе, как и на монетах предыдущего типа, изображение проры. Что касается головы Афины на лицевой стороне последних, то А. Н. Зограф сопоставлял это изображение с надчеканками также в виде головы Афины на крупных монетах (рис. 53 — 2)⁸. Отсутствие монет типа, приведенного на рис. 55—5 в Мирмекийском кладе⁹, состоящем, как известно, из монет второй половины III в. до н. э., А. Н. Зограф объяснял незначительной ценностью этой мелкой меди, вводить которую, по его мнению, в состав клада не имело смысла.

Естественно, что наблюдения А. Н. Зографа в силу специфического характера его книги носили общий характер и ограничивались лишь замечаниями по поводу стиля и совпадения типологических признаков тех или иных монет¹⁰.

При подробном просмотре нами бывшей коллекции П. О. Бурачкова (ГИМ) и некоторых частных собраний останавливает на себе внимание ряд перечеканенных экземпляров указанных выше типов. Хотя некоторые из них и изданы П. О. Бурачковым¹¹, но до сих пор на эти в высшей

¹ А. Н. Зограф. МИА, № 16, стр. 181.

² Название номиналов медных пантикапейских монет, как и большинства медных греческих автономных монет, не известно.

³ А. Н. Зограф. МИА, № 4, стр. 161; МИА, № 16, стр. 181.

⁴ А. Н. Зограф. МИА, № 16, стр. 180.

⁵ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXI, № 103.

⁶ Датировки этих серебряных монет мы коснемся в другой работе.

⁷ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXII, № 153.

⁸ А. Н. Зограф. МИА, № 4, стр. 161; МИА, № 16, стр. 179.

⁹ А. Н. Зограф. МИА, № 4, стр. 152 сл.

¹⁰ Ошибочность датировки этих монет А. Н. Зографом отмечалась и ранее. Ср. К. В. Голенко. Указ. соч. ВДИ, № 3, 1952, стр. 148; П. О. Карышковский. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты». ВДИ. № 1, 1953, стр. 108 сл.; Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, стр. 66 сл.

¹¹ Описание перечеканенных монет указанных типов есть также в книге Б. Кене (Описание Музеума покойного кн. В. В. Кочубея, т. I. СПб., 1857), но, ввиду явных ошибок автора, мы не решаемся привлекать аналогии из этого труда. Перечеканенные монеты б. собрания А. С. Уварова (ГИМ) (А. В. Орешников. Указ. соч.) нами учтены.

степени интересные монеты не было обращено внимания исследователей, очевидно в силу до известной степени имеющего основания недоверия к небрежно составленному каталогу П. О. Бурачкова.

Число известных нам перечеканенных экземпляров достаточно велико и представлены они достаточно полно, так что на основании их изучения можно уточнить датировки интересующих нас монет.

Монеты типа ав.: голова бородатого сатира вправо, rev.: лук, стрела, легенда ΠΑΝΤΙ, реже ΠΑΝ (рис. 53—5, 6)¹, чеканенные в третьей четверти III в. до н. э., являются последней хронологической группой с характерными для III в. до н. э. типологическими (голова сатира, лук и стрела) и фактурными² признаками (плоский, тонкий, сравнительно крупный монетный кружок, невысокий рельеф изображений). Эти монеты весьма обычны как в находках, так и в коллекциях и безусловно представляют массовый выпуск. В конце чеканки этой серии неожиданно появляются монетки, чеканенные на небольших плотных кружках с ровным сглаженным гуртом³ (рис. 53—7, 8); такой кружок характерен для монетной техники первой половины II в. до н. э.⁴ Легенда этих монет ΠΑΝ (в отличие от ΠΑΝΤΙ более ранних выпусков) также характерна для меди II в. до н. э. Вероятно, переходным типом в отношении монет ав.: голова бородатого сатира, rev.: лук, стрела⁵ явились монеты типа ав.: голова Аполлона, rev.: лук, стрела, ΠΑΝ (рис. 53—9, 10)⁶ и связанные с ними типа ав.: голова Аполлона, rev.: дельфин, ΠΑΝ (рис. 53—12, 13)⁷. Близость обеих групп прежде всего типологическая: реверсное изображение лука и стрелы; кроме того, среди монет переходного, по нашему предположению, типа (рис. 53—9, 10) имеются экземпляры, чеканенные на тонких с плоским рельефом кружках⁸ и на плотных, пухлых, с высоким рельефом⁹, характерных уже для II в. до н. э.

В этой связи особый интерес представляет, очевидно, уникальная монетка, найденная в Патрее¹⁰ (рис. 53—11), которая и по типологическим (лук, стрела, ΠΑΝ — на реверсе) и по фактурным (кружок) признакам совершенно идентична монетам последних выпусков типа, приведенного на рис. 53—5, 6, и первых выпусков типа, данного на рис. 54—4-12. Аверс — голова Афины в шлеме вправо — патрэйской монеты типологически близок надчеканкам на упомянутых выше крупных монетах (рис. 53—1). Эти надчеканки, как известно, представлены двумя видами: голова Афины в шлеме (рис. 53—2) и голова бородатого сатира (рис. 53—3, 4). Последняя надчеканка детально совпадает с аверсным изображением монет третьей четверти III в. до н. э. (рис. 53—5, 6)¹¹. Таким образом, и в данном случае улавливается связь между монетами типов — голова бородатого сатира на аверсе, лук, стрела, легенда ΠΑΝΤΙ (ΠΑΝ) на реверсе (рис. 53—

¹ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, № 51.

² А. Н. Зограф. Мирмекийский клад... МИА, № 4, стр. 152 сл.

³ Многие монеты этой серии перечеканены на кружках монет более ранних выпусков (вторая четверть — середина III в. до н. э.). Естественно, в данной связи они не затрагиваются.

⁴ Более тщательно изготовленные кружки II в. до н. э. указывают помимо других данных на известное преодоление кризиса III в. до н. э.

⁵ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, № 51.

⁶ Там же, табл. XXI, № 115.

⁷ Там же, табл. XXI, № 116, 117.

⁸ Характерных для монет типа, опубликованного у Бурачкова — табл. XIX, № 51.

⁹ См., например, экземпляр в МИА, № 16, табл. XLII, № 11.

¹⁰ К. В. Голенко. Указ. соч.

¹¹ Д. Б. Шелов указывает на связь изображения головы Афины на монетах Левкона II и надчеканок (Д. Б. Шелов. Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н. э. с надчеканками. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 138). Подобное предположение не опровергает наши выводы, но в известной мере поддерживает их.

5, 6), с тем же реверсом, но с головой Аполлона на аверсе (рис. 53 — 9, 10) и патрэйской (рис. 53 — 11). Датировка последних двух групп определяется, по всей вероятности, четвертой четвертью III в. до н. э.

Одновременно с указанными сериями, вероятно, находились в обращении и монеты типа ав.: голова быка, реверс: плуг (рис. 53 — 14, 15). Точная их датировка невозможна, ибо типологическая связь, как уже указывалось, между ними и монетами III—II вв. до н. э. не улавливается. Известное сходство этих монет и относящихся к IV в. до н. э. (голова быка, расположение букв легенды) не является решающим аргументом в вопросе датировки, это подтверждается формой буквы «пи» в легенде; подобная форма (рис. 56а — 8) характерна для сравнительно позднего времени.

В нумизматическом материале переход в начертании «пи» от более ранней формы (рис. 56а — 5) к более поздним (рис. 56а, 6-8) ясно прослеживается среди деградирующих монет второй четверти III в. до н. э. (ср. рис. 55 — 9-13). Монеты с изображением плуга не могли выпускаться раньше серии монет с головой сатира (рис. 53 — 5, 6); на основании наблюдения над монетными кружками можно предположить, что они чеканились в конце этой серии и, несмотря на их редкость, чеканились очень продолжительное время (очевидно, с конца третьей четверти III — первой четверти II в. до н. э.), что подтверждается многочисленными экземплярами из этой серии с явными чертами деградации¹ (ср. рис. 53 — 16). Долговременность обращения монет с изображением плуга прекрасно подтверждается наличием среди них экземпляров, перечеканенных штемпелями митридатовского времени². Однако мы видим экземпляр из этой серии, который впервые публикуется нами (рис. 54 — 3), перечеканенный штемпелем типа ав.: голова Аполлона, реверс: горит (рис. 54 — 4-12).

Монеты типа ав.: голова Аполлона, реверс: горит (рис. 54 — 4-12), будучи связанными, как уже говорилось, с монетами с изображением на аверсе головы сатира (рис. 53 — 5, 6), являются в то же время переходной серией в отношении монет, имеющих изображения головы Аполлона и горита. Типологическая связь и близость фактуры монет обеих групп очевидны.

Монеты типа ав.: голова Аполлона, реверс: горит (рис. 54 — 4-12), наряду с монетами крупного номинала (рис. 54 — 1, 2) и серебряными драхмами (рис. 53 — 17-19), составляют одну большую серию монет II в. до н. э.³

Мелкие монеты этого типа весьма обычны и в коллекциях и в нумизматическом материале из раскопок боспорских городищ, что свидетельствует о чрезвычайно обильном их выпуске, чего нельзя сказать в отношении монет крупного номинала, на которых, как и на драмах, изображения одинаковы: ав.: голова Аполлона вправо, реверс: горит (рис. 54 — 1, 2), т. е. тип монет мелкого номинала, но легенда драм и крупного номинала меди полностью развернута — ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩ, реже ΩΝ (рис. 56а — 4). Кроме того, на многих драмах, как и на медных монетах крупного номинала, помещены монограммы или первые две буквы имен (рис. 53 — 17-19), очевидно городских магистратов, ответственных за чеканку⁴. На некоторых драмах

¹ О значительности деградации свидетельствует вес отдельных экземпляров: 3,37; 2,52; 2,36; 1,23; 1,1; 1,05; 0,78; 0,6 г.

² А. Н. Зограф. МИА. № 4, стр. 157 сл.; МИА. № 16, стр. 178.

³ В эту серию входят, кроме драм, еще несколько типов серебряных монет, которые, не будучи типологически близкими меди, не привлекаются в данной работе. Время выпуска серебра и меди, очевидно, полностью не совпадает.

⁴ Эти монограммы единственные на пантикапейских монетах домитридатовского времени. Монограммы на драмах II в. до н. э. указывают на усиление роли городского управления в Пантикапее в это время.

иногда имеются изображения палицы или наконечника копья. Впрочем: довольно редкие медные монеты крупного номинала всегда строго однотипны, так как имеют лишь одну монограмму (рис. 56а—9), находящую себе аналогию на драмах¹, на которых, как удалось установить на основании ряда публикаций Х. Х. Гиля, А. В. Орешникова, П. О. Бурачкова, А. В. Подшивалова, А. Н. Зографа, встречается не менее десяти видов монограмм. Нужно думать, что крупные медные монеты чеканились лишь при одном магистрате, т. е., иными словами, характер их выпуска был эпизодический.

Что же касается монет мелкого номинала, то они имели долгое обращение: внутри этой группы легко прослеживается деградация и вырождение типа. Так, наряду с монетами с художественно и тщательно исполненными изображениями (например, рис. 54—5, 6), имеются экземпляры со схематическим и грубым рисунком (например, рис. 54—9-12). Вес монет первоначальных выпусков более чем вчетверо превосходит вес монет позднейших выпусков [так, вес монеты № 4 (рис. 54)—4,43 г, а № 11—0,89 г]. Но здесь не может идти речь о разных номиналах: при достаточно тщательном подборе материала можно подметить прогрессирующее падение веса и ухудшение стиля изображения (ср. рис. 54—4-12).

Кроме того, прекрасной иллюстрацией долгого обращения этих монет может служить экземпляр указанного типа, перечеканенный (рис. 55—3) штемпелем монеты времени, непосредственно предшествовавшего восстанию Савмака (109 г.). Долговременность обращения монет типа ав.: голова Аполлона, геv.: горит подтверждают наблюдения и над драхмами этой серии. Среди них, правда в меньшей степени, чем для меди, прослеживается систематическое ухудшение изображений, некоторое падение веса² (рис. 53—17-19), но проба серебра все же достаточно велика для драхм. Обилие монограмм также говорит о продолжительности выпуска монет этого типа.

Экономические затруднения Боспора, вызванные дальнейшим сокращением внешней торговли и усилением враждебной деятельности крымских скифов, послужили причиной прекращения чеканки серебряной монеты. Медная выпускается попрежнему в двух номиналах, но крупный номинал имеет по отношению к монетам типа голова Аполлона—горит (рис. 54—1, 2) сильно пониженный вес; вес монет мелкого номинала, очевидно, существенно не изменился. Изображения монет этой серии [крупный номинал—ав.: голова бородатого сатира, геv.: рог изобилия между шапок Диоскуров (рис. 54—13-15); мелкий номинал—ав.: голова безбородого сатира, геv.: две шапки Диоскуров (рис. 55—1, 2)] не обычны для II в. до н. э.

Введение в обращение новых типов было очень спешным: на монетах типа, представленного на рис. 54—4-12, сохранилось много перечеканок (рис. 54—16-19)³ штемпелями с изображением шапок Диоскуров⁴; эти перечеканки и подтверждают преемственность монет. Спешный выпуск

¹ Б. Кен е. Указ. соч., т. I, стр. 365, № 97; А. Подшивалов. Московский публичный Румянцевский музей, нумизматический кабинет. Каталог монет, вып. I. М., 1884, стр. 24, № 191.

² Ср. А. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. Нумизм. сборник, т. II, 1913, стр. 87, 142.

³ Перечеканки изданы П. О. Бурачковым (табл. XXI, № 136; табл. XXII, № 174). Монета, изображенная на рис. 54—19, случайно дважды перечеканена одной парой штемпелей.

⁴ Большое количество этих монет из просмотренных нами носит на себе следы перечеканки, но установить, на каком именно монетном материале производилась эта операция, удастся лишь в редких случаях; но если можно проследить первоначальный тип монеты, послужившей для перечеканки, то всегда оказывается, что это монеты с изображением головы Аполлона и горита.

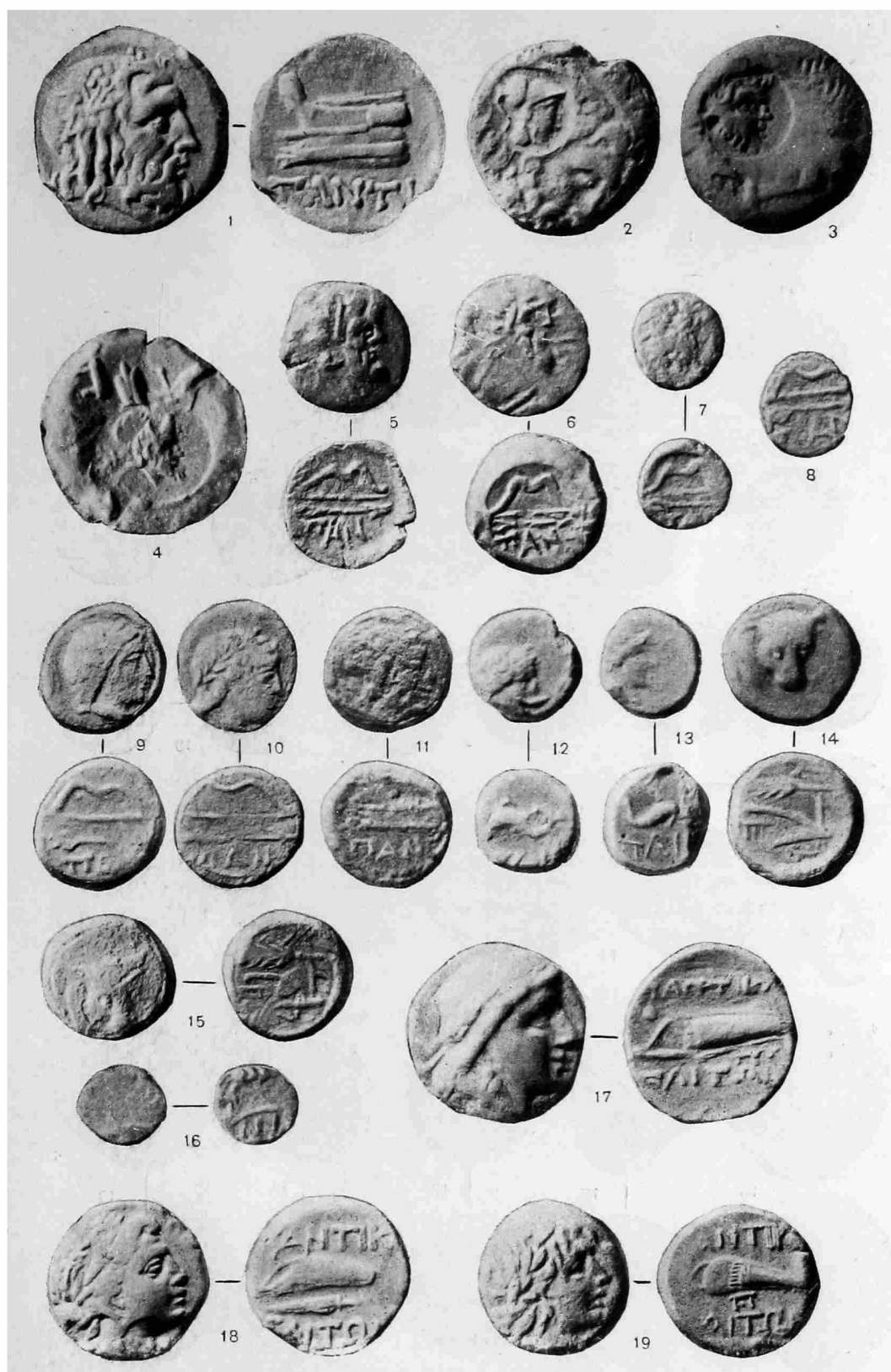

Рис. 53. Медные (№ 1—16) и серебряные (№ 17—19) пантикапейские монеты.

Рис. 54. Медные пантикапейские монеты.

Рис. 55. Медные пантикапейские (№ 1—13) и понтийские (№ 14—15) монеты.

Рис. 56. Пантикапейские монеты:

1 — конец третьей четверти III и первая четверть II в. до н. э.; 2 — четвертая четверть III в. до н. э.;
3 — первая четверть — третье десятилетие II в. до н. э. 4 — предпоследнее десятилетие II в. до н. э.;
5 — рубеж двух последних десятилетий II в. до н. э.

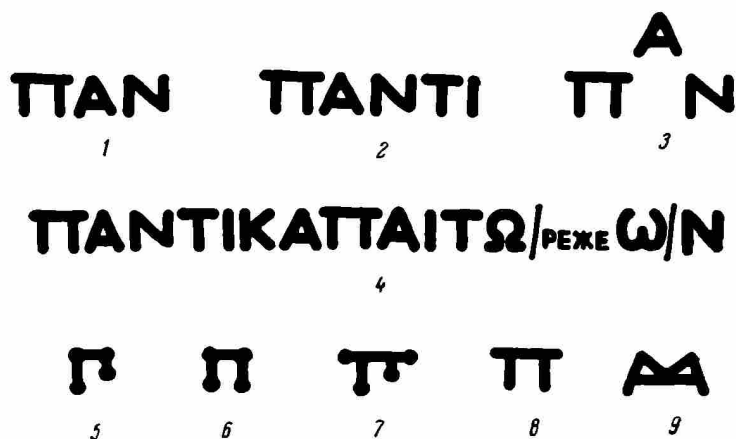

Рис. 56а. Начертание легенд и букв пантикапейских монет конца III—II вв. до н. э.

монет с шапками Диоскуров подтверждают и другие данные: обилие штемпелей, небрежность чеканки, а также очень грубые схематические изображения на многих монетах крупного номинала (рис. 54 — 13, 15) наряду с художественно выполненными (рис. 54 — 14) при примерно одинаковом весе кружков монет. Начало выпуска этих монет и прекращение выпуска монет типа ав.: голова Аполлона, реверс: горит (рис. 54 — 4-12) падает на предпоследнее десятилетие II в. до н. э. Эту датировку подтверждает точное совпадение изображений реверсов (рог изобилия, шапки Диоскуров) пантикапейских монет крупного номинала и монет городов Понта и Пафлагонии¹, убедительно датируемых Б. Имхоф-Блюмером² временем детства Митридата VI — предпоследним десятилетием II в. до н. э.

Факт заимствования понтийского типа не представляет неожиданности: между Боспором и Понтом всегда были самые тесные политические и экономические связи. Связь Северного и Южного Причерноморья прослеживается и на нумизматическом материале: многие типы монет городов Северного Причерноморья повторяют (правда, в более позднее время) типы понтийских монет, находки которых на Боспоре обычны.

Кризис, закончившийся восстанием Савмака и гибелью спартокидского Боспора, привел к новым экономическим затруднениям, выразившимся в отказе от чеканки медных монет крупного номинала и переходе к выпуску только мелкого. Новый тип имеет на аверсе изображение головы Афины в шлеме вправо, а на реверсе — проры (рис. 55 — 5). Преемственность монет с изображением двух шапок Диоскуров на реверсе (рис. 55 — 1, 2) и монет нового типа констатирует перечеканка (рис. 55 — 4)³. Кроме того, о поздней датировке монет нового типа свидетельствует перечеканка одного экземпляра этой серии штемпелями уже митридатовского времени (рис. 55 — 7 перечеканенная, 8 неперечеканенная).

Монеты с головой Афины выполнены очень небрежно, что указывает на большую поспешность выпуска. К более мелкому номиналу, чем эти монеты (рис. 55 — 5), мы относим редкие монетки, тоже имеющие на аверсе изображение головы Афины в шлеме, а на реверсе трезубец (рис. 55 — 6). Морской сюжет изображений реверсов тех и других монет подтверждает, как нам кажется, предположение об одновременности выпуска этих медных монет, чеканенных, по всей вероятности, на рубеже двух последних десятилетий II в. до н. э.⁴ Монеты этого нового типа заканчивают, по нашему мнению, пантикапейскую чеканку в правление династии Спартокидов. Следующие боспорские монеты выпущены уже при Митридате VI и сильно отличаются от рассмотренных выше.

На рис. 56 даны примеры основных типов медных монет Пантикапея мелкого номинала, с предлагаемыми датировками, что позволит читателю более ясно представить основные этапы чеканки II в. до н. э.

В заключение отметим, что последовательная деградация денежного обращения Пантикапея является следствием общего политического и эко-

¹ Кстати, реверсное изображение одной серебряной горгиппийской монеты (см. Х. Х. Гиль. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, т. V, 1892, табл. V, № 51) близко изображениям пантикапейских и понтийских монет. Но крайняя ее редкость (очевидно, уникальная — в Эрмитаже) заставляет отнестись к ней с осторожностью с точки зрения проведения аналогии.

² Вг. Imhoff-Blümer. Die Kupferprägung des Königreichs Pontos. NZ. XLX. 1912, стр. 172 сл.; E. Babelon et Th. Reinach. Recueil Général des monnaies Grecques d'Asie Mineure. Paris, 1904, pl. IV, N 7; pl. VII, № 28 и др. Данные ссылки приведены в работах А. Н. Зографа (МИА, № 4, стр. 161; МИА, № 16, стр. 180), который, указывая на большую близость этих монет, как и упомянутой горгиппийской с пантикапейскими, счел этот факт случайным.

³ Издана П. О. Бурачковым (табл. XXII, № 175).

⁴ Впрочем многочисленность подобных монет позволяет предположить их выпуск и при Митридате VI, в начале его правления на Боспоре.

номического кризиса спартокидского Боспора. Очевидно, существенное ослабление внешней торговли приводит в III в. до н. э. к денежному кризису, который ясно прослеживается на нумизматическом материале этого времени: прекращение чеканки серебряной монеты и массовая перечеканка и надчеканка медной.

Некоторое оживление внешней торговли в первой половине II в. до н. э.¹ прекрасно иллюстрируется обильным выпуском монет с изображением головы Аполлона; в этой серии серебро весьма многочисленно и представлено несколькими номиналами. Но и среди этих монет, как говорилось выше, уже наблюдается деградация. Действительно, на середину II в. до н. э. падает немало новых затруднений Боспора, вызванных усилением деятельности крымских скифов и новым сокращением торговли. Ослабление государства во второй половине II в. до н. э., как известно, привело к восстанию Савмака и гибели династии Спартокидов.

Развитие кризиса экономики царства Спартокидов хорошо прослеживается по разобранному нумизматическому материалу: новая серия монет с шапками Диоскуров включает в себя лишь медь, хотя и двух номиналов, но крупный по сравнению с крупным номиналом предшествовавшей серии значительно облегчен. И, наконец, монеты рубежа двух последних десятилетий II в. до н. э. (с головой Афины) чеканятся лишь в мелком номинале и в незначительном количестве — в мельчайшем.

Каждое введение нового типа монет сопровождалось перечеканкой предшествовавших серий; это свидетельствует о спешке выпуска, нехватке монетного материала и о стремлении сократить расходы по изготовлению.

Но обильный выпуск медной монеты с преобладанием мелкого номинала служит показателем интенсивной работы монетных дворов и свидетельствует о значительном расширении внутреннего рынка (медная монета, как правило, предназначалась именно для внутреннего обращения) и местного производства, что подтверждается археологическим материалом III—II вв. до н. э. и объясняется сокращением торговли с греческими городами.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 79.

К. В. ГОЛЕНКО

К УТОЧНЕНИЮ ДАТИРОВКИ ОДНОЙ ГРУППЫ МОНЕТ
ФАНАГОРИИ

Впервые чеканка фанагорийских монет возникла в конце V — первой половине IV в. до н. э.¹ Эти монеты, типологически не связанные с современными им пантикапейскими, подобно монетам Феодосии, Синдики, Нимфея, типичны для автономных выпусков небольших полисов. С середины IV в. н. э., в результате централизации царской власти и военной экспансии боспорских царей, чеканка в этих городах прекращается, если не считать феодосийской чеканки при Левконе II.

Факт восстановления фанагорийской чеканки в более позднее время особенно интересен, так как он указывает на известное усиление политического влияния городов и ослабление царской власти². В нумизматической литературе давно известны фанагорийские монеты³ типа ав.: голова бородастого сатира вправо, гев.: лук, стрела, внизу ФА (рис. 57—58); у некоторых экземпляров, очевидно более поздних, оперение стрелы оригинально трактовано в виде кадуцея (рис. 57—9). На типологию этих выпусков безусловно повлияла чеканка Пантикапея, один из типов которой фанагорийские монеты полностью повторяют⁴.

Фанагорийские монеты описанного типа довольно часто встречаются в нумизматическом материале раскопок боспорских городищ, причем на территории азиатского Боспора их больше, чем на территориях европейского Боспора⁵. В раскопчных материалах и в нумизматических коллек-

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 168 сл.

² Ср. К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском государстве. ВДИ, № 4, 1953, стр. 47 сл.

³ Например, Г. Спасский. Боспор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846, табл. II, № 18; его же. Археолого-нумизматический сборник. М., 1850, табл. № 27; Б. Кене. Описание Музеума покойного кн. В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, т. I, СПб., 1857, стр. 401; П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884, табл. XXIII, № 8—10; А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. Вып. VII. М., 1877, стр. 70.

⁴ Ср. А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 70.

⁵ К сожалению, нумизматический материал опубликован только из раскопок Тиритак и Мирмекия на европейской стороне Боспора и на азиатской — из раскопок Фанагории и Патрэя. Но и эти сведения дают возможность сделать количественное сопоставление интересующих нас фанагорийских монет.

Во время раскопок Тиритак и Мирмекия, из 1046 определенных монет фанагорийских оказалось 12, из которых 8 принадлежат указанному типу (ср. А. Н. Зограф.

циях монеты этого типа количественно явно преобладают над другими фанагорийскими монетами, что свидетельствует о массовом характере их выпуска, отчего особенный интерес приобретает датировка этих монет.

Впервые датировка их предложена А. Н. Зографом, который справедливо связывал их с деградированными пантикапейскими монетами того же типа ав.: голова бородатого сатира, гев.: лук, стрела, легенда ΠΑΝΤΙ, реже ΠΑΝ (рис. 57—1-4), хорошо датирующихся, благодаря находке Мирмекийского клада¹, третьей четвертью III в. до н. э. Очевидно, на основании датировки пантикапейских монет А. Н. Зограф отнес фанагорийские к концу III—началу II в. до н. э.² Подобная датировка начала чеканки фанагорийских монет подтверждается и изучением их фактуры: плоский рельеф и сглаженный монетный кружок, аналогичный кружку последних выпусков пантикапейских монет того же типа. Правильность подобной датировки подтверждается и монетами Пантикапея, датируемыми, по всей вероятности, четвертой четвертью III в. до н. э.³, перечеканенными штемпелями фанагорийских монет указанного типа⁴.

При достаточно полном подборе фанагорийских монет легко подметить их деградацию: уменьшение монетного кружка, огрубение стиля изображений (ср. рис. 57—5, 8). Обилие этих монет и деградация типа дают возможность предположить, что время их обращения было более длительным, чем период с конца III—начала II в. до н. э., тем более что в начале II в. до н. э. в чеканке Пантикапея, с которой была неразрывно связана фанагорийская, ощущается некоторый подъем.

Уточнению датировки конца чеканки этой интересной серии может служить сравнительно большое количество перечеканенных фанагорийскими штемпелями монет Пантикапея⁵ (рис. 57—11-13), чеканка которых прекратилась не ранее третьего десятилетия II в. до н. э. Учитывая факт перечеканки, следует предположить, что обращение фанагорийских монет продолжалось и после третьего десятилетия II в. до н. э., причем некоторые экземпляры несут более ярко выраженные черты деградации, чем перечеканенные монеты.

Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 157 сл.; Л. П. Харко. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 357 сл.; А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 363 сл.).

Из 430 определенных монет, найденных в Патрзе, 36 оказались фанагорийскими, из них 33 принадлежат указанному типу (ср. К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрзе. ВДИ, № 3, 1952).

В состав 112 монет, найденных в Фанагории в 1936 г., по определению А. Н. Зографа, входило 11 фанагорийских «конца III в. до н. э.»; к сожалению, типы монет не указаны.

Среди найденных в Фанагории во время раскопок 1937 и 1939 гг. 84 монеты только три оказались фанагорийскими, из них одна принадлежит к указанному типу (ср. Ю. С. Крушкoл. Монеты фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Гос. Исторического музея. СА, XV, 1950, стр. 256 сл.), что заставляет отнестись с сомнением к правильности определения.

¹ А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 152 сл.

² Там же, стр. 162; № 16, 1951, стр. 178. Некоторые другие фанагорийские монеты А. Н. Зограф также относил к этому времени, но очевидная их эпизодичность и отсутствие типологических черт, общих с пантикапейскими, не позволяют остановиться на них подробнее.

³ Попытку обосновать датировку пантикапейских монет концом III—II в. до н. э. автор предпринял в статье, напечатанной в настоящем выпуске.

⁴ ВДИ, № 3, 1952, стр. 154, № 50.

⁵ Подобные перечеканки изданы; ср. П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXIII, № 11; К. В. Голенко. ВДИ, № 3, 1952, стр. 154; № 51.

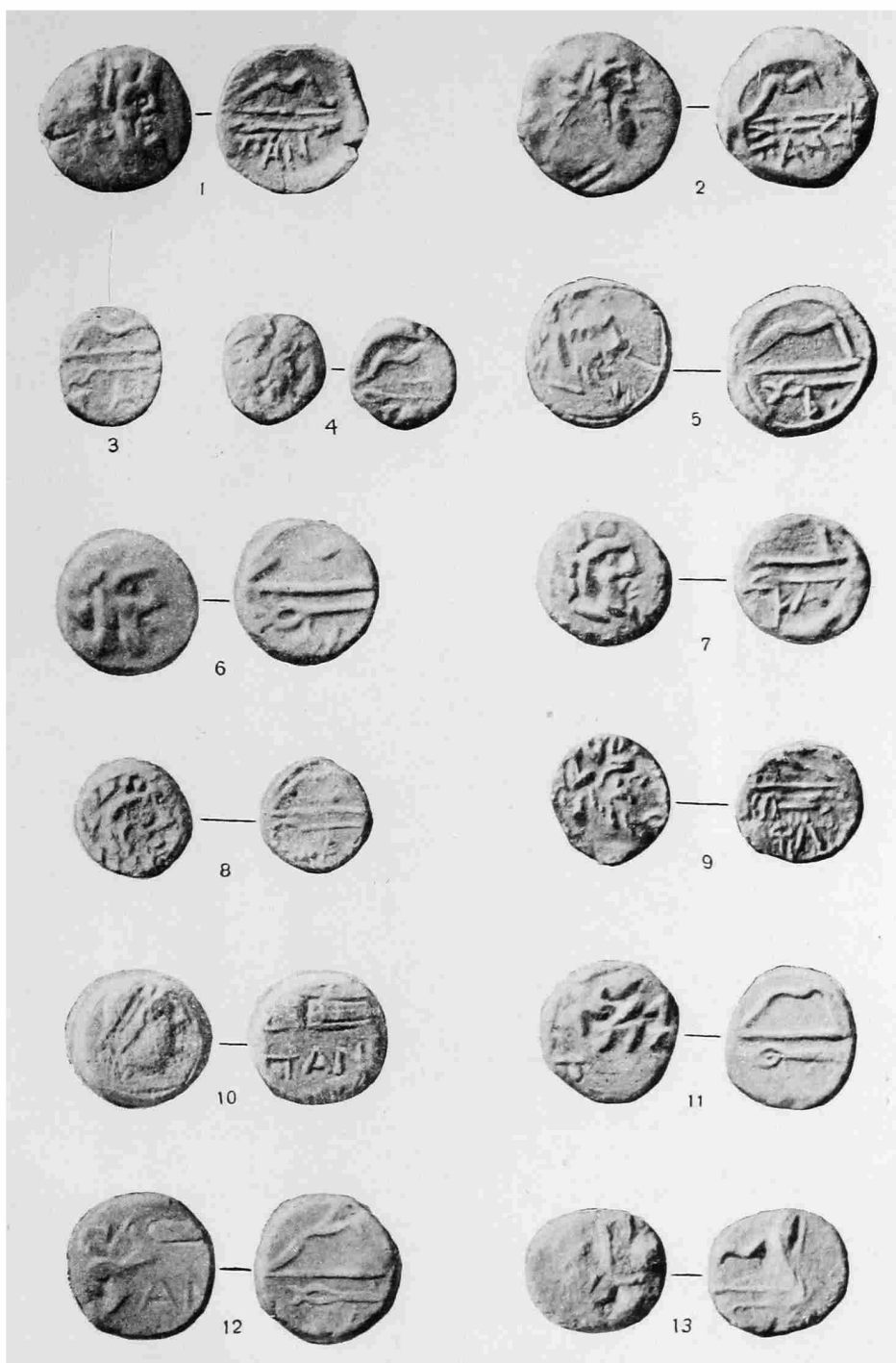

Рис. 57. Монеты:

7-4 — пантикапейские третьей четверти III в. до н. э.; 5-9 — фанагорийские конца III—II вв. до н. э.; 10 — пантикапейская II в. до н. э.; 11-13 — фанагорийские, перечеканенные на пантикапейские II в. до н. э.

Следовательно, датировку фанагорийских монет типа ав.: голова боро-
датого сатира вправо, rev.: лук, стрела, ФА можно продолжить на весь
II век до нашей эры, что в известной мере объясняет появление обильной
фанагорийской чеканки наряду с пантикапейской с самого начала правле-
ния Митридата VI Эвпатора на Боспоре (конец II в. до н. э.).

IV. ХРОНИКА

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР

В 1952 г.

Археологические исследования 1952 г. производились на территории 47 областей, краев, автономных областей и республик РСФСР (г. Москва и Московская область, г. Новгород, Псковская область, Ленинградская, Великолукская области, г. Смоленск и Смоленская область, Вологодская, Калининская области, г. Горький и Горьковская область, Ярославская, Рязанская, Ивановская, Тульская, Брянская, Орловская, Курская области, г. Ростов-на-Дону и Ростовская область, Тамбовская, Воронежская, Саратовская, Пензенская, Ульяновская, Куйбышевская, Сталинградская, Челябинская, Свердловская, Молотовская области, Чувашская, Мордовская, Татарская, Марийская, Башкирская и Бурят-Монгольская АССР, Астраханская, Грозненская области, Дагестанская АССР, Ставропольский и Краснодарский края, Крымская, Тюменская, Омская, Томская, Иркутская, Читинская, Кемеровская, Новосибирская области, Алтайский край).

Как и в предыдущие годы, самые крупные экспедиции работали в зонах строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, а также на других новостройках¹.

На территории Московской области В. И. Качанова (Музей истории и реконструкции г. Москвы) вела небольшие раскопки на известном Мамоновом городище в районе Ленинских гор и раскопки семи курганов в курганной группе Фили близ Москвы. Мамоново городище представляет собой многослойный памятник дьяковского времени. Здесь найдено много обломков керамики, предметов из железа, бронзы и кости. Обломки сопла, тигля и литейной формы свидетельствуют о существовании металлургии, а множество костяных наконечников стрел и гарпунов и их заготовок — о занятии жителей рыболовством и охотой. Заготовка мотыги из рога лося дает возможность предполагать наличие земледелия. По найденным материалам городище можно датировать с V—IV вв. до н. э. по III в. н. э.

¹ Обзор работ ИИМК АН СССР на новостройках см. в КСИИМК, вып. 55: А. П. Смирнов. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках; К. Ф. Смирнов. Результаты работ 1-го Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции в 1952 году; И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1952 году.

Курганы, как и следовало ожидать, оказались типичными вятическими (XIII—XIV вв.). Находка в одном из них стеклянного браслета и биллоновой бусинки указывает на связь с городом.

1952 год ознаменовался замечательными открытиями в древнем Новгороде, результаты которых уже опубликованы в работах А. В. Арциховского¹.

На территории Ленинградской области работы были сосредоточены в юго-восточном Приладожье и в долине р. Нарвы. Н. Н. Гурина обследовала побережье Ладожского озера в нижнем течении рек Волхова, Сяси, Паши, Ояти, Воронег, Опонки. Открыто семь неолитических местонахождений, 14 — эпохи бронзы и раннего железа, более 20 курганов и около 40 поселений IX—XVI вв. н. э. Неолитические поселения располагаются в наиболее низменных местах, памятники, относящиеся к эпохе раннего металла, — выше, преимущественно на песчаных дюнах. Из неолитических местонахождений особенно интересна стоянка на р. Паше при впадении в нее речки Рыбежки и стоянка у д. Гидроила на р. Олонке.

На границе Ленинградской области и Эстонской ССР исследованы поселения Нарва I, где обнаружены остатки двух жилищ, и Нарва II, относящиеся к различным периодам неолита, а также поселение Нарва III, датированное концом неолита или началом эпохи металла. Из поселений эпохи металла наиболее интересны расположенные в устье Олонки, близ д. Новая Деревня (на р. Паше), и Изсады на берегу Волхова.

Обследованы памятники, характеризующие время появления славян в южном Приладожье, — курганы, сопки и поселения. Вскрыто пять курганов IX—X вв. близ д. Малое Чернавино на правом берегу Волхова, содержащих трупосожжения. Могильные памятники XI—XIII вв. исследованы в районе среднего течения Нарвы. Закончены раскопки курганной группы близ д. Ольгин Крест, начатые в 1951 г. Обряд — труположение в грунтовых ямах; собрано много вещей — предметы вооружения, украшения, остатки ткани и кожи. Судя по обряду и вещам, погребения принадлежат славянам, входившим в состав населения Новгородской земли. Прослеживаются связи с прибалтийскими племенами. В этом же районе встречены и остатки селищ, в том числе синхронных курганам X—XI вв.

На р. Волхове ряд селищ (Изсады, Юшково, Березна, Рубовики) одновременны различным слоям Староладожского городища. На некоторых поселениях сохранились остатки деревянных жилых сооружений. В пределах д. Старая Ладога, на берегу р. Ладожки, в 200 м от земляного городища, открыто селище, существовавшее с X по XVII в., с хорошо сохранившимися остатками деревянных сооружений.

Я. В. Станкевич продолжала исследование археологических памятников Великолукской области. В 1952 г. разведочным маршрутом (800 км) охвачены юго-восточные районы области (Великолукский, Усвятский, Усмынский и Куньинский), область системы мелких озер (Нюссы, Урицкого, Дубокрай, Усвят, Усмань), расположенных в верховьях р. Ловати (по ее правобережью). Открыто до 30 городищ и селищ и более 10 курганных групп и могильников, относящихся преимущественно к середине I тыс. н. э. Все памятники делятся на четыре хронологические группы. Стационарные работы экспедиции были поставлены на городище и могильнике у с. Михайловского Куньинского района. Заложен раскоп, площадью 188 м², причем выяснено, что основной период жизни на городище — V—VI вв. н. э. К этому времени относятся вскрытые наземные жилища — срубы прямо-

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1952 года в Новгороде. «Вопросы истории», № 1, 1953, и «Вестн. АН СССР», № 12, 1952; В. В. Седов. Новые данные о языческом святилище Перуна. КСИИМК, вып. 53.

угольной формы, погибшие в большинстве случаев от пожара. Основное занятие населения — земледелие (найденны серпы, зернотерки) и достаточно развитое скотоводство. Охота играла подсобную роль. В нижнем горизонте (рубеж нашей эры) сохранились остатки жилища наземного типа, столбовой конструкции из жердей, обмазанных глиной. В могильнике вскрыто четыре насыпи. Погребения по типу близки к захоронениям в длинных курганах побережья Чудского озера и синхронны верхним горизонтам Михайловского городища (V—VI вв.). В кургане № 1 обнаружены остатки очень интересного ритуального челна.

Ф. Д. Гуревич обследовала западные районы той же области — Себежский и Идрицкий (озера Себежское, Ворон, Идрия, Сутокское, Могильное и мелкие речки Вать, Идрица и Неведрянка). Большая часть найденных городищ относится к первым векам нашей эры и некоторые из них были обитаемы до VI—VII вв. Такие городища обычно располагались на мысах или холмах, близ воды или же в лесу, среди болот. В культурном слое встречаются лепная керамика, зернотерки, железные шлаки и кости животных. На трех городищах конца I—начала II тыс. н. э. культурного слоя не обнаружено (Мальково, Литвиново, Божкино).

Обследованные могильники включают длинные и круглые курганы, причем длинные обычно находились в центре древнего могильника. Среди курганов отмечены две сопки — у д. Прихабы и Толкачево. Выделяются длинные валообразные насыпи в составе курганных могильников в Старо-Козлове, Одереве, Грицкове.

В г. Смоленске Д. А. Авдусин расширил и довел до материка раскоп 1951 г. Кроме уже установленных пяти слоев, выявлен шестой — середины XI—XII вв. Открыт ряд деревянных сооружений — 14 ярусов бревенчатых мостовых XI—XIX вв., проходивших под углом к современной стене, и, кроме того, остатки различных срубов с находками в них предметов домашнего обихода. Замечательна находка обрывка грамоты на бересте, размером 3×6 см, с двумя строками по семь целых букв. Текст не читается. Грамота найдена в слое XI—XII вв.

Кроме раскопок в Смоленске, Д. А. Авдусин производил исследования центрального Гнездовского городища и нескольких курганов в лесной группе Гнездовского могильника. Заложен раскоп 206 м² в южной части городища. Выяснено, что городище возникло во время литовской или польской интервенции (XVI—XVII вв.), на месте бывших здесь курганов, частью разрушенных и полуснесенных. Эта часть лесной группы Гнездовских курганов насыпана в конце IX—самом начале XI в. Раскопанные 11 курганов дали обычный для Гнездова материал.

При археологических наблюдениях за строительными работами в г. Смоленске И. Д. Белогорцевым обследованы остатки церкви Девы Марии на устье Чуриловского ручья.

Е. А. Шмидт произвел разведку на территории Кардымовского и Починковского районов Смоленской области. Исследована ранее известная дюна у д. Козичино Кардымовского района. Поле погребения на дюне сильно разрушено, и следов могил найти не удалось. Обнаружены остатки различных культурных напластований — неолитического времени, эпохи полей погребений и позднего селища. На дюне у д. Ломейкино открыта поздненеолитическая стоянка. Кроме поселений, раскапывались и курганы¹.

А. Я. Брюсов продолжал исследование стоянки Караваихи (Чарозерский район Вологодской области).

¹ Е. А. Шмидт. Раскопки длинных курганов в Смоленской области. КСИИМК. вып. 54.

В Брусовском районе Калининской области производила раскопки курганов М. В. Фехнер. В могильнике близ д. Шихино, на правом берегу р. Волчины, на плато «Гари» вскрыто семь курганов — четыре плоских четырехугольных, один полушарный с плоскосрезанной верхушкой и два округлых. Они относятся к IX—X вв. и принадлежат местному славянскому населению.

На территории той же области и в том же районе А. Х. Репман произвел разведку по правобережью р. Волчины и прилегающей части оз. Перхово. Обследовано 12 курганов и составлен точный топографический план Шихинской курганной группы.

В Ярославской области Е. И. Горюнова исследовала могильник на Рыбинском море¹.

Частичное археологическое обследование затопляемой при строительстве Горьковской ГЭС зоны по левому берегу Волги проведено Е. Н. Ерофеевой. Довольно большое число встреченных здесь археологических памятников дает возможность сделать вывод, что прибрежная полоса левого берега Волги, в частности в районе р. Кистеги, была заселена сравнительно густо в начале I тыс. н. э.

В Ленинском районе Тульской области С. А. Изюмова осуществила раскопки укрепленного поселения у д. Щепилово, на правом берегу р. Упы. Городище датируется V—IX вв. н. э. В насыпи вала обнаружено два погребения. Судя по находкам зерен проса и ячменя (в насыпи вала) и железного серпа, можно говорить о занятии жителей земледелием.

В. А. Падин в 1952 г. предпринял обследование поймы р. Нерусы (Суземский район) до урочища «Малушково» (Трубчевский район) в пределах Брянской области. У д. Смеличи в уроч. «Кудеяры», у с. Радутино, обнаружены поселения, относящиеся к концу I и началу II тыс. н. э.

Т. Н. Никольская в 1952 г. продолжала археологическое обследование Орловской области. Охвачены районы, расположенные по течению рек Цон и Орлик. Исследованные городища по внешнему виду делятся на две группы: городища на мысу высокого коренного берега реки, укрепленные с напольной стороны валом или системой валов и рвов, и круглые в плане с кольцевым валом. Стационарные работы производились на городище «Надежда», где обнаружены следы большого наземного жилища и выяснена структура первого вала, и на селище «Лебедка», на котором вскрыты два культурных слоя — роменский и древнерусский. Раскопаны три прямоугольные землянки, где обнаружены остатки двух сыроступных и одного кузнечного горнов VIII—IX вв. Кроме того, вскрыто два кургана. Обряд погребения — трупосожжение, производившееся в стороне от насыпи. Остатки сожжения находились в лепном сосуде. У с. Гать раскопано три кургана. В двух — трупоположение без вещей, при третьем найдено семилопастное кольцо. Разведкам подверглись городища Комаровское, Снопково (Гневушевское), Мерцаловское, у с. Гать, Титова-Мотыка.

М. В. Фехнер обследовала верхнее течение Оки с целью выявления славянских селищ и городищ. Разведано девять славянских поселений в Володарском, Глазуновском и Кромском районах Орловской области.

П. И. Борисовским в результате работ 1952 г. закончено обследование течения р. Крынки, от пос. Зуевки до устья, и р. Миус, от Матвеева Кургана до Куйбышева. Кроме того, обследована р. Тузлов (с. Лысогорка и Руссколютино на территории Ростовской области и Бессергеновское палеолитическое местонахождение в окрестностях г. Таганрога). В долине р. Тузлова открыта группа местонахождений, относящихся к различным

¹ Е. И. Горюнова. Мерянский могильник на Рыбинском море. КСИИМК, вып. 54.

периодам палеолита. Небольшие раскопки произведены на Новоклиновской кремневой мастерской на берегу р. Крынки (Сталинская область УССР).

Основные работы Костенковской палеолитической экспедиции (руководитель А. Н. Рогачев) были сосредоточены на изучении памятников Александровского лога (Гремяченский район Воронежской области): на Стрелецкой I и Стрелецкой II стоянках верхнепалеолитического времени (ближайшая аналогия — нижний, пятый культурный слой Костенок I). В районе Стрелецкой II стоянки заложен ряд шурфов, в которых обнаружены кремневые орудия, заготовки и отщепы, и костные остатки. На Городцовской стоянке исследована площадь 70 м². Геологические условия залегания культурного слоя и состав фауны свидетельствуют о ранней поре верхнего палеолита. Стоянку можно сопоставить по времени со вторым и третьим слоями Тельманской стоянки. Наибольший интерес представляет погребение ребенка в сидячем положении в обычной удлиненной могиле без засыпки трупа землей. Погребение связано с жилищем. В могиле найдено много кремневых и костяных орудий и отщепов. На Тельманской стоянке в 1952 г. заложено шесть шурфов. Установлено широкое распространение находок второго слоя и найдено место залегания самого нижнего переотложенного IV слоя в гумусированной толще.

А. Н. Москаленко продолжала работы на Архангельском городище. Вскрыта площадь около 600 м² на северном мысу. В наиболее интересном раскопе (№ 3) обнаружено два культурных слоя: верхний VIII—X вв. н. э. и нижний IV—III вв. до н. э. Сооружения, подобные вскрытым здесь, известны в Мастюгинских и Частых курганах, в с. Волковцы на Суле.

Кроме городища, А. Н. Москаленко раскопан курган у с. Платы Репьевского района Воронежской области. Два основных погребения оказались срубными, в ямах, на глубине 50—55 см, остальные девять — в насыпи кургана на различной глубине. Всего обнаружено семь костяков взрослых и четыре детских. Все ориентированы головой на восток. Почти во всех погребениях в головах стоял сосуд. Всего в кургане найдено 17 сосудов. Из вещей встречен только бронзовый нож. Погребения относятся к срубной культуре эпохи бронзы. Это пока первый памятник эпохи бронзы, расположенный в бассейне р. Россошки.

М. Р. Полесских на территории Пензенской области произвел разведку археологических памятников в поймах рек Вада и Выши, Суры и Хопра. Обследованы Больше-Полянское селище, Кармалейское городище, Лысополянское селище и могильник, селище на Большой лесной поляне, два селища у подножия Кладовой горы, могильник на Кладовой горе, Кирилловское селище, Вышинская дюнная стоянка и городище, Ушинское городище, могильник XVIII в. (русский) в д. Куземки и селище, Пензенская стоянка в местности Шуист. Небольшие раскопы заложены на селищестоянке Яксарка и на Золотаревском городище. Осмотрены Куракинская стоянка (срубно-хвалынская культура), городище в местности «Еврейка» (вторая половина I тыс. н. э.), Куракинская стоянка на р. Сердобе (срубно-хвалынская культура), следы древних поселений у с. Беково и с. Нарышкино, дюнная стоянка у восточного конца с. Нарышкино (срубно-хвалынская культура). Исследован могильник у с. Селиксы¹.

Южно-Уральская археологическая экспедиция производила исследования на территории Челябинской области и Башкирской АССР. Первый отряд под руководством К. В. Сальникова исследовал пещеру у с. Смеловского на левом берегу р. М. Кизыл (Смеловская II). Находки нижнего слоя можно датировать эпохой палеолита, а верхних слоев — временем мезолита или раннего (докерамического) неолита. Находку просверленных кусков

¹ См. статью М. Р. Полесских. Могильник «армиевского типа» в Пензенской области. КСИИМК, вып. 55.

талька и крупных ножевидных пластинок в слое желтой глины, очевидно, можно считать кладом эпохи неолита. Стоянка над пещерой датируется временем мезолита. В раскопанном над пещерой кургане обнаружено два скорченных погребения. Найденный здесь единственный сосуд имеет близкую к бомбовидной форму тулова, плоское дно и узкое прямое горло. Он представляет переходную форму от посуды эпохи бронзы к посуде сарматского времени. Погребение, очевидно, нужно рассматривать как переходное. В кургане у пос. Таракановка в центре, под каменной выкладкой, обнаружена могила, сложная по своему устройству. Костяк лежал на дне подбоя (сохранилась лишь половина костяка) в вытянутом положении, на спине, головой к западу. На дне могилы обнаружены кусочки извести. Вещей нет. Погребение датируется по погребальному обряду прохоровской стадией сарматской культуры Южного Урала и Зауралья. У пос. Удос исследованы развалины кирпичного средневекового сооружения, очевидно мавзолея золотоордынского времени (XIV—XV вв.), что свидетельствует о распространении мусульманства в казахских степях. Раскопано два кургана у пос. Кинзерское Троицкого района. По обряду погребения (сожжение) и характеру керамики захоронениям можно найти аналогии в курганах федоровского этапа андроновской культуры. Исследованный у пос. Уразаевского курган относится к более поздней стадии той же андроновской культуры (прямоугольная форма каменной оградки). Отрядом произведено также обследование селищ, отдельных курганов и групп, каменных площадок и других археологических памятников в Троицком районе Челябинской области и в Баймакском районе Башкирской АССР.

Раскопочные работы на территории Башкирской АССР были поставлены у с. Кусеево. В кургане, в котором предполагалось абашевское погребение, и в находящемся неподалеку менгире никаких признаков погребения не обнаружено. На Ишкуловском селище был разбит раскоп (158 м²) на мысу, образуемом рекой и старицей. Селище, очевидно, является местом башкирской кочевки XIV—XV вв. Дата устанавливается по находке обломков чугунных котлов.

Увельско-Миасский отряд Южно-Уральской экспедиции под руководством Н. П. Кипарисовой обследовал правый берег р. Уй вниз до с. Бирюковичи, оба берега р. Кидыш (до с. Петропавловского), течение ручья Иматки (до с. Вандышево) и р. Кабанки (до Увельского зерносовхоза). Кроме того, обследованы оба берега р. Течи. Небольшие раскопки велись на Чебаркульском неолитическом поселении. Основная масса керамики относится к шигирской стадии. Можно предполагать, что напластования поселения характеризуют два периода: ранние — начало II тыс. до н. э., и более поздние — конец эпохи бронзы и начало эпохи железа. Кроме керамики, найдены кремневые орудия, изделия из полуопала, горного хрусталя и сургучно-красной яшмы. В 100 м от центра стоянки обнаружена мастерская кремневых орудий. В 250 м от западной окраины г. Чебаркуля обнаружены следы поселения железного века — так называемая Чебаркульская стоянка у Мелких песков.

Магнитогорский отряд Южно-Уральской экспедиции (руководитель А. И. Россадович) производил исследования в окрестностях г. Магнитогорска. У пос. Агаповка (в 15 км на юг от г. Магнитогорска) было раскопано четыре кургана. Всего вскрыто 15 погребений (курганы № 1 — шесть погребений, № 2 — пять погребений, № 3 — два погребения, № 4 — два погребения). Наиболее распространенный обряд погребения — на левом боку, ноги подогнуты, голова ориентирована на северо-восток. Сожжение двух вариантов — в могиле и на стороне, вне насыпи. В кургане № 4 обнаружены погребения с труположением и трупосожжением, что характерно для периода бронзы Южного Зауралья, причем в погребениях с трупом

сожжением инвентарь богаче. По обряду погребения и инвентарю курган № 2 наиболее ранний (федоровская стадия эпохи бронзы), а курганы № 1, 3, 4 относятся к алакульскому этапу эпохи бронзы (в основном по керамике). Сопоставляя материал Агаповских селища и могильника, можно их в общем датировать временем андроновской культуры эпохи бронзы.

Отряд этой же экспедиции под руководством В. И. Фоминой обследовал археологические памятники на территории Челябинской области и Башкирской АССР по течению рек Аналыка (от с. Смеловского вверх по течению до д. Биккулово), Янгельки, Урала (от с. Янгельского до Кизыльского), Б. Кизыла (от устья до дер. Абдулмакбетово). В основном обследовались левые берега рек. Зарегистрировано 18 курганных групп, 14 одиночных курганов (всего 112 курганов), два селища, три менгира, каменное кольцо и пещера.

Ишимбаевский отряд под руководством В. П. Викторова вел работу на территории Макаровского и Воскресенского районов Башкирской АССР, по правому берегу р. Белой и ее притоков (реки Селеук, Тайрюк). Открыто 16 селищ, два городища, три одиночных кургана, четыре курганные группы (всего 16 курганов) и пещера. Открытые памятники относятся к эпохам неолита, бронзы (большая часть селищ относится к культурам абашевской, срубной, андроновской) и железа. Небольшие раскопки производились на селище «Урняк» (в 15 км к северо-северо-востоку от г. Стерлитамака), относящемся к эпохе бронзы (керамика абашевской и срубной культур).

В Свердловской области Нижнетагильский краеведческий музей произвел раскопки под руководством А. И. Россадович на Лайском мысу. Обнаружено место жертвоприношений, существующее с V в. до н. э. до первых веков нашей эры, сохранились остатки кострищ и множество костей животных, среди которых преобладают кости быка. Встречено также и изображение быка на сосуде. Кроме того, Лайский мыс служил местом плавки медной руды — найдены медные шлаки, ошлакованные тигельки и керамика.

Как и в предыдущие годы, Камская археологическая экспедиция (КАЭ) несколькими отрядами работала на территории Молотовской области¹. Отряд В. И. Неприной обследовал памятники, расположенные по р. Ломоватке, в том числе селище у д. Конец, три селища у д. Зобачево, могильник у с. Зобачево, городище и кострище у д. Старо-Гаревой. Исследованные памятники в основном относятся к ломоватовскому времени.

Отряд КАЭ под руководством Э. П. Соколовой провел разведки археологических памятников в Чермошском районе по р. Косьве — от устья до с. Пермского и близ устья р. Иньвы. Кроме того, обследованы стоянки Базов бор (в 3 км от с. Кыласова), где установлено наличие трех культурных комплексов — поздненеолитического, эпохи бронзы и раннеананьинского.

В. Ф. Генинг в Коми-Пермяцком национальном округе Молотовской области производил раскопки могильника у с. Урби. Вскрыто 56 могил. Могильник датируется VIII—X вв. н. э.

И. А. Лунегов продолжал исследование могильника у с. Редикара (Чердынский район Молотовской области)².

В Чувашской АССР экспедиция Саратовского педагогического института под руководством П. Д. Степанова произвела обследование поселений фатьяновской культуры и других памятников. Открыто и обследовано 15 памятников. Фатьяновское поселение обнаружено на городище у д. Эйдимеры. Фатьяновские слои перекрыты слоями, относящимися к городищенской культуре.

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1952 г.; В. А. Оборин. Раскопки Орла-городка на р. Каме в 1952 г. КСИИМК, вып. 55.

² И. А. Лунегов. Редикарский могильник. КСИИМК, вып. 57.

П. Д. Степановым произведены раскопки курганов срубно-хвалынской культуры у с. Пиксяси на территории Мордовской АССР¹.

В Грозненской области работала Прикаспийская археологическая экспедиция под руководством Е. И. Крупнова².

М. И. Пикуль во главе экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР вела археологические разведки и небольшие раскопки наиболее интересных объектов в районе р. Андийская Койсу (ДагАССР). Обследовано шесть поселений (Тлох-Ортоколо, Тлох, Ансалта, Шодрода, Чирката, Н. Инхо) и четыре могильника (Ортоколо, Ансалта, Шодрода, Н. Инхо).

Л. И. Лавровым выявлены археологические памятники в верховьях р. Самур в Южном Дагестане (в районах Ахтынском, Рутульском и Агульском): три средневековых селища, много заброшенных старомусульманских кладбищ VIII—XV и XVII—XVIII вв. В селениях Ахты, Лучек и Ихрек открыто много ранее не известных куфических надписей, высеченных на камнях. На берегу р. Самура, около впадения в нее речки Хинакмури, в 1 км выше с. Лучек, открыты ранее не известные наскальные изображения (семь камней с рисунками), относящиеся к мусульманскому времени, главным образом к XI—XIII вв.

Т. М. Минаева, как и в предыдущие годы, исследовала археологические памятники на территории Черкесской автономной области Ставропольского края. В 1952 г. велись раскопки на городище Адюх (VI—XII вв.)³.

На территории той же автономной области Е. П. Алексеева исследовала большое средневековое поселение и могильник в балке Тамгацик (в 4 км от правого берега р. М. Зеленчук, на север от аула Жако). Судя по обряду погребения, керамике и вещам, поселение и могильник, очевидно, оставлены племенем алан и датируются IV в. н. э. Таким образом, это наиболее ранний из известных аланских памятников в районе Кубани и Зеленчуков. Местное население занималось скотоводством, земледелием, было знакомо с керамическим производством.

Экспедицией обследованы также каменные гробницы X—XI вв., черкесские курганы XIV—XVI вв., развалины башни «Калез».

В 1952 г. под руководством Б. А. Рыбакова начала работу Таманская экспедиция. На Таманском городище (Тмутаракань) исследовались средневековые и античные⁴ слои — постройки и оборонительные сооружения. Разведка на территории Тмутараканского княжества была направлена на поиски материала, позволяющего судить о связях славян Таманского полуострова с Северным Кавказом.

Синдский отряд Таманской экспедиции работал под руководством В. Д. Блаватского⁵.

Многолетние раскопки в Фанагории продолжались под руководством М. М. Кобылиной. Исследованы объекты, открытые в 1951 г. на юго-восточной окраине городища, где обнаружены пять культурных напластований за период IV в. до н. э. — IV в. н. э. Большое количество глиняных шлаков, керамического шлака и наличие печей III в. н. э. и IV в. до н. э. (рядом с открытой ранее печью IV в. н. э.) заставили определить эту часть города как «Керамик» — место производства изделий из глины. Здесь находился производственный район города.

¹ П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР. КСИИМК, вып. 59.

² Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция 1952 г. КСИИМК, вып. 55.

³ Т. М. Минаева. Городище Адюх. КСИИМК, вып. 59.

⁴ См. статью И. Б. Зеест в настоящем выпуске.

⁵ См. статьи В. Д. Блаватского и Д. Б. Шелова в настоящем выпуске.

Н. В. Анфимов продолжал раскопки Семибратнего городища и произвел разведки на территории Восточной Синдики с целью выявления и уточнения мест древних поселений и выяснения степени заселенности этой территории. На Семибратнем городище исследовались оборонительные сооружения (раскоп Е) и вскрыты территории перед фасадом дома (раскоп А). Разведками охвачена левая терраса старого черноморского русла р. Кубани и Кизылташского лимана от с. Джиганского до совхоза им. Молотова (б. аул Суворово-Черкесский). Выявлены селище в 2 км к юго-западу от с. Джиганского (IV—II вв. до н. э.), селище при впадении р. Урташ в черноморское русло р. Кубани (IV—III вв. до н. э.) и селище IV—III вв. до н. э. в 2 км на север от совхоза им. Молотова. Городище на территории б. хут. Капусты относится к III в. до н. э.—II в. н. э. В районе станицы Благовещенской обнаружено поселение II—начала I в. до н. э. Обследованное городище у станицы Раевской датируется в основном II—I вв. н. э.

А. Л. Монгайт во главе Кубанского отряда Таманской экспедиции работал на заранее намеченных памятниках с целью выяснения облика материальной культуры племен, населявших Северный Кавказ в средние века и, очевидно, соприкасавшихся со славянским населением Тмутаракани. Обследованы известный Борисовский могильник и расположенное близ него селище, нижний слой которого относится к IV—III вв. до н. э. Основной слой изученных селищ синхроничен Борисовскому могильнику (верхний слой—XI—XV вв.). Особенно интересно Ангелинское селище XI—XIV вв. (в 4 км к северо-западу от станицы Ивановской). Это, очевидно, было крупное поселение, о чем свидетельствуют размеры, наличие кирпичных домов, находки каменных литейных форм и т. д.

В. Ф. Гайдукевич продолжал исследование Тиритаки, Илурата и сельской усадьбы эллинистического времени близ городища Мирмекия. В Тиритаке раскопки велись в северной части городища. Открыта монументальная оборонительная стена и большая прямоугольная башня, чем точно определена северная граница города. Эта стена идентична южной, раскопанной в 1932 г. На прилегающем к стене участке города обнаружены остатки городских построек разных периодов. Особенно значительны напластования III—IV вв. н. э. Здесь найдено несколько громадных пифосов. Интересно селище, открытое в 500 м от Тиритаки. Время его существования VI—IV вв. до н. э. Это пригородный сельский поселок. Верхний горизонт, судя по керамике салтово-маяцкого типа и вещевому материалу, относится к VIII—IX вв. н. э. В Илурате раскопан еще один большой комплекс построек — остатки обширного жилого дома (шесть помещений и двор), прилегающего к юго-восточной оборонительной стене. Обильный вещевой материал относится ко II—III вв. н. э. Кроме того, раскрыта двойная оборонительная стена — продолжение раскопанной ранее. Особенно интересна четырехугольная башня с внутренним помещением. Стены башни сохранились на высоту 3,5 м.

На сельской усадьбе в районе Мирмекия открыт ряд новых помещений, южный вход, две винодельни и цистерна-погреб. Винодельня — III в. до н. э., с большой давящей площадкой и одним резервуаром; пресса не было. В усадьбе много вещевого материала второй половины III—начала I в. до н. э.

И. Б. Зеест в 1952 г. продолжала раскопки Феодосии.

Г. Д. Беловым продолжены раскопки в Херсонесе. Вскрывалась площадь под северным и южным нефами базилики, открытой в 1935 г., где ниже пола помещений в некоторых местах сохранилась насыпь, по времени предшествующая эллинистическим домам. Наиболее ранними строительными остатками являются стены эллинистических домов III—I вв. до н. э. Раскопками также выяснены строительные остатки базилики V в. Под се-

верным нефом полностью открыта наружная северная стена базилики, ее северное плечо и западная стена. Фундамент стен покоится на насыпи римского времени. Под боковыми нефами базилики VI в. вскрыты фундаменты ее стен.

М. М. Худяк продолжал раскопки оборонительной стены Нимфея по направлению к мысу. Установлено, что оборонительная стена IV в. до н. э. перекрывала здание V в. до н. э.

Е. В. Веймарн обследовал археологические памятники территории от с. Островского до Перекопского вала и рва включительно. Зафиксирован 71 курган (в 16 группах). Кроме курганов, обнаружены только остатки татарских селищ на правом берегу р. Чатырлык, между с. Островское и Златополь (XVIII—XIX вв.). Произведена фиксация Перекопского вала и рва на участке, протяженностью в 2 км, между железной дорогой, идущей из Джанкоя в Армянск, до крепости включительно. Обмерен также «малый» Перекопский вал и ров.

Исследование храмового комплекса на Тепсене у пос. Планерное (Коктебель) продолжалось под руководством В. П. Бабенчикова. В одном метре от южной стены внутри храма, в центральной части, обнаружены две могилы, выложенные из плит, поставленных на ребро и покрытых такими же плитами. Датируются они от первых веков нашей эры и позже. У южной стены обнаружено еще десять могил из каменных плит и грунтовых, перекрытых большими сланцевыми плитами. Пять из них относятся к первой половине VIII в. В могильнике на западных и северо-западных отрогах Тепсены вскрыто девять погребений, ориентированных с запада на восток. Все могилы — без инвентаря (встречается только керамика, преимущественно кувшины — ойнохои), повторяющие тип грунтовых могил, распространенных на территории храма; датируются они первой половиной VIII в.

А. Л. Якобсон вел раскопки средневековых гончарных печей в районе г. Судак, в Чобан-кале¹.

В. В. Кропоткин, вслед за Е. В. Веймарном и В. П. Бабенчиковым, произвел раскопки 17 могильных сооружений на могильнике, расположенном на юго-западном склоне Чуфут-Кале. Вскрыто 20 склепов и шесть подбойных могил. Подбойные могилы (VII в. н. э.) имеют юго-западную ориентировку, подбой расположен с северо-западной стороны и заложен известняковыми плитами неправильной формы в два ряда. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на юго-запад. Вещей мало. В склепах встречено до семи скелетов, кости перемешаны, и вещи лежат в беспорядке. Ориентировка костяков точно не установлена. Склепы датируются VI—VII вв. В склепах и в подбойных могилах встречались деформированные черепа. Деформация теменная и лобно-затылочная у мужчин и у женщин. Подбойные могилы можно с полным основанием связывать с аланским населением. Близкие аналогии имеются в Поволжье и Подонье. Склепы, обнаруженные в нескольких местах в юго-западном Крыму, еще не могут быть связаны с какой-либо определенной этнической группировкой.

Исследования на Гераклейском полуострове велись С. Ф. Стржелецким. Работы были поставлены на укрепленном поселении Уч-Баш (X—VIII вв. до н. э.), причем установлено, что оно принадлежало ранним таврам. Обнаружены остатки подземного жилья, аналогичного жилищам лесостепной Украины эпохи бронзы и раннего железа. Много ям различного назначения (для хранения запасов зерна и очажных).

Кроме того, на сельскохозяйственной усадьбе, открытой еще в 1950 г., выявлены план и размеры и установлено время ее существования (III—II вв. до н. э.). Въезд в усадьбу находился с западной стороны.

¹ См. статью А. Л. Якобсона. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. КСИИМК, вып. 54.

Небольшие раскопки на Симферопольском поселении производила О. Д. Дашевская. В средней части поселения исследован обрез глиняного карьера и четыре ямы, аналогичные открытым здесь в предыдущие годы¹.

Исследованием памятников палеолита на территории Крымской области занимался А. А. Формозов².

Западно-Сибирская экспедиция (В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская) в 1952 г. сосредоточила свои работы в Тюменской области, преимущественно на Андреевском озере. Продолжены раскопки на городищах Андрюшин городок и Жилье, где удалось подробно исследовать характер жилищ, их расположение и общую планировку поселков. Кроме того, продолжены разведочные работы на Козловой перейме, начатые в 1950 г. Обнаружен неповрежденный культурный слой, содержащий неолитическую керамику. Разведками на Андреевском озере обнаружены также грунтовые могильники — Перейминский и Козловский. На первом из них раскопано девять погребений, на втором — четыре.

В Иркутской области А. П. Окладниковым были начаты раскопки на высоком Ангарском острове (Лесной остров) и продолжены на Сосновом острове. Произведена разведка памятников на островах на участке от Байкала до д. Патроны. На Лесном острове на трех террасах обнаружены три поселения: двуслойное раннего железного века; двуслойное раннего железного и бронзового века и раннего железного века. Четкая стратиграфия и неперемешанность культурных слоев дают много нового и интересного для характеристики жизни людей, обитавших на острове в неолите, бронзовом веке и особенно в раннем железном веке. Разведкой более чем на десяти Ангарских островах обнаружены культурные напластования, относящиеся к эпохам раннего железа, бронзы и в некоторых случаях неолитические (на островах Долгом, Конном и Калягине).

Как и ежегодно, на территории Иркутской области работала экспедиция под руководством П. П. Хороших. Проведено обследование вновь открытой палеолитической стоянки на р. Куде у горы Манхай I (совместно с А. П. Окладниковым). Открыты неолитические стоянки на р. Куде, в местности «Подкаменский бор», и на р. Ангаре у д. Каролок. На стоянке на р. Куде встречены два горизонта позднепалеолитических культурных напластований. На вершине горы Манхай I и Манхай II обнаружены различные археологические памятники раннего железного века — новые наскальные рисунки, городища, плиточные могилы, остатки жилищ и др. Следы палеолита были раньше обнаружены на правом берегу р. Куды у рабочего поселка Базой, в пади Малый Кот.

Кроме этих работ, было предпринято исследование Кадилинских пещер на западном побережье оз. Байкала — падах Малая и Большая Кадильная, в 12—15 км от пос. Коты. Там известно более десяти пещер в скалах, сложенных из известняка палеозойского возраста. Пещеры расположены на различной высоте над уровнем оз. Байкала. Найденные фрагменты керамики, костяные шилья, берестяная посуда, прошитая волосом, и другие вещи принадлежат, очевидно, курыканам — народности, входившей в число древних тюркских племен Южной Сибири (VI—X вв. н. э.).

В Кемеровской области У. Э. Эрднеев продолжал раскопки поселения в урочище Маяк близ г. Сталинска. Вскрыты две землянки: № 1 двухкамерная, прямоугольной формы, размером 7,5 × 6,5 м, с двумя очагами, и № 2 однокамерная, почти прямоугольной формы, размером 9 × 5,6 м.

¹ В 1948 г. раскопки здесь вела Т. М. Минаева, в 1949 г. — О. Д. Дашевская (см. КСИИМК, вып. XXXIX, стр. 110—119).

² А. А. Формозов. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 году. КСИИМК, вып. 54.

Поселение двуслойное: верхний слой относится к железному веку, нижний — к эпохе бронзы, очевидно поздней (вторая половина II тыс. и начало I тыс. до н. э.).

Новосибирская археологическая экспедиция под руководством М. П. Грязнова производила разведку по левому берегу р. Оби на протяжении 70 км. Разновременные памятники обнаружены в 27 пунктах — 17 курганных групп, два грунтовых могильника, а в восьми пунктах — остатки древних стоянок и поселений. Небольшие раскопки стоянки около д. Ирмень впервые дали представление о характере неолитических поселений в районе Верхней Оби. Основные работы были сосредоточены на исследовании памятников эпохи бронзы на поселении близ д. Шляповой и др. Близ д. Ирмень и в устье р. Ирмень обнаружены поселения VII—VIII вв. н. э., принадлежавшие населению, которое вело скотоводческо-рыболовческое оседлое хозяйство. Обнаружены жилища — небольшие землянки.

Археологические исследования в РСФСР в 1952 г. охватили огромную территорию и длительный период жизни и деятельности древних племен и народов, от палеолита до позднего средневековья. Они предоставили в распоряжение науки новые сведения, важные для решения многих проблем истории материальной культуры на территории Российской Федерации.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ В. И. ЦАЛКИНА¹

С. Н. Боголюбский

(Институт морфологии животных АН СССР)

В связи с решениями сентябрьского пленума ЦК КПСС встает необходимость разработки проблемы происхождения домашних животных. Сейчас много внимания уделяется изучению индивидуального развития сельскохозяйственных животных с целью овладения процессом направленного выращивания их, без чего невозможно преобразование и улучшение пород. Но для этого необходимы серьезные знания исторического развития домашних животных. Историческое развитие понимается в данном случае как происхождение и эволюция самих домашних животных, как процесс преобразования и эволюции их в различных странах и, кроме того, как изменение домашних животных по сравнению с дикими формами, направление этих изменений в хозяйствах различного типа, кочевых, оседлых и т. д.

Ни одна книга по животноводству не обходится сейчас без главы о происхождении домашних животных, что свидетельствует о важности этого вопроса, но докладчик показал, сколь неудовлетворительно он освещается в некоторых наших учебниках для вузов. В докладе проявилась тенденция объединить проблему происхождения домашних животных с проблемой истории животноводства. Объединяя эти проблемы, можно будет поставить ряд вопросов, решить которые в состоянии только историческая наука, в частности археология. К ним относится прежде всего эволюция животноводства в различных общественных формациях. Зоотехники, работающие в области выведения новых пород сельскохозяйственных животных, вынуждены обращаться к истории развития разных пород, но в археологической литературе нужных для этого данных они не находят. Таково, в частности, положение в отношении каракульских и тонкорунных овец. Однако мы все же имеем примеры, когда использование археологических и исторических данных позволяло успешно решать отдельные вопросы животноводства. Это относится, например, к истории тонкорунного овцеводства в Грузии.

Зоологи и зоотехники сами не в состоянии поднять изучение проблемы происхождения и эволюции домашних животных, истории животноводства. Перед зоотехниками стоят в первую очередь вопросы практики, а кроме того, в их распоряжении нет материала для изучения древнего животноводства. Большую помощь животноводческой науке могут оказать археологи. Необходимо, чтобы они серьезно занялись этими вопросами. Очень важно также немедленно начать изучение костей современных аборигенных пород,

¹ См. выше стр. 3—13.

которые быстро исчезают, заменяясь более продуктивными породами. Это поможет в понимании породного состава и характера продуктивности древних домашних животных. В СССР пока нет учреждения, которое занималось бы всеми этими вопросами. Следует создать в ИИМК специальную группу по изучению обширного комплекса вопросов истории животноводства.

В. И. Громова (Институт палеонтологии АН СССР)

Идею создания в ИИМК АН СССР группы по истории животноводства следует приветствовать. Для решения всех затронутых в докладе вопросов необходима глубокая комплексность исследования. В настоящее время научные знания в области происхождения и эволюции домашних животных крайне ограничены, изучение костных остатков из раскопок еще не находится на должном научном уровне, из материала еще не извлекается все то, что он может дать для истории животноводства. Зоотехники, зоологи и палеонтологи не могут самостоятельно решать эти проблемы, ведущая роль должна принадлежать археологам. Необходима широкая организация исследований, в том числе и экспериментальных, по происхождению и эволюции домашних животных и по сравнительной морфологии современных аборигенных пород. Если в ИИМК АН СССР будет организована специальная группа из археологов, зоотехников и зоологов, то она сможет дать очень много для истории животноводства.

В. О. Витт (Тимирязевская с.-х. академия)

Современная животноводческая наука активно заинтересована в глубоком изучении происхождения и эволюции домашних животных. Эти проблемы имеют исключительный теоретический интерес и практическую ценность. Они связаны с коренными проблемами дарвинизма и мичуринской биологии, освещающей возможность изменения природы человеком и те пути, которыми человек достигал этих изменений. Животноводы благодарны ИИМК АН СССР, ведущему работы в этом направлении, но масштабы их в настоящее время еще совершенно недостаточны. Необходимо разносторонне и широко поставленное исследование вопросов происхождения и эволюции домашних животных. Такая работа требует совместных усилий научных работников разных специальностей и может быть организована лишь в Академии Наук СССР. Сами животноводы не в состоянии организовать исследования подобного рода.

Д. А. Кисловский (Тимирязевская с.-х. академия)

Кости животных из раскопок являются материалом для изучения самой острой биологической проблемы — проблемы эволюции в самом широком ее понимании. Овладение закономерностями этого процесса, вероятно, возможно путем исследований, упоминавшихся в докладе. Решать проблемы происхождения и эволюции домашних животных, истории животноводства можно только в комплексе, при участии археологов, историков, специалистов биологических, технических и экономических дисциплин.

М. Г. Рабинович (Музей истории и реконструкции Москвы)

Изучение костных остатков из раскопок имеет большое значение для археологов. Оно не ограничивается, однако, вопросами происхождения и эволюции домашних животных. Не меньшее значение имеет этот материал

и для изучения ремесел, использующих в качестве сырья продукты животноводства: костерезного, кожевенного, сапожного дела и т. д. Следует изучать не только костные остатки, но и другие остатки животных, например кожу, шерсть.

С. В. Киселев, член-корр. АН СССР

Доклад уже обсуждался ранее в секторе неолита, бронзы и раннего железа; мы поддерживаем выдвинутые в нем основные положения. Выступления специалистов в области животноводческой науки подтверждают, что изучение вопросов происхождения и эволюции домашних животных, как и истории животноводства, имеет интерес не только для археологии, но и для других областей научного знания. Это тем более важно, что проводимые в ИИМК работы по древнему животноводству подвергаются в Академии Наук СССР нападкам и уже возникал вопрос об их прекращении. Поддержка, оказываемая нашей тематике специалистами-животноводцами, позволяет убедительно аргументировать необходимость подобных исследований. Изучение костных остатков дает археологам ценный материал для понимания экономики первобытно-общинного и раннерабовладельческого строя, но научное значение их этим не исчерпывается. Материал несомненно должен быть использован в интересах всей науки. Нужно созвать широкое совещание историков, археологов, экономистов, зоологов, зоотехников и палеонтологов, обсудить современное положение в деле изучения истории животноводства и наметить организационные мероприятия для дальнейшего развития исследований в этом направлении.

О. П. Осетрова (Всесоюзный институт животноводства)

Институт истории АН СССР не проводит работы по истории животноводства, занимаясь лишь историей земледелия. В готовящемся сейчас к печати томе по истории земледелия ничего не говорится о животноводстве, хотя изучать земледелие в отрыве от животноводства нельзя. В истории животноводства мы должны рассматривать не только древний период, но и новый.

А. Я. Брюсов (ИИМК АН СССР)

В археологии имеется ряд проблем, которые не могут быть разрешены без основательного изучения костных остатков. К их числу принадлежит, в частности, вопрос происхождения скотоводства и возникновения соответствующей терминологии и связанная с этим проблема этногенеза индоевропейских народов. Изучение костных остатков из археологических памятников может внести ясность в этот запутанный вопрос. Круг дисциплин, заинтересованных в изучении костей из раскопок, гораздо шире, чем мы предполагаем. Надо как можно скорее и решительнее приступить к этой работе.

П. Д. Либеров (ИИМК АН СССР)

Предложение о созыве широкого совещания, посвященного проблеме истории животноводства, следует поддержать. На территории СССР ведутся огромные раскопки, и обнаруживаемые костные остатки иногда пропадают. Необходима пропаганда собирания этого научного материала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДЖ — Античная декоративная живопись на юге России
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИТУАК — Известия Таврической ученой археологической комиссии
КАЭ — Камская археологическая экспедиция Молотовского государственного университета
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП — Московское общество испытателей природы
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
СА — Советская археология
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
IOSPE — Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Pont Euxini
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

	Стр.
<i>В. И. Цалкин.</i> Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры	3
<i>Н. И. Сокольский.</i> О боспорских щитах	14
<i>И. Т. Круликова.</i> К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее	26
<i>Н. В. Анфимов.</i> Глиняные курительницы сарматского времени с Северного Кавказа .	31

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Х. И. Крис.</i> Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане	35
<i>И. М. Лосева.</i> Раскопки цитадели урартского города Ирпуни	45
<i>Н. М. Егоров.</i> Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды	53
<i>М. А. Наливкина.</i> Раскопки в Евпатории	63
<i>В. Д. Блаватский.</i> Раскопки Пантикапея в 1952 году	73
<i>В. Д. Блаватский.</i> Третий год работ в Синдике	88
<i>Д. Б. Шелов.</i> Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г.	96
<i>В. Д. Блаватский и Д. Б. Шелов.</i> Разведки на Керченском полуострове	100
<i>И. Б. Зеест.</i> Раскопки Гермонассы	114

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>Н. А. Онайко.</i> Краснофигурный фрагмент из Фанагории	122
<i>М. М. Кубланов.</i> Золотая бляшка из Чмырева кургана	127
<i>К. В. Голенко.</i> Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. .	131
<i>К. В. Голенко.</i> К уточнению датировки одной группы монет Фанагории	139

IV. ХРОНИКА

<i>Н. К. Лисицына.</i> Археологические исследования в РСФСР в 1952 г.	142
Прения по докладу <i>В. И. Цалкина</i>	154
Список сокращений	157

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*
Корректор *В. К. Гарди*

*

РИСО АН СССР № 75-49Р. Сдано в набор 30/X 1954 г.
Подп. к печ. 21/III 1955 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆.
Печ. л. 10 = 13,7 + 3 вкл. Уч.-издат. л. 13 + 0,5 вкл.
(13,5 уч.-изд. л.). Тираж 1800. Т-00152. Издат. № 730.
Тип. заказ № 1328. Цена 8 р.

Издательство Академии Наук СССР.
Москва, Подсосенский пер., дом 21.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.